ВЕСТНИК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 16
Выпуск 3

2026
Сентябрь

ПСИХОЛОГИЯ

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА
ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СПбГУ. ПСИХОЛОГИЯ» ВЫХОДИТ В СВЕТ С МАРТА 2011 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 388

Preface 392

Кропачев Н. М., Лаврикова М. Ю., Пермякова Е. М., Писаренко И. А., Русакова М. М. Обучение служением и клинический подход в образовании: специфика, эффекты и перспективы развития 395

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Гусельцева М. С. Психология личности в условиях новой нормальности: методологические ориентиры и исследовательские подходы 414

Белинская Е. П., Пушкарь Г. А. Трансформации идентичности в условиях распространения технологий искусственного интеллекта: нарастающая фрагментарность или новая целостность? 429

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Брутане В., Водопьянова Н. Е., Круглова М. А. Субъектно-личностные предикторы стрессоустойчивости менеджеров с позиции ресурсно-процессуального подхода 442

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2026

Платонова Я. С., Зиновьева Е. В. От прошлого к настоящему: как прошлый опыт направляет интерпретацию и поведение личности в новых жизненных ситуациях 455

Трошихина Е. Г., Чжан Хаожань. Вклад качества романтических чувств в психологическое благополучие российской и китайской студенческой молодежи 470

Алимова А. О., Игумнов С. А., Главатских М. М. Психофизиологическая модель переживания психотравматического опыта 483

Никитина Е. А., Харламенкова Н. Е., Барц А. А., Шаталова Н. Е. Переживание посттравматического стресса в период ранней взрослости в зависимости от давности воздействия и типа стрессора 495

Sukhorukov S. D., Oreshina G. V., Zhukova M. A., Golovanova I. V. Investigating the association between session quality and nonverbal synchrony in psychological counseling 510

Дроздов Д. С., Димидов В. О. Взгляд со стороны: разработка опросника диспозиционного самодистанцирования и проверка связи с системной рефлексией 524

Гуриева С. Д., Кострома С. Н., Гришина Н. В. Научное наследие А. Л. Свенцицкого в контексте развития социальной психологии и психологии управления в России 539

На наш журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология» можно подписаться по каталогу «Пресса России». Подписной индекс 11279

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-75573 от 19 апреля 2019 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *С. Н. Кострома*, д-р психол. наук, проф.
Корректор *Ю. А. Стржельбицкая*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 22.10.2026.
Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 55 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

Preface (In Russian) 388

Preface 392

Kropachev N. M., Lavrikova M. Yu., Permyakova E. M., Pisarenko I. A., Rusakova M. M. Service-learning and clinical approach in education: Specifics, effects and prospects for development 395

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Guseltseva M. S. Personality psychology in the context of the new normal: Methodological guidelines and research approaches 414

Belinskaya E. P., Pushkar G. A. Identity transformations under expanding artificial intelligence technologies: Escalating fragmentation or emerging wholeness? 429

EMPIRICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCH

Brutane V., Vodopyanova N. E., Kruglova M. A. Subject-personal predictors of managers' stress resistance from the resource-processual approach perspective 442

Platonova Ya. S., Zinovyeva E. V. From the past to the present: How past experiences guide an individual's interpretation and behavior in new life situations 455

Troshikhina E. G., Zhang Haoran. The importance of the quality of romantic feelings for the psychological well-being of Russian and Chinese student youth 470

Alimova A. O., Igumnov S. A., Glavatskikh M. M. Psychophysiological model of traumatic experience 483

Nikitina E. A., Kharlamenkova N. E., Barts A. A., Shatalova N. E. Temporal indicators of experience of posttraumatic stress in early adulthood: Delay and retire of exposure to different stressors 495

Sukhorukov S. D., Oreshina G. V., Zhukova M. A., Golovanova I. V. Investigating the association between session quality and nonverbal synchrony in psychological counseling 510

Drozdov D. S., Dimidov V. O. View from the outside: Development of the Dispositional Self-Distancing Questionnaire and examination of its association with systemic reflection 524

Gurieva S. D., Kostromina S. N., Grishina N. V. The scientific legacy of A. L. Sventsitsky in the context of the development of social psychology and management psychology in Russia 539

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск журнала «Вестник СПбГУ. Психология» за 2026 г. представляет статьи, бóльшая часть которых посвящена актуальным проблемам существования человека в современном мире.

Выпуск открывается статьей Н. М. Кропачева, М. Ю. Лавриковой, Е. М. Пермяковой, И. А. Писаренко и М. М. Русаковой «Обучение служением и клинический подход в образовании: специфика, эффекты и перспективы развития», посвященной актуальной и значимой проблеме включения студентов в реальную общественно-профессиональную жизнь, формирования их социальной направленности в профессиональной деятельности. В статье приводится развернутый сравнительный анализ содержания и специфики двух возможных подходов и представлен многолетний опыт Санкт-Петербургского университета в реализации клинического подхода в обучении студентов как особого типа образовательной деятельности, в ходе которой студенты занимаются реальной профессиональной работой на основе запросов заказчиков под контролем научных руководителей из числа профессорско-преподавательского состава. Подробно описан опыт 20 клиник СПбГУ и результаты оценки эффективности реализации клинического подхода на основе опроса преподавателей, знакомых с их деятельностью, и самих обучающихся. Авторы делают вывод о том, что применение клинического подхода является, безусловно, перспективным для дальнейшего масштабирования в СПбГУ и других образовательных организациях, поскольку он способствует не только формированию социальных навыков и повышению включенности студентов в учебный процесс, но и более высокой удовлетворенности условиями обучения и содержанием образовательных программ, а также развивает экспертный потенциал преподавателей и способствует развитию всего вуза. Статья будет чрезвычайно востребована всеми специалистами, связанными со сферой высшего образования.

Статья М. С. Гусельцевой «Психология личности в условиях новой нормальности: методологические ориентиры и исследовательские подходы» содержит глубокий анализ понятия новой нормальности в социокультурном, культурно-психологическом, технологическом и экзистенциальном измерениях как долговременных, постоянных и многоуровневых трансформаций способов человеческого существования, показывает острую необходимость пересмотра традиционных методологи-

© С. Н. Костромина, 2026

ческих оснований психологии личности. В статье обсуждаются исследовательские подходы и возможности стратегий, направленных на более релевантное понимание личности в трансформирующемся мире.

Продолжает тему современности статья Е. П. Белинской и Г. А. Пушкарь «Трансформации идентичности в условиях распространения технологий искусственного интеллекта: нарастающая фрагментарность или новая целостность?». Авторы представляют теоретико-аналитический обзор и систематизацию имеющихся подходов, а также самые современные эмпирические данные, посвященные изучению трансформаций идентичности личности в условиях цифровизации и массового внедрения искусственного интеллекта; рассматриваются их риски и ресурсы. В статье обосновывается необходимость реконструкции ключевых понятийных рамок в изучении идентичности и перехода к ее многоуровневому, «техно-социальному» пониманию; предложен концепт техно-социальных гибридных механизмов идентичности.

Проблема столкновения с нестабильностью в современном мире затрагивается и в статье В. Брутане, Н. Е. Водопьяновой и М. А. Кругловой «Субъектно-личностные предикторы стрессоустойчивости менеджеров с позиции ресурсно-процессуального подхода». Авторы рассматривают стрессогенные ситуации как момент неустойчивости, который может привести как к дезинтеграции, так и к переходу на новый, более сложный уровень функционирования, понимая устойчивость как динамическую способность к продуктивной трансформации личностно-средовых отношений и самоорганизации в стрессогенных ситуациях. В статье описана эмпирическая верификация и дополнение ресурсно-процессуальной модели, на основе которых предложены научные основы разработки и ключевые составляющие целостной программы развития стрессоустойчивости, направленной на формирование способности управлять процессом изменений.

Статья Я. С. Платоновой и Е. В. Зиновьевой «От прошлого к настоящему: как прошлый опыт направляет интерпретацию и поведение личности в новых жизненных ситуациях» также затрагивает проблему столкновения человека с изменившимися жизненными обстоятельствами, однако с точки зрения имеющегося у него опыта. Подчеркивая, что, адаптируясь к ситуации, человек ориентируется не на события как таковые, а на приписываемые им значения, авторы на основе анализа нарративных эссе исследуют, как и какую информацию человек извлекает из своего прошлого опыта и каким образом она влияет на интерпретацию им новых жизненных ситуаций и поведение в них.

Кросс-культурные аспекты обусловленности психологического благополучия современных молодых людей рассматриваются в статье Е. Г. Трошихиной и Чжан Хаожань «Вклад качества романтических чувств в психологическое благополучие российской и китайской студенческой молодежи». Исследование подтвердило существование в обеих выборках типов «зрелой» и «незрелой» любви и выявило значимые различия в наполнении этих факторов, их связей с полом, психологическим благополучием и осмысленностью жизни в китайской и российской выборках.

В нескольких статьях выпуска рассматриваются различные аспекты практической работы психолога и психологического консультирования.

Статья А. О. Алимовой, С. А. Игумнова и М. М. Главатских «Психофизиологическая модель переживания психотравматического опыта» обращается к теме

посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), интерпретируя его как целый спектр симптоматических проявлений. Рассматривая актуальные нейробиологические данные о структурно-функциональных изменениях в мозговых структурах и современные когнитивные теории, авторы представляют интегративную модель влияния травматического опыта на личность, показывая, что именно когнитивный дефицит формирует патогенетическую основу для симптоматического комплекса ПТСР.

Продолжает раздел статья Е. А. Никитиной, Н. Е. Харламенковой, А. А. Барц и Н. Е. Шаталовой «Переживание посттравматического стресса в период ранней взрослости в зависимости от давности воздействия и типа стрессора». В статье обсуждаются имеющиеся противоречивые данные о связи переживания травматического события и прошедшего после него времени. Авторы описывают эмпирическое исследование опыта переживания молодыми людьми травматических событий разных типов, таких как собственное заболевание, утрата члена семьи, опасная для жизни болезнь близкого, и показывают, что переживание стресса, в зависимости от его типа и давности, приводит к развитию специфической симптоматики.

В статье С. Д. Сухорукова, Г. В. Орешиной, М. А. Жуковой и И. В. Головановой «Исследование связи между качеством сеанса и невербальной синхронностью в психологическом консультировании», представленной на английском языке, обсуждаются способы количественной оценки невербальной синхронизации, выступающей как объективный поведенческий индикатор межличностной сонастройки. На основе анализа видеозаписей индивидуальных сеансов консультирования показаны различия взаимосвязей разных видов синхронности с оценками качества сеанса, его плавностью и глубиной, клиентами и консультантами.

Статья Д. С. Дроздова и В. О. Димидова «Взгляд со стороны: разработка опросника диспозиционного самодистанцирования и проверка связи с системной рефлексией» продолжает традицию публикаций нового психологического инструментария. Авторы предлагают рассматривать самодистанцирование как диспозицию и как многомерный конструкт, связанный с системной рефлексией. В статье представлены результаты психометрической проверки Опросника диспозиционного самодистанцирования (ОДС), включающего три шкалы: временно*е*, лингвистическое и социальное самодистанцирование, и описаны рекомендации по его практическому применению.

Выпуск завершается статьей С. Д. Гуриевой, С. Н. Костроминой и Н. В. Гришиной «Научное наследие А. Л. Свенцицкого в контексте развития социальной психологии и психологии управления в России». Статья посвящена описанию научного наследия, этапов профессионального и творческого пути, академической деятельности и результатам фундаментальных исследований замечательного человека, преподавателя, ученого, почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, заведующего кафедрой социальной психологии (1989–2015), основателя российской психологической школы управления Анатолия Леонидовича Свенцицкого. Созданная им научная школа социальной психологии управления организациями и сегодня продолжает развитие в работах и научных исследованиях его учеников, коллег и последователей, всегда относившихся к нему с огромным уважением и любовью.

Мы благодарны всем авторам — и тем, чьи статьи уже опубликованы, и тем, чьи присланные статьи еще ждут своей очереди, — за выбор нашего журнала.

Мы делаем все, чтобы уровень нашего журнала соответствовал ожиданиям наших авторов и читателей!

Главный редактор журнала «Вестник СПбГУ. Психология»
Светлана Костромина

PREFACE

The third issue of the journal "Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology" for 2026 presents articles, most of which are devoted to topical issues of human existence in the modern world.

The issue opens with the article by N. M. Kropachev, M. Yu. Lavrikova, E. M. Permyakova, I. A. Pisarenko and M. M. Rusakova "Service-learning and clinical approach in education: Specifics, effects and prospects for development", devoted to the urgent and significant problem of students' inclusion in real social and professional life, the formation of their social orientation in professional activity. The article provides a detailed comparative analysis of the content and specifics of two possible approaches, and presents the long-term experience of St. Petersburg University in implementing a clinical approach to student education as a special type of educational activity, during which students engage in real professional work based on customer requests, under the supervision of academic supervisors from among the teaching staff. The experience of twenty two clinics of St. Petersburg State University and the results of evaluating the effectiveness of the clinical approach based on a survey of teachers familiar with their activities and the students themselves are described in detail. The authors conclude that the application of the clinical approach is certainly promising for further scaling at St. Petersburg State University and other educational institutions, contributing not only to the formation of social skills and increased student engagement in the educational process, but also to higher satisfaction with learning conditions and the content of educational programs, as well as developing the expert potential of teachers and contributing to the development of the entire university. The article will be in great demand by all specialists related to the field of higher education.

The article by M. S. Guseltseva, "Personality psychology in the context of the new normal: Methodological guidelines and research approaches" contains an in-depth analysis of the concept of new normality in socio-cultural, cultural-psychological, technological and existential dimensions as long-term, permanent and multilevel transformations of the ways of human existence shows the urgent need to revise the traditional methodological foundations of personality psychology. The article discusses research approaches and the possibilities of strategies aimed at a more relevant understanding of personality in a transforming world.

The article by E. P. Belinskaya and G. A. Pushkar "Identity transformations under expanding artificial intelligence technologies: Escalating fragmentation or emerging wholeness?" continues the theme of modernity. The authors present a theoretical and analytical review, a systematization of existing approaches, as well as the most up-to-date empirical data on the study of personality identity transformations in the context of digitalization

© S. N. Kostromina, 2026

and mass adoption of artificial intelligence; their risks and resources are considered. The article substantiates the need to reconstruct key conceptual frameworks in the study of identity and transition to its multilevel, "techno-social" understanding; the concept of techno-social hybrid identity mechanisms is proposed.

The problem of encountering instability in the modern world is also touched upon in the article by V. Brutane, N. E. Vodopyanova, M. A. Kruglova in the article "Subject-personal predictors of stress tolerance of managers from the perspective of a resource-based procedural approach". The authors consider stressful situations as a "moment of instability" that can lead to both disintegration and transition to a new, more complex level of functioning, understanding stability as a dynamic ability to productively transform personal and environmental relationships and self-organization in stressful situations. The article describes the empirical verification and addition of the resource-procedural model, on the basis of which the scientific foundations of the development and key components of an integrated stress tolerance development program aimed at developing the ability to manage the process of change are proposed.

The article by Ya. S. Platonova and E. V. Zinovieva "From the past to the present: How past experience guides the interpretation and behavior of a person in new life situations" also touches on the problem of a person's encounter with changed life circumstances, however, from the point of view of his existing experience. Emphasizing that when adapting to a situation, a person focuses not on events as such, but on the meanings attributed to them, the authors, based on the analysis of narrative essays, explore how and what information a person extracts from his past experience, and how it affects his interpretation of new life situations and behavior in them.

The cross-cultural aspects of the conditioning of the psychological well-being of modern young people are discussed in the article by E. G. Troshikhina and Zhang Haoran "The importance of the quality of romantic feelings for the psychological well-being of Russian and Chinese student youth". The study confirmed the existence of "mature" and "immature" love types in both samples, and revealed significant differences in the content of these factors, their associations with gender, psychological well-being, and meaningfulness of life in the Chinese and Russian samples.

Several articles in the issue cover various aspects of the practical work of a psychologist and psychological counseling.

The article by A. O. Alimova, S. A. Igumnov, and M. M. Glavatskikh "Psychophysiological model of traumatic experience" concerns the topic of post-traumatic stress disorder (PTSD), interpreting it as a whole range of symptomatic manifestations. Considering current neurobiological data on structural and functional changes in brain structures and modern cognitive theories, the authors present an integrative model of the impact of traumatic experiences on personality, showing that it is cognitive deficits that form the pathogenetic basis for the symptomatic complex of PTSD.

The section continues with the article by E. A. Nikitina, N. E. Kharlamenkova, A. A. Barts, and N. E. Shatalova "Temporal indicators of experience of posttraumatic stress in early adulthood: Delay and retire of exposure to different stressors". The article discusses the conflicting data available on the relationship between the experience of a traumatic event and the time that passed after it. The authors describe an empirical study of the experience of young people experiencing traumatic events of various types, such as their own illness, the loss of a family member, or a life-threatening illness of a loved one, and

show that experiencing stress, depending on its type and duration, leads to the development of specific symptoms.

The article by S. D. Sukhorukov, G. V. Oreshina, M. A. Zhukova, and I. V. Golovanova "Investigation of the relationship between session quality and nonverbal synchronicity in psychological counseling", presented in English, discusses ways to quantify nonverbal synchronization, acting as an objective behavioral indicator of interpersonal attunement. Based on the analysis of video recordings of individual counseling sessions, the differences in the interrelationships of different types of synchronicity with assessments of the quality of the session, its smoothness and depth, clients and consultants are shown.

The article by D. S. Drozdov and V. O. Dimidov "View from the outside: Development of the Dispositional Self-Distancing Questionnaire and examination of its association with systemic reflection" continues the tradition of publishing new psychological tools. The authors propose to consider self-distancing as a disposition, and as a multidimensional construct associated with systemic reflection. The article presents the results of the psychometric verification of the Questionnaire of dispositional self-distancing (DSDQ), which includes three scales: temporal, linguistic and social self-distancing, and describes recommendations for its practical application.

The issue ends with the article by S. D. Gurieva, S. N. Kostromina, and N. V. Grishina "The scientific legacy of A. L. Sventsitsky in the context of the development of social psychology and management psychology in Russia". The article describes the scientific heritage, stages of the professional and creative path, academic activity and the results of fundamental research of Anatoly Leonidovich Sventsitsky, a remarkable man, teacher, scientist, honorary professor at St. Petersburg State University, head of the Department of Social Psychology (1989–2015), and founder of the Russian Psychological School of Management. The scientific school of social psychology of organization management created by A. L. Sventsitsky continues to develop today in the works and scientific research of his students, colleagues and followers, who have always treated him with great respect and love.

We are grateful to all the authors, both those whose articles have already been published and those whose submitted articles are still waiting for their turn, for choosing our journal.

We do everything to ensure that the level of our magazine meets the expectations of our authors and readers!

Editor-in-Chief of the journal "Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology"
Svetlana Kostromina

Обучение служением и клинический подход в образовании: специфика, эффекты и перспективы развития

Н. М. Кропачев, М. Ю. Лаврикова, Е. М. Пермякова, И. А. Писаренко, М. М. Русакова[a]

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Кропачев Н. М., Лаврикова М. Ю., Пермякова Е. М., Писаренко И. А., Русакова М. М.* Обучение служением и клинический подход в образовании: специфика, эффекты и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 395–413. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.301

Цель статьи — выявить специфику обучения служением и клинического подхода в образовании на основе научно-теоретического анализа литературы и обобщения опыта реализации клинического подхода в обучении студентов Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). В исследовании использованы анализ литературы и вторичный анализ данных онлайн-опросов среди обучающихся по оценке эффективности клиник СПбГУ ($n = 463$), обучающихся выпускных курсов об удовлетворенности условиями обучения ($n = 1400$) и преподавателей, осведомленных о работе клиник СПбГУ ($n = 488$). Систематизированы общие и специфичные черты обучения служением и клинического подхода в образовании, проведен математико-статистический анализ данных: рассчитаны средние значения и статистически значимые различия между группами, построена модель бинарной логистической регрессии. Результаты исследования: определена специфика обучения служением и клинического подхода в образовании. Оба подхода направлены на воспитание и формирование гражданина, готового к служению стране и обществу, однако в первом случае посредством благотворительной и социально значимой деятельности, во втором — посредством профессионального становления и понимания социальной ответственности в профессиональной работе. Клинический подход исторически обоснован, является более эффективным инструментом в подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности и в формировании социальных навыков, чем обучение служением. Впервые в отечественном дискурсе рассмотрен вопрос соотнесения клинического подхода в образовании и обучения служением в высшем образовании. Представлены уникальные эмпирические данные по результатам оценки эффективности реализации клинического подхода в обучении в СПбГУ.

Ключевые слова: клинический подход в обучении, обучение служением, высшее образование, качество образования, оценка эффективности, развитие вуза.

a Автор для корреспонденции.

© Н. М. Кропачев, М. Ю. Лаврикова, Е. М. Пермякова, И. А. Писаренко, М. М. Русакова, 2026

Service-learning and clinical approach in education: Specifics, effects and prospects for development

N. M. Kropachev, M. Yu. Lavrikova, E. M. Permyakova, I. A. Pisarenko, M. M. Rusakova[a]

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Peterburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kropachev N. M., Lavrikova M. Yu., Permyakova E. M., Pisarenko I. A., Rusakova M. M. Service-learning and clinical approach in education: Specifics, effects and prospects for development. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 395–413. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.301 (In Russian)

This study aims to identify the specific characteristics of service-learning and the clinical approach in education, based on a scientific-theoretical analysis of existing literature and a synthesis of experiences related to the implementation of the clinical approach in the education of students at Saint Petersburg State University (SPbSU). The research employed a literature review and a secondary analysis of data collected from online surveys among students on the assessment of the effectiveness of SPbSU Clinics ($n = 463$), students on satisfaction with the learning environment ($n = 1400$) and teachers aware of the work of SPbSU Clinics ($n = 488$). The study systematically organized both general and specific features of service learning and the clinical approach in education. It included statistical data analyses, calculating mean values and statistically significant differences between groups, as well as constructing a binary logistic regression model. The specificity of service learning and clinical approach in training was determined. The study identified the specific aspects of service learning and the clinical approach in education process. Both methodologies aim to educate and develop citizens who are prepared to serve their country and society; however, service learning achieves this through voluntary and socially significant activities, while the clinical approach focuses on professional development and an understanding of social responsibility within professional practice. Historically grounded, the clinical approach proves to be a more effective tool for preparing students for their future careers and fostering social skills compared to service learning. This study is the first in national discourse to examine the relationship between the clinical approach in education and service learning in higher education. It presents unique empirical data regarding the effectiveness of the clinical approach implemented at St. Petersburg State University.

Keywords: clinical approach in education, service learning, higher education, quality of education, performance evaluation, university development.

Введение

В последние годы в российском высшем образовании усиливается внимание к воспитательному аспекту подготовки молодых специалистов, формированию социальной направленности в профессиональной деятельности выпускников, что отражается в соответствующих документах, регулирующих государственную политику Российской Федерации[1]. Согласно современным исследованиям, интеграция студентов в учебную и внеучебную университетскую жизнь способствует

[a] Author for correspondence.

[1] См., например: Перечень поручений по итогам заседания Государственного совета. 16.01.2019. URL: http://www.kremlin.ru/misc/59686 (дата обращения: 15.05.2025); Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образова-

повышению качества образования, развитию социальных и профессиональных компетенций студентов (Владимиров, Киселева, 2024, с. 38). Отсутствие практической ориентированности в образовательном процессе, низкая учебная нагрузка и несформированный интерес к получаемой профессии, напротив, препятствуют вовлеченности студентов в учебный процесс, при этом в зоне риска оказываются обучающиеся старших курсов (Владимиров, Киселева, 2024, с. 37).

Проблемой формирования личностных качеств будущих специалистов занимаются не только в России. Многие зарубежные университеты давно используют разные формы образовательных практик, позволяющих студентам еще до окончания вуза интегрироваться в реальную общественно-профессиональную жизнь, обрести мировоззренческую позицию и найти единомышленников (Furco, 1996; Finley et al., 2017; Lypka, 2019). Многообразие данных образовательных практик ставит вопрос о понятийно-терминологическом аппарате этой деятельности, так как разные интерпретации одного и того же понятия создают и методологическую, и содержательную путаницу. В данной статье предпринята попытка проанализировать два способа практической подготовки в высшем образовании — обучение служением и клинический подход в обучении («клиническая практика») — и определить специфику каждого из них. На сегодняшний день в научном поле более широко представлен первый способ, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, отражающие как теоретические аспекты (Furco, Billig, 2002; Купцова и др., 2020; Никольский, 2023; Никольский, 2024), так и практический опыт некоторых вузов в данном направлении (Закирова, 2010; Епанчинцев и др., 2023; Суржиков и др., 2023; Асланов и др., 2024; Кузнецова, Флерова, 2025).

Клинический подход отражен в гораздо меньшей степени и иногда воспринимается в качестве синонима такой образовательной практики, как обучение служением. Некоторые ученые даже считают клинический подход составной частью обучения служением (Шаркунова, Неволина, 2024). Однако 25-летний опыт СПбГУ в реализации клинического формата позволяет увидеть специфику обоих подходов и предложить свое понимание содержательного наполнения вышеуказанных терминов. Представим краткую характеристику каждого из подходов.

Обучение служением

В отечественной литературе история возникновения понятий «service-learning» и «обучение служением» изучена довольно подробно. Во многих публикациях они употребляются как идентичные, хотя встречаются и альтернативные мнения. Согласно проведенному научно-теоретическому анализу, базовым понятием феномена «service-learning» послужило словосочетание «servant leadership» («лидерство-слуга», «служебное лидерство»), предложенное Робертом Гринлифом (Greenleaf, 1970). Об этом упоминает Роберт Сигмон в своей основополагающей статье «Обучение служением: три принципа» (Sigmon, 1979). Главный смысл теории Гринлифа заключался в том, что великий лидер рассматривается прежде всего как слуга для других и это является ключом к его величию. Поз-

---

ния Российской Федерации / Минобрнауки РФ, Ассоц. волонтер. центров, Высш. шк. экон. М., 2023. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2956-0

же из области теории лидерства идея служения распространилась и на теорию и практику образования, захватив школы и университеты. Как утверждают исследователи, практика обучения служением уходит корнями к идеям Дж. Дьюи (J. Dewey) и У. Килпатрика (W. Kilpatrick), предложивших проектный метод обучения (Шаркунова, Неволина, 2024). Впоследствии появились и другие социальные практики, помогающие ориентировать образование студентов и школьников на интересы общества.

В России, в отличие от СССР, до недавнего времени активная социальная деятельность обучающихся не была интегрирована в процесс школьного и вузовского обучения в обязательном порядке, в то время как в зарубежных странах, откуда и пришел термин «service-learning», история его реализации (в том числе за счет государственных инвестиций) насчитывает несколько десятилетий. По мнению зарубежных исследователей, «service-learning — это многогранная педагогика, которая пересекает все уровни обучения, имеет потенциальную значимость для всех академических и профессиональных дисциплин, связана с рядом динамических социальных проблем и действует в широком диапазоне общественных контекстов» (Furco, Billig, 2002, p. 7–8).

Таким образом, обучение служением стало неотъемлемым понятием современной педагогики. В научной литературе отмечается, что социальная практика может осуществляться в нескольких форматах: волонтерство, реализация социальных проектов, социально ориентированные стажировки и т. д. Соответственно, ученые пытались разобраться в терминологической специфике подобных форматов. Наиболее системной и лаконичной представляется позиция Фарко (Furco, Billig, 2002), предлагающего следующие разграничения социальных практик:

«Волонтерство — это вовлечение студентов в деятельность, где основной акцент делается на предоставляемой услуге, а основным предполагаемым бенефициаром, несомненно, является получатель услуг».

«Общественная работа — это участие студентов в мероприятиях, которые в первую очередь сосредоточены на предоставляемой услуге, а также на преимуществах, которые деятельность по оказанию услуг приносит получателям». По мнению Фарко, в отличие от волонтерства, общественная работа имеет более долговременный характер и направлена на решение какой-то проблемы, имеющей общественный характер.

«Программы стажировок вовлекают студентов в деятельность по оказанию услуг в первую очередь с целью предоставления студентам практического опыта, который улучшает их обучение или понимание вопросов, относящихся к определенной области обучения. Очевидно, что в программах стажировок студенты являются основным предполагаемым бенефициаром, а фокус деятельности по оказанию услуг сосредоточен на обучении студентов». Кроме того, стажировка для студента может быть и оплачиваемой — в этом случае она существенно отличается от неоплачиваемых двух предыдущих форматов.

«Полевое обучение предоставляет студентам возможности внеклассной работы, связанные, но не полностью интегрированные с их формальным академическим обучением. Студенты выполняют работу в рамках программы, разработанной в первую очередь для улучшения понимания студентами области обучения, а также уделяя существенное внимание предоставляемой услуге». В этом формате,

как считает Фарко, упор делается не столько на общественную пользу, сколько на академическую пользу для самих студентов.

«Обучение служением (service-learning) отличается от других подходов тем, что оно нацелено на то, чтобы в равной степени приносить пользу поставщику и получателю услуги, а также на обеспечение равного внимания как к предоставляемой услуге, так и к происходящему обучению». Для этого программы обучения служением должны иметь некоторый академический контекст и быть разработаны таким образом, чтобы гарантировать, что и услуга улучшает обучение, и обучение улучшает услугу. В отличие от программы полевого образования, в которой услуга выполняется в дополнение к курсам студента, программа обучения служением интегрирует услугу в курсы. Именно этот баланс, по мнению Фарко, отличает обучение служением от всех других программ экспериментального образования (Furco, Billig, 2002).

Некоторые ученые рассматривают обучение служением гораздо более фундаментально — как способ борьбы с неравенством и реализацию идеи справедливого мира (Tinkler, Tinkler, 2018). В Докладе НИУ ВШЭ обучение служением трактуется как «метод обучения, преподавания и организации образовательных программ, предполагающий непосредственное участие обучающихся в решении социальных проблем» (Земцов и др., 2023, с. 7).

В России наиболее распространенной является смешанная модель обучения посредством включения разных социальных практик в образовательный процесс. Вузы, использующие программы обучения служением, часто представляют этот подход как реализацию тех или иных проектов, направленных на безвозмездную помощь разным целевым группам. Используя классификацию Фарко, они занимаются в основном волонтерством и общественной работой. Основными результатами участия в таких проектах, по мнению студентов, является осмысление «гражданской активности и ответственности» (23,2 %), «личностного развития» (34,8 %), «взаимосвязи обучения служением и профессионального развития» (36,9 %), «полезности результатов проекта для решения общественно значимых проблем» (37,5 %) (Асланов и др., 2024). Как видно из ответов, формирование профессиональных навыков не является здесь приоритетным. Иными словами, акцент в этой деятельности делается в большей мере на формировании личностных качеств будущего выпускника и расширении его социального опыта, нежели на отработке конкретных профессиональных умений.

Клинический подход в обучении

Под клиническим подходом в обучении понимается особый тип образовательной деятельности, который заключается в привлечении студентов к выполнению будущих профессиональных обязанностей в период обучения в университете в рамках реализации образовательной программы под контролем научного руководителя / куратора / наставника из числа профессорско-преподавательского состава. В процессе данной деятельности студенты занимаются реальной профессиональной работой на основе запросов заказчиков и решают общественно и социально значимые задачи с учетом учебных и воспитательных целей во время обучения (Кропачев и др., 2023).

Основы клинического подхода в обучении были заложены еще в XIX в. и восходят к работам профессора СПбГУ Дмитрия Ивановича Мейера, который ввел понятие юридической клиники и описал процедуру ее функционирования (Мейер, 1855, с. 42–44). В 1998 г. в СПбГУ была открыта первая клиника — юридическая, которая позволила студентам в стенах вуза попробовать свои силы в реальной юридической практике. За прошедшую четверть века в Университете появилось еще более двух десятков клиник, которые не только показали свою эффективность в профессиональном обучении, но и, на основе регулярного мониторинга их деятельности, позволили выстроить четкую методологическую позицию, отраженную в публикациях разного жанра (Грачева, Лаврикова, 2003; Картавых, Прохорова, 2015; Грандилевская и др., 2016; Захарова, 2023; Писаренко, 2023; Тестина, Веселов, 2024; Сафонов и др., 2024).

В качестве научно-теоретической основы клинического подхода в обучении выступают несколько идей:

1. Деятельностный подход (А. Дистервег, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский и др.). Многообразие видов практической деятельности позволяет студенту получить более объемное представление о мире и о себе и начать автономное движение в профессии. Происходит синхронизация образа будущей профессиональной деятельности и реальной практики.

2. Экзистенциально-гуманистический подход (С. Кьеркегор, Л. Шестов, С. Мадди, Д. А. Леонтьев). Опыт участия в клинической практике позволяет студенту получить персональный опыт и определить уникальный уровень своих возможностей, а также найти смысл в своей будущей профессиональной деятельности. Возможность выбора форм клинической практики формирует палитру навыков и развивает жизнестойкость.

3. Персонализация обучения (А. Г. Асмолов, Э. Ф. Зеер, Е. И. Казакова). Обучение по авторской траектории формирует персональное профессионально-коммуникативное поле, развивает субъектность, самодетерминацию и «способность к поиску возможностей» (Lash, Belfiore, 2017).

4. Междисциплинарный подход. В этом случае практика становится инструментом развития междисциплинарной подготовки студента, расширяя вариативность его ресурсов и свободу выбора.

Доминантой в клиническом подходе является формирование профессиональных компетенций и приобретение опыта, соответствующего профессиональной квалификации, а не только развитие личности студента и помощь обществу. Соответственно, при выборе базы для клинической практики именно эта задача стоит в качестве приоритетной, хотя, безусловно, социальные мотивы в большинстве случаев также присутствуют. Остановимся на практической демонстрации реализации клинического подхода в обучении студентов на примере СПбГУ.

Специфика и опыт клинического подхода в СПбГУ

По состоянию на 2025 г. в СПбГУ осуществляют работу 22 клиники, предоставляющие возможность студентам пройти клиническую практику в течение всего учебного года. В 2024 г. в клиниках СПбГУ был реализован 131 проект, в котором приняли участие более 1500 обучающихся и 168 работодателей и партнеров СПбГУ.

В зависимости от специфики направления подготовки и профессиональных компетенций, необходимых выпускнику по окончании обучения для дальнейшего успешного трудоустройства, продолжительность и форматы прохождения практики варьируются. По длительности полный цикл клинической практики может занимать от одного семестра до полного учебного года. В рамках клиник студенты принимают участие в следующих видах деятельности:

1. Исследовательская, задачей которой является проведение полного исследования и дальнейшее представление его результатов в профессиональном и научном сообществе.

2. Прикладная, направленная на решение конкретной практической проблемы заказчика или формулирование рекомендаций по решению проблемного вопроса.

3. Консультационная, что подразумевает оказание содействия в решении проблемы путем передачи необходимых знаний в конкретной предметной области.

4. Аналитическая, цель которой — анализ опыта работы клиники, выявление проблем в организации и методологии работы, предложение решений для преодоления возникающих проблем.

5. Организационная, направленная на развитие у студентов организаторских способностей, управленческих навыков, а также выявление студентов, обладающих лидерскими качествами (Кропачев и др., 2023).

Отличительными особенностями клинического подхода по сравнению с обучением служению являются:

• Системность и гибкость. Функционирование клиник СПбГУ осуществляется на систематической основе в течение всего учебного года, один клинический цикл сменяется другим. Для обучающихся это возможность за время обучения принять участие в целой серии разнообразных проектов, отметить те знания и навыки, которых им не хватает в ходе клинической практики, и наверстать их в последующих циклах, на занятиях по учебным дисциплинам, при подготовке курсовых и выпускных работ. Каждая клиника СПбГУ уникальна, модели их реализации разные и основаны на специфике получаемых обучающимися профессий, что позволяет эффективно осуществлять поиск решений и готовить обучающихся к выходу на рынок труда.

• Баланс общепрофессиональных и профессиональных навыков. В обучении служением на первый план в образовательных результатах выходит развитие социальных качеств личности, таких как «гражданственность, социальная ответственность, патриотизм и лидерство» (Методические рекомендации…, 2023, с. 7), а уже затем следует развитие профессиональных навыков. Клинический подход развивает социальные качества и общепрофессиональные навыки студентов посредством решения конкретных профессиональных задач. Развитие общепрофессиональных навыков является ответом на требования современного рынка труда, профессиональных — необходимым условием освоения компетенций образовательной программы и соответствия профессиональным образовательным стандартам. Клинический подход позволяет университету реализовать «третью миссию» и вносить свой вклад в развитие общества путем решения социально значимых задач, в том числе для социально незащищенных групп. Для организаций-работодателей участие в клинике — это возможность получить экспертное заключение и решить

имеющиеся задачи при минимальных затратах, что особенно важно для некоммерческих организаций (Сафонов и др., 2024). Таким образом, клинический подход позволяет не только воспитать социально ответственных людей, но и научить их выстраивать коммуникацию, ориентироваться и применять полученные навыки в профессиональной среде.

• Создание внутренней ценности. В работе клиник СПбГУ предусмотрен отдельный трек с проектами для Университета. Руководители и сотрудники структурных подразделений, научные руководители образовательных программ, преподаватели и обучающиеся могут стать заказчиками или клиентами клиник. В данном контексте обучающиеся выступают не только потребителями образовательных услуг, но и активными субъектами деятельности, вносящими вклад в общее дело. Проактивный подход позволяет обучающимся погрузиться во внутренние процессы, происходящие в вузе как в организации, предложить варианты решений актуальных задач и увидеть, как они используются на практике.

• Экспертиза и обратная связь от преподавателей. Особую роль в деятельности клиник играют преподаватели. В отличие от обучения служением, они являются не только координаторами проектов, но и научными руководителями. В функции преподавателей входят предварительная оценка возможности реализации запроса заказчика в рамках клинической практики, помощь в переводе запроса заказчика на научный язык (Базжина и др., 2023), контроль над выполнением проекта на всех этапах. Именно научные руководители клиник несут непосредственную ответственность за итоговый результат, дают ему оценку, при этом их экспертиза становится частью проектов.

По результатам клинических проектов преподаватели обогащают свою педагогическую и профессиональную практику — впоследствии на основе реализованных проектов они могут формировать подборки практических кейсов и заданий, а также использовать методические и содержательные результаты в развитии имеющихся учебных дисциплин и образовательных программ, создавать новые образовательные продукты. По результатам исследования Центра мониторинга качества образования СПбГУ, большинство преподавателей, которые были знакомы с деятельностью клиник СПбГУ, высоко оценили качество организации клинической практики (рис. 1).

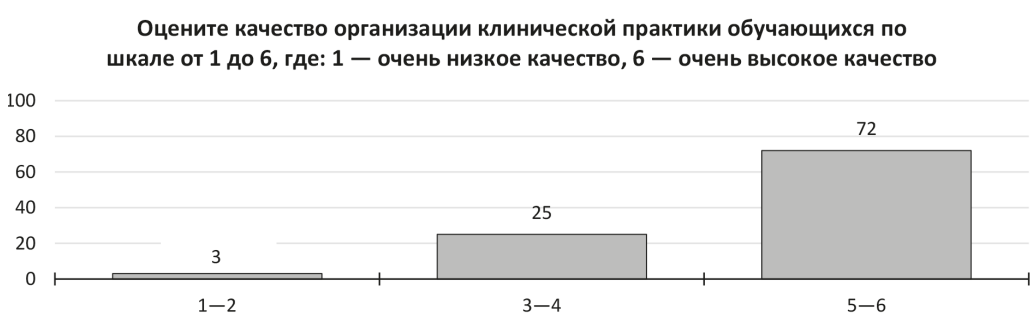

Рис. 1. Мнения преподавателей, знакомых с организацией клинической практики в клиниках СПбГУ, о качестве организации этой практики, %

Примечание: по результатам опроса преподавателей 2023 г., $n = 488$ — суммарное количество ответов преподавателей по 16 клиникам. Каждый преподаватель мог оценить несколько клиник.

Наличие оценки эффективности клинического подхода. Одной из отличительных черт клинического подхода выступает оценка эффективности работы клиник, которая представляет собой отдельное направление в системе мониторинга качества образования СПбГУ и проводится в том числе на основе результатов социологических исследований среди обучающихся и преподавателей. Обучающиеся, прошедшие практику на базе клиник СПбГУ, и преподаватели имеют собственные представления о результатах клинической практики и об эффективности ее организации. Для систематизации и мониторинга мнений обучающихся и сотрудников оценка организации клинической практики была включена в опросы обучающихся об удовлетворенности условиями обучения и преподавателей об удовлетворенности условиями преподавательской деятельности. Эти исследования проводятся ежегодно Центром мониторинга качества образования СПбГУ по основным образовательным программам.

В 2022 г. на основе обзора современных теорий и исследований по оценке эффективности проектов был разработан и впервые проведен опрос обучающихся по оценке эффективности клиник СПбГУ. В настоящий момент этот опрос также встроен в систему мониторинга качества образования СПбГУ и проводится ежегодно. Результаты опросов направляются руководству Университета и руководителям клиник для рассмотрения, принятия управленческих решений и корректировки программ клинической практики.

Актуальная версия анкеты опроса обучающихся по оценке эффективности клиник СПбГУ содержит 18 вопросов. Участие в исследовании является конфиденциальным для обучающихся, при этом респондентам предлагается указать учебно-научное подразделение, уровень образования и наименование основной образовательной программы, а также клинику, на базе которой они проходили практику. Смысловым ядром анкеты выступают вопросы по оценке профессиональных и общепрофессиональных навыков. Обучающимся предлагается оценить, на каком уровне к моменту завершения клинической практики они овладели профессиональными (hard) навыками. Перечень профессиональных навыков отражает специфику работы конкретных клиник и содержит в среднем шесть пунктов. Так, например, обучающиеся Юридической клиники СПбГУ оценивают навыки юридического письма, использования справочных правовых систем и баз данных, обучающиеся Социологической клиники СПбГУ — навыки планирования и проектирования прикладных социологических исследований, разработки и использования социологического инструментария. Обучающимся предлагается оценить организацию работы на практике, вклад практики в профессиональное развитие и включение в студенческое сообщество, а также внести предложения по интересующим их образовательным мероприятиям.

Результаты оценки эффективности реализации клинического подхода в СПбГУ

Как показал ежегодный мониторинг, наличие опыта прохождения клинической практики повышает включенность студентов в учебный процесс. Обучающиеся, имеющие опыт работы в клинике, в среднем более высоко оценивают свою

посещаемость занятий, усвоение знаний и навыков, мотивацию и вовлеченность в учебный процесс, а также интерес к учебным дисциплинам, чем те, у кого не было опыта клинической практики (табл. 1).

Таблица 1. **Различия между обучающимися выпускных курсов СПбГУ, имеющими и не имеющими опыт клинической практики, по включенности в учебный процесс, средние значения**

Оцените, пожалуйста, Вашу включенность в учебный процесс в этом учебном году по шкале от 1 до 5: 1 — очень низкий уровень, 5 — очень высокий уровень	**Нет опыта клинической практики**		**Есть опыт клинической практики**	
	среднее значение по шкале от 1 до 5	**стандартное отклонение**	**среднее значение по шкале от 1 до 5**	**стандартное отклонение**
Посещаемость занятий	4,0	1,1	4,3	1,0
Усвоение знаний и навыков	3,9	1,0	4,0	1,1
Мотивация и вовлеченность в учебный процесс	3,5	1,2	3,9	1,1
Интерес к учебным дисциплинам	3,5	1,3	3,9	1,2

Примечание: по результатам опроса обучающихся об удовлетворенности условиями обучения по итогам 2022/2023 учебного года, $n = 1400$. Различия статистически значимы на уровне $p < 0{,}05$ по критерию Колмогорова — Смирнова для независимых выборок.

Опыт клинической практики способствует более высокой удовлетворенности обучающихся отдельными аспектами обучения по основным образовательным программам. Согласно данным мониторинга, обучающиеся, имеющие опыт клинической практики, выше оценивают удовлетворенность условиями обучения, содержанием образовательной программы, нагрузкой, расписанием занятий и организацией учебного процесса, чем те, кто не участвовал в клинической практике (табл. 2).

Клиническая практика способствует развитию у студентов общепрофессиональных (soft) навыков, к которым относятся работа и коммуникация в команде, организация проектной работы, коммуникация с заказчиком или клиентом, планирование, самопрезентация, соблюдение сроков, тайм-менеджмент и навык публичного выступления. По итогам прохождения клинической практики в 2024 г. обучающиеся отмечали высокий уровень владения общепрофессиональными навыками: средние значения по всем пунктам составили от 5,2 до 5,6 по шестибалльной шкале, где 1 — очень низкий, 6 — очень высокий уровень (рис. 2).

Клиническая практика помогает обучающимся сформировать представления о профессии и включиться в студенческое сообщество, узнать об актуальных требованиях рынка труда, получить опыт выполнения работы для реальных заказчиков и при поддержке профессионалов. Обучающиеся выражали готовность рекомендовать прохождение клинической практики своим одногруппникам и высоко оценивали вклад клинической практики в свое профессиональное развитие (рис. 3).

Таблица 2. **Различия между обучающимися выпускных курсов СПбГУ, имеющими и не имеющими опыт клинической практики, по удовлетворенности отдельными аспектами обучения по образовательной программе, средние значения**

Оцените Вашу удовлетворенность следующими аспектами обучения по Вашей образовательной программе в этом учебном году по шкале от 1 до 5: 1 — полностью не удовлетворен(-а), 5 — полностью удовлетворен(-а)	Нет опыта клинической практики		Есть опыт клинической практики	
	среднее значение по шкале от 1 до 5	стандартное отклонение	среднее значение по шкале от 1 до 5	стандартное отклонение
Условия обучения	3,8	1,2	4,0	1,2
Содержание образовательной программы	3,6	1,2	3,9	1,3
Нагрузка, соотношение учебных задач и времени, отведенного на их выполнение	3,7	1,2	3,9	1,2
Расписание занятий, учебный график	3,7	1,2	3,8	1,3
Организация учебного процесса	3,5	1,2	3,7	1,3

Примечание: по результатам опроса обучающихся об удовлетворенности условиями обучения по итогам 2022/2023 учебного года, $n = 1400$. Различия статистически значимы на уровне $p < 0{,}05$ по критерию Колмогорова — Смирнова для независимых выборок.

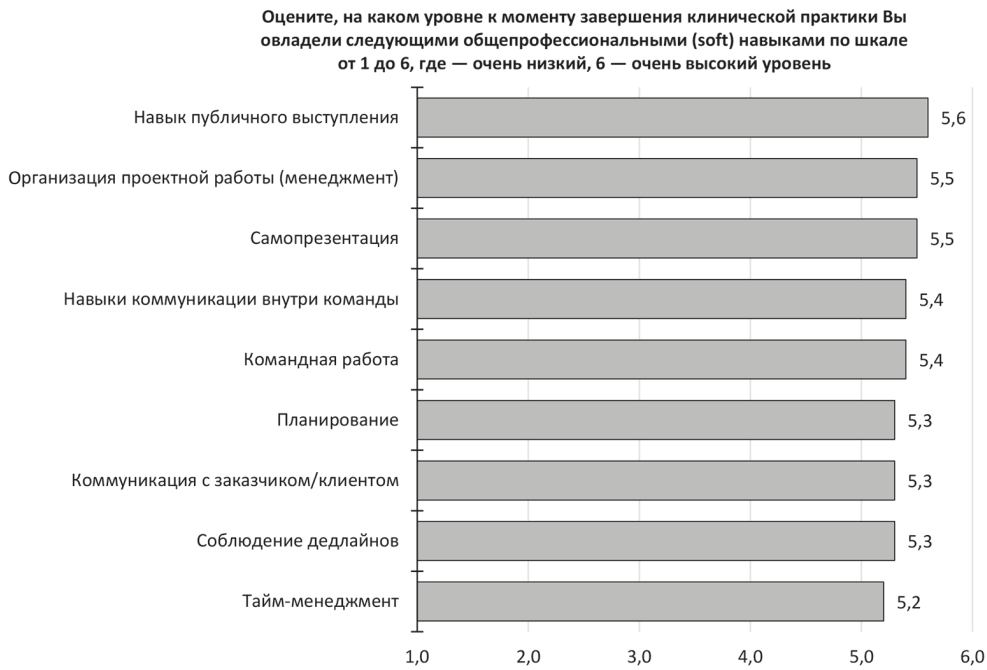

Рис. 2. Уровень владения общепрофессиональными (soft) навыками к моменту завершения клинической практики, средние значения

Примечание: по результатам опроса обучающихся по оценке эффективности клиник СПбГУ, $n = 463$. Данные актуальны на осенний семестр 2024/2025 учебного года.

Рис. 3. Оценка обучающимися вклада клинической практики в профессиональное развитие и включение в студенческое сообщество, средние значения

Примечание: по результатам опроса обучающихся по оценке эффективности клиник СПбГУ, $n = 463$. Данные актуальны на осенний семестр 2024/2025 учебного года.

Рис. 4. Оценка обучающимися вклада клинической практики в профессиональное самоопределение и включение в студенческое сообщество в зависимости от количества пройденных циклов, средние значения

Примечание: по результатам опроса обучающихся по оценке эффективности клиник СПбГУ, $n = 463$. Данные актуальны на осенний семестр 2024/2025 учебного года. Различия статистически значимы на уровне $p < 0{,}05$ по критерию Колмогорова — Смирнова для независимых выборок.

При сравнении тех, кто имел разовый и многократный опыт участия в клинической практике, наблюдался накопительный эффект: с увеличением количества пройденных циклов в клинике оценка обучающимися вклада клинической практики в профессиональное развитие и включение в студенческое сообщество возрастала (рис. 4).

Таблица 3. **Предикторы высокой удовлетворенности обучающихся опытом прохождения клинической практики, регрессионная модель**

Переменные	Значимость	Exp (B)	95%-ный доверительный интервал для EXP(B)	
			нижняя граница	верхняя граница
Я бы порекомендовал прохождение клинической практики своим одногруппникам/друзьям	0,000	5,332	2,622	10,846
Клиническая практика дала общие представления о моей профессии	0,004	3,033	1,438	6,394
Клиническая практика лучше познакомила с актуальными требованиями рынка труда	0,024	0,488	0,262	0,909

Примечание: по результатам опроса обучающихся по оценке эффективности клиник СПбГУ. Бинарная логистическая регрессия, метод обратный Вальда. На первом шаге в модель включены 16 переменных, продемонстрировавших статистически значимую связь с зависимой переменной «Как в целом Вы оцениваете опыт прохождения клинической практики по шкале от 1 до 6, где 1 — полностью не удовлетворены, 6 — полностью удовлетворены?». Предсказана высокая удовлетворенность обучающихся опытом прохождения клинической практики — выбранные варианты 4–6 по шестибалльной шкале, $n = 276$. Модель объясняет 66,1 % вариации зависимой переменной (R-квадрат Нэйджелкерка = 0,661).

Получение в результате клинической практики общих представлений о профессии и об актуальных требованиях рынка труда, готовность порекомендовать прохождение клинической практики своим одногруппникам и друзьям являются основными предикторами высокой удовлетворенности обучающихся опытом прохождения клинической практики. Готовность порекомендовать прохождение клинической практики в пять раз повышала вероятность высокой удовлетворенности практикой в клинике, а получение общих представлений о профессии — в три раза (табл. 3).

Согласно результатам исследований Центра мониторинга качества образования СПбГУ, клинический подход является эффективным инструментом в подготовке обучающихся к будущей профессиональной деятельности. Клиники повышают включенность студентов в учебный процесс, способствуют более высокой удовлетворенности условиями обучения, содержанием образовательной программы, нагрузкой, расписанием занятий и организацией учебного процесса, способствуют развитию у студентов как профессиональных, так и общепрофессиональных навыков, помогают сформировать представления о профессии и включиться в студенческое сообщество.

Заключение

На основе научно-теоретического анализа литературы и обобщения опыта реализации клинического подхода в обучении студентов СПбГУ представим специфику клинического обучения и обучения служением (табл. 4).

Таблица 4. **Специфика обучения служением и клинического подхода в обучении**

№	Обучение служением	Клинический подход
1	Ориентировано на развитие социальных навыков	Ориентирован на развитие как профессиональных компетенций, так и социальных навыков
2	Фокус влияния: на внешнюю среду	Фокус влияния: на внутренний рост в фарватере конкретной профессии
3	Бенефициарами являются заказчики	Бенефициарами являются студенты
4	Деятельность преимущественно безвозмездная	Деятельность может быть оплачиваемой, по модели реальной работы на предприятии
5	Доминанта: на развитие личности и гражданственности, обогащении социального поля	Доминанта: на интеграции студентов в профессиональное поле
6	Влияние на функционирование внешней среды ограничено	Влияние на изменение внутренней среды (вуза) существенно, так как позволяет постоянно совершенствовать ее
7	Экспертиза деятельности в целом отсутствует	Экспертиза и обратная связь является неотъемлемой частью клинического обучения
8	Деятельность имеет локальный (фрагментарный, ограниченный по времени) характер	Деятельность носит системный характер
9	Развитие личностных качеств имеет в основном автономный характер	Наращивание компетенций и развитие личностных качеств имеет накопительный эффект
10	Оценка эффективности ограничена конкретным проектом/мероприятием	Оценка эффективности имеет регулярный и системный характер

В настоящее время идет становление и осмысление социально-направленной деятельности студентов в рамках их профессионального обучения. По мнению авторов статьи, для разных целей в вузах могут успешно использоваться разные подходы и форматы образовательных практик. Все они не только не противоречат друг другу, но в той или иной степени совместно работают на формирование у будущего выпускника и профессиональных, и личностных качеств. И обучение служением, и клинический подход направлены на воспитание и формирование гражданина, готового к служению стране и обществу, при этом в первом случае оно происходит посредством благотворительной и социально значимой деятельности, во втором — посредством профессионального становления и понимания социальной ответственности в своей профессиональной работе.

По результатам проведенного анализа следует констатировать, что клинический подход исторически обоснован, является более эффективным инструментом и в подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности, и в формировании социальных навыков, чем обучение служением. Клиники повышают и уровень социальных навыков, и включенность студентов в учебный процесс, способствуют более высокой удовлетворенности условиями обучения и содержанием образовательных программ, помогают сформировать представления о профессии, развивают экспертный потенциал преподавателей и способствуют развитию всего вуза. Клиническая модель обучения представляется перспективной для дальнейшего масштабирования в СПбГУ и тиражирования в других образовательных организациях.

Литература

Асланов Я. А., Деточенко Л. С., Лепин А. П., Мартынова Е. В. Детерминанты успешности и риски реализации подхода «Обучение служением» в условиях проектно-ориентированного обучения // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 8–9. С. 63–83. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83

Базжина В. А., Муравьева О. С., Стрелкова А. А. Трансфер знаний в рамках клинического подхода к обучению в современном университете: на примере Центра прикладных экономических исследований СПбГУ // Инновации: журнал об инновационной деятельности. 2023. № 1 (291). С. 74–83.

Владимиров И. А., Киселева Н. И. Факторы вовлеченности студентов финансового университета в образовательную деятельность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 33–39. https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-8

Грандилевская И. В., Щелкова О. Ю., Бурина Е. А., Тромбчиньски П. К. Психологический центр как база для практической подготовки клинических психологов в Санкт-Петербургском государственном университете // Психология. Психофизиология. 2016. Т. 9, № 1. С. 131–135.

Грачева Н. Л., Лаврикова М. Ю. Правовая клиника юридического факультета СПбГУ: итоги первых лет становления и развития // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5 (250). С. 253–257.

Епанчинцев М. Ю., Дубовкин С. В., Донгаузер Е. В. Методика «обучение служением» как средство воспитательной работы со студентами-медиками в условиях цифровой трансформации системы образования // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2023. Т. 5, № 4. С. 1–14.

Закирова Л. Ф. Метод «service-learning» в зарубежной педагогике (на примере немецких вузов) // Казанский педагогический журнал. 2010. № 5–6 (83–84). С. 158–165.

Захарова А. А. К вопросу использования клинического подхода в образовательном процессе Санкт-Петербургского государственного университета // Вопросы устойчивого развития общества. 2023. № 4. С. 40–47.

Земцов Д. И., Метелев А. П., Яшина А. В., Кириенко Л. С., Груздев И. А., Дмитриева А. С., Старцев С. В. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта: доклад // XXIV Ясинская (Апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (Москва, 4–14 апреля 2023 г.). М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2023. С. 24.

Картавых М. А., Прохорова И. В. Концепция интегрированной клинической практики студентов в системе высшего педагогического образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. С. 126.

Кропачев Н. М., Лаврикова М. Ю., Русакова М. М., Санадзе Я. Д. Методология и модели клинического подхода в обучении студентов: опыт Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023.

Кузнецова И. А., Флерова Е. А. (ред.). Образовательный подход «Обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития: мат-лы Всерос. науч.-метод. конф. «Образовательный подход «обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития» (Ярославль, 29 ноября 2024 года).

Купцова В. В., Чудакова С. А., Сапожникова С. М. Теоретические основы и организация сервисного обучения (Service-Learning) // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 9. С. 46–50. https://doi.org/10.5281/zenodo.4081345

Мейер Д. И. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1855. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003572771?page=3&rotate=0&theme=black (дата обращения: 15.05.2025).

Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации / В. С. Никольский, А. Н. Зленко, Т. В. Рябко и др. М.: Высш. шк. экон., 2023.

Никольский В. С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 12. С. 9–28. https://doi.org/10.31992/08693617-2023-32-12-9-28

Никольский В. С. «Обучение служением» или «Service Learning»? Дискуссия о концептуальных основаниях педагогического подхода // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 8–9. С. 84–94. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-84-94

Писаренко И. А. Клинический подход в педагогической практике студентов: опыт работы со школьными технологическими проектами // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2023. № 5. С. 3–11.

Сафонов И. Е., Санадзе Я. Д., Русакова М. М., Скворцов Н. Г. Прикладные социологические проекты в контексте клинической модели образования Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2024. Т. 24, № 1. С. 184–195. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-184-195

Суржиков М. А., Усенко А. М., Самыгин С. И. Курс «Обучение служением» как инновационная российская образовательная методика // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 75–282. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-275-283

Тестина Я. С., Веселов Ф. Н. Клиническая практика в практико-ориентированном подходе при обучении по направлению «туризм» // Социально-экономическое пространство регионов. 2024. Т. 18, № 2. С. 102–111.

Шаркунова Е. В., Неволина В. В. Обучение служением как эффективная образовательная методика для комплексного развития личности студента // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, № 4. С. 476–485. https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-4-476-485

Finley L., Romano V., Bowen G. A., Fraser Delgado C. Learning and leadership in higher education: The role of service-learning // Gause C. P. (ed.). Leadership, Equity, and Social Justice in American Higher Education: A Reader. New York: Peter Lang, 2017. P. 302–311. URL: https://www.researchgate.net/publication/320988725_Learning_and_Leadership_in_Higher_Education_The_Role_of_Service-Learning (дата обращения: 15.05.2025).

Furco A. Service-learning: A balanced approach to experiential education // Taylor B., Corporation for National Service (eds). Expanding Boundaries: Serving and Learning. Washington: Corporation for National Service, 1996. P. 2–6. URL: https://digitalcommons.unomaha.edu/slceslgen/128 (дата обращения: 15.05.2025).

Furco A., Billig S. H. (eds). Service-Learning: The Essence of the Pedagogy. Greenwich: Information Age Publ., 2002. URL: https://archive.org/details/servicelearninge0000unse/mode/2up (дата обращения: 15.05.2025).

Greenleaf R. K. The Servant as Leader. Cambridge: Center for Applied Studies, 1970. URL: https://archive.org/details/servantasleader00gree (дата обращения: 15.05.2025).

Lash D., Belfiore G. Habits of Success for Learning, Work, and Well-Being. Report 7 of the MyWays Student Success Series / Next Generation Learning Challenges (NGLC). 2017. URL: https://s3.amazonaws.com/nglc/resource-files/MyWays_07Habits.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

Lypka A. E. Reconceptualizing service-learning in higher education // Liontas J. I. (ed.). The TESOL Encyclopedia of English Language Teaching. Hoboken: John Wiley & Sons, 2019. P. 1–7. https://doi.org/10.1002/9781118784235.eelt0963

Sigmon R. Service-learning: Three principles // Synergist. 1979. P. 9–11. URL: https://clck.ru/3Vo6pv (дата обращения: 15.05.2025).

Tinkler A., Tinkler B. Reshaping professional programs through service-learning // Lund D. E. (ed.). The Wiley International Handbook of Service-Learning for Social Justice. 1st ed. Hoboken: John Wiley & Sons, 2018. P. 225–238. https://doi.org/10.1002/9781119144397.ch10

Статья поступила в редакцию 17 июня 2026 г.;
рекомендована к печати 19 июля 2026 г.

Контактная информация:

Кропачев Николай Михайлович — д-р юрид. наук, проф., чл.-корр. РАН;
https://orcid.org/0000-0002-2976-4026, n.kropachev@spbu.ru
Лаврикова Марина Юрьевна — канд. юрид. наук; https://orcid.org/0000-0002-5488-4193,
m.lavrikova@spbu.ru

Пермякова Екатерина Матвеевна — https://orcid.org/0009-0007-5869-602X, e.m.permyakova@spbu.ru
Писаренко Ирина Алексеевна — канд. пед. наук; https://orcid.org/0000-0002-7117-7474, i.pisarenko@spbu.ru
Русакова Майя Михайловна — канд. социол. наук; https://orcid.org/0000-0003-1381-353X, m.rusakova@spbu.ru

References

Aslanov, Ya. A., Detochenko, L. S., Lepin, A. P., Martynova, E. V. (2024). Determinants of success and risks of implementing the "service learning" approach in a project-oriented learning environment. *Higher Education in Russia*, 33 (8–9), 63–83. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83 (In Russian)

Bazzhina, V. A., Murav'eva, O. S., Strelkova, A. A. (2023). Knowledge transfer based on a clinical approach to teaching at a modern university (The case of the center for applied economic research of St. Petersburg State University). *Innovations: The Magazine about Innovation Activity*, 1 (291), 74–83. (In Russian)

Epanchintsev, M. Yu., Dubovkin, S. V., Dongauzer, E. V. (2023). Methodology "service learning" as a means of educational work with medical students in the conditions of digital transformation of the education system. *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 5* (4), 1–14. (In Russian)

Finley, L., Romano, V., Bowen, G. A., Fraser Delgado, C. (2017). Learning and leadership in higher education: The role of service-learning. In: Gause, C. P. (ed.) *Leadership, Equity, and Social Justice in American Higher Education: A Reader* (pp. 302–311). New York, Peter Lang. Available at: https://www.researchgate.net/publication/320988725_Learning_and_Leadership_in_Higher_Education_The_Role_of_Service-Learning (accessed: 15.05.2025).

Furco, A. (1996). Service-learning: A balanced approach to experiential education. In: Taylor, B., Corporation for National Service (eds). *Expanding Boundaries: Serving and Learning* (pp. 2–6). Washington, Corporation for National Service. Available at: https://digitalcommons.unomaha.edu/slceslgen/128 (accessed: 15.05.2025).

Furco, A., Billig, S. H. (2002). *Service-Learning: The Essence of the Pedagogy*. Greenwich, Information Age Pub. Available at: https://archive.org/details/servicelearninge0000unse/mode/2up (accessed: 15.05.2025).

Gracheva, N. L., Lavrikova, M. Yu. (2003). The legal clinic of the Faculty of Law of St. Petersburg State University: The results of the first years of formation and development. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie,* 5 (250), 253–257. (In Russian)

Grandilevskaya, I. V., Shchelkova, O. Yu., Burina, E. A., Trombchin'ski, P. K. (2016). Psychological centre as base for practical training of clinical psychologists at Saint-Petersburg State University. *Bulletin of the South Ural State University. Seriia. Psychology,* 9 (1), 131–135. (In Russian)

Greenleaf, R. K. (1970). *The Servant as Leader.* Cambridge, Center for Applied Studies. Available at: https://archive.org/details/servantasleader00gree (accessed: 15.05.2025).

Kartavykh, M. A., Prokhorova, I. V. (2015). The concept of the integrated clinical practice of students in system of the higher pedagogical education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 1–2. (In Russian)

Kropachev, N. M., Lavrikova, M. Yu., Rusakova, M. M., Sanadze, Ya. D. (2023). *Methodology and models of the clinical approach in student education: The experience of St. Petersburg University*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. 378 p. (In Russian)

Kuptsova, V. V., Chudakova, S. A., Sapozhnikova, S. M. (2020). Theoretical foundations and organization of service-learning. *Humanitarian Scientific Bulletin,* (9), 46–50. https://doi.org/10.5281/zenodo.4081345 (In Russian)

Kuznetsova, I. A., Flerova, E. A. (eds) (2025). The educational approach of "Learning by Service": Problems, results and development prospects. In: *Vserossiiskaia nauchno-metodicheskaia konferentsiia "Obrazovatel'nyi podkhod 'Obuchenie sluzheniem': Problemy, rezul'taty i perspektivy razvitiia"*, Nov. 29, 2024. Yaroslavl: Filigran' Publ. 238 p. (In Russian)

Lash, D., Belfiore, G. (2017*). Habits of success for learning, work, and well-being. Report 7 of the MyWays Student Success Series. Next Generation Learning Challenges (NGLC).* Available at: https://s3.amazonaws.com/nglc/resource-files/MyWays_07Habits.pdf (accessed: 15.05.2025).

Lypka, A. E. (2019). Reconceptualizing service-learning in higher education. In Liontas, J. I. (ed.). *The TESOL Encyclopedia of English Language Teaching* (pp. 1–7). Hoboken, John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781118784235.eelt0963.

Meier, D. I. (1855). *On the Importance of Practice in the System of Modern Legal Education*. Kazan, Tipografiia Kazanskogo universiteta Publ. Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003572771?page=3&rotate=0&theme=black (accessed: 15.05.2025). (In Russian)

Nikol'skii, V. S., Zlenko, A. N., Ryabko, T. V., Popova T. S., Zemtsov D. I., Metelev A. P., Shminke A. S., Yashina A. V. (2023). *Methodological Recommendations for the Implementation of the Module "Ministry Training" in Educational Institutions of Higher Education of the Russian Federation*. Moscow, HSE Publishing House. (In Russian)

Nikolskiy, V. S. (2023). Service learning in Russia: Scoping review. *Higher Education in Russia,* 32 (12), 9–28. https://doi.org/10.31992/08693617-2023-32-12-9-28 (In Russian)

Nikolskiy, V. S. (2024). "Obuchenie sluzheniem" or "service learning"? A discussion on the conceptual foundations of the pedagogical approach. *Higher Education in Russia*, 33 (8–9), 84–94. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-84-94 (In Russian)

Pisarenko, I. A. (2023). Clinical approach in students' pedagogical practice: Experience with school technology projects. *Upravlenie kachestvom obrazovaniia: Teoriia i praktika effektivnogo administrirovaniia*, 5, 3–11. (In Russian)

Safonov, I. E., Sanadze, Ya. D., Rusakova, M. M., Skvortsov, N. G. (2024). Applied sociological projects in the context of the clinical educational model of the Saint Petersburg State University. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia. Sotsiologiia,* 24 (1), 184–195. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-184-195 (In Russian)

Sharkunova, E. V., Nevolina, V. V. (2024). Ministry training as an effective educational method for the comprehensive development of a student's personality. *Issues in Journalism, Education, Linguistics,* 43 (4), 476–485. https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-4-476-485 (In Russian)

Sigmon, R. (1979). Service-learning: Three principles. *Synergist*, 9–11. Available at: https://nsee.memberclicks.net/assets/docs/KnowledgeCenter/IntegratingExpEduc/BooksReports/55.%20service%20learning%20three%20principles.pdf (accessed: 15.05.2025).

Surzhikov, M. A., Usenko, A. M., Samygin, S. I. (2023). The course «Learning by Service» as an innovative Russian educational methodology. *Vestnik YuRGTU (NPI). Seriia. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 16 (2), 75–282. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-275-283 (In Russian)

Testina, Ya. S., Veselov, F. N. (2024). The clinical practice in a practice-oriented approach to studying in the field of "Tourism". *Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo regionov,* 18 (2), 102–111. (In Russian)

Tinkler, A., Tinkler, B. (2018). Reshaping professional programs through service-learning. In: Lund, D. E. (ed.). *The Wiley International Handbook of Service-Learning for Social Justice*, 1st ed. (pp. 225–238). Hoboken, John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781119144397.ch10

Vladimirov, I. A., Kiseleva, N. I. (2024). Factors of financial university students' involvement in educational activities. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 6, 33–39. https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-8 (In Russian)

Zakharova, A. A. (2023). On the of use of the clinical approach in the educational process of St. Petersburg State University. *Voprosy ustoichivogo razvitiia obshchestva*, 4, 40–47. (In Russian)

Zakirova, L. F. (2010). Method of "service-learning" in foreign pedagogy (on the Example of German Universities). *Kazan Pedagogical Journal*, 5–6 (83–84), 158–165. (In Russian)

Zemtsov, D. I., Metelev, A. P., Yashina, A. V., Kirienko, L. S., Gruzdev, I. A., Dmitrieva, A. S., Startsev, S. V. (2023). Service-learning: Key results of the study of foreign experience]. In *XXIV Iasinskaia (Aprel'skaia) mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia po problemam razvitiia ekonomiki i obshchestva*. Moscow, HSE Publishing House. 24 p. (In Russian)

Received: June 17, 2026
Accepted: July 19, 2026

Authors' information:

Nikolay M. Kropachev — Dr. Sci. in Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-2976-4026, n.kropachev@spbu.ru
Marina Yu. Lavrikova — PhD in Law; https://orcid.org/0000-0002-5488-4193, m.lavrikova@spbu.ru
Ekaterina M. Permyakova — https://orcid.org/0009-0007-5869-602X, e.m.permyakova@spbu.ru
Irina A. Pisarenko — PhD in Pedagogy; https://orcid.org/0000-0002-7117-7474, i.pisarenko@spbu.ru
Maya M. Rusakova — PhD in Sociology; https://orcid.org/0000-0003-1381-353X, m.rusakova@spbu.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

Психология личности в условиях новой нормальности: методологические ориентиры и исследовательские подходы*

М. С. Гусельцева

Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9-4
Московский институт психоанализа,
Российская Федерация, 121170, Москва, Кутузовский пр., 34-14

Для цитирования: *Гусельцева М. С.* Психология личности в условиях новой нормальности: методологические ориентиры и исследовательские подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 414–428. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.302

Затянувшееся переходное состояние современности все чаще обозначается понятием новой нормальности. Этот термин фиксирует не только конкретную историческую ситуацию, но и более широкие трансформации способов человеческого существования в меняющемся мире. Постпандемийная реальность, цифровизация всех сфер жизни, ускорение социальных процессов, изменения идентичности и трансформации ценностных ориентиров, меняющийся характер коммуникации, рост неопределенности и утрата устойчивых образов будущего — все это воздействует как на социальные практики, так и на структуры субъективного опыта. Эти изменения затрагивают формы переживания, способы рефлексии, границы между внутренним и внешним, а также механизмы конструирования идентичности. Для психологии личности этот сдвиг имеет фундаментальное значение. Исследователь сталкивается с необходимостью рассматривать личность не как фиксированную систему черт, а как динамическую структуру, непрерывно формирующуюся в меняющемся мире. Это требует переосмысления методологических оснований дисциплины, ее категориального аппарата и исследовательских стратегий. В условиях новой нормальности центральным становится вопрос,

* Исследование выполнено в рамках госзадания FNRE-2024-0016 «Психологические эффекты цифровизации образовательной среды: возможности когнитивного и личностного развития и риски социализации».

© М. С. Гусельцева, 2026

каким образом личность переживает, осмысливает и реконструирует свой опыт, когда привычные формы порядка, предсказуемости и рациональности перестают быть самоочевидными. Феномен новой нормальности ставит перед психологией личности задачу обновления теоретических подходов и методов исследования. Неоднократно отмечалось, что прежние модели, ориентированные на устойчивость и нормативность, оказываются недостаточными для описания субъекта, живущего в условиях неопределенности, стремительных изменений и множественных реальностей. Новые методологические стратегии направлены на обеспечение более релевантного понимания личности в трансформирующемся мире и включают осознанную работу исследователя с собственными теоретическими предвзятостями, стереотипами и когнитивными искажениями. Перспективным направлением представляется интеграция антропологического, герменевтического, феноменологического и когнитивного подходов, позволяющая проводить многомерный анализ человеческой субъективности в условиях растущей турбулентности.

Ключевые слова: методология, трансформации современности, новая нормальность, феноменологический подход, личность, трансдисциплинарность.

Personality psychology in the context of the new normal: Methodological guidelines and research approaches*

M. S. Guseltseva

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research ,
9-4, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation
Moscow Institute of Psychoanalysis,
34-14, Kutuzovsky pr., Moscow, 121170, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. Personality psychology in the context of the new normal: Methodological guidelines and research approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 414–428. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.302 (In Russian)

A prolonged transitional condition of contemporary society is increasingly described through the concept of new normal. This term denotes not only a specific historical moment but also broader transformations in modes of human existence within a rapidly changing world. Post-pandemic realities, digitalization of everyday life, accelerating social processes, shifting identities and values, changing communication practices, growing uncertainty, and the erosion of stable images of the future reshape both social practices and structures of subjective experience. These processes affect lived experience, reflection, the boundaries between the internal and external, and the mechanisms of identity construction. For personality psychology, these transformations have fundamental implications. Personality can no longer be understood primarily as a stable configuration of traits; instead, it appears as a dynamic structure continuously reconstructed through interaction with changing social and cultural contexts. Such conditions require reconsideration of the methodological foundations of the discipline, its conceptual vocabulary, and research strategies. Within the framework of new normal, a central research question concerns how individuals experience, interpret, and reorganize their lives when familiar forms of order, predictability, and rationality lose their self-evidence. Earlier theoretical models oriented toward stability and normativity prove insufficient for describing subjects living amid uncertainty, rapid change, and multiple realities. Emerging methodological approaches therefore seek to develop more adequate strategies for studying personality in a transforming world, emphasizing reflex-

* The study was supportsd within the framework of state assignment FNRE-2024-0016, "Psychological effects of the digitalization of the educational environment: Opportunities for cognitive and personal development and risks to socialization."

ive awareness of theoretical presuppositions and integrating anthropological, hermeneutic, phenomenological, and cognitive perspectives for a multidimensional analysis of human subjectivity under conditions of increasing social turbulence.

Keywords: methodology, transformations of modernity, new normality, phenomenological approach, personality, transdisciplinarity.

Введение

Современное общество находится в состоянии постоянных и многоуровневых трансформаций, все чаще обозначаемом исследователями как новая нормальность. Этот термин фиксирует изменения, связанные с постпандемийной реальностью, цифровизацией, ускорением социальных процессов, ростом неопределенности и сжатием временно́й перспективы (Diekmann, 2022; Pacheco, 2021; Rosa, Trejo-Mathys, 2013; Sato, 2023; Sooryamoorthy, Ojong, 2023; Vial, 2019).

В социальных науках термин «новая нормальность» используется для описания такого состояния общества, в котором нестабильность и неопределенность становятся устойчивым фоном повседневной жизни. Таким образом, речь идет не о кратковременном кризисе, а о долговременной трансформации структуры жизненного мира. Для психологии личности подобные изменения имеют фундаментальное значение: они побуждают к выходу за пределы канонических моделей, сформированных в эпоху, когда идентичность рассматривалась как более стабильная, а развитие — как нормативное и предсказуемое.

Цель статьи — продемонстрировать, что феномен новой нормальности в его социокультурном, культурно-психологическом, технологическом и экзистенциальном измерениях так или иначе ведет к пересмотру методологических оснований психологии личности.

Новая нормальность как теоретический конструкт

Понятие «новая нормальность» (new normal) отражает сегодня не столько конкретную историческую ситуацию, сколько более широкие трансформации способов человеческого бытия в условиях меняющегося мира. Оно вошло в активный научный оборот в связи с пережитым опытом пандемии COVID-19, цифровизацией различных сфер жизни, ростом неопределенности и утратой устойчивых образов будущего.

Для психологии личности обращение к этому понятию связано с методологическими вызовами. Исследователь сталкивается с необходимостью рассматривать личность не как стабильную систему характеристик, а как динамическую, самоорганизующуюся структуру, непрерывно перестраивающую режимы своего функционирования в условиях ускоренных социальных изменений. Это, в свою очередь, предполагает пересмотр теоретических оснований дисциплины, ее концептуального аппарата и исследовательских стратегий.

Если поначалу понятие «новая нормальность» обозначало скорее вызванные пандемией COVID-19 последствия, то сегодня этот термин описывает способы человеческого существования, характеризующиеся неопределенностью, ускорением социальных перемен и цифровой опосредованностью повседневного опыта. Новая

нормальность служит объяснительной моделью для анализа текущих трансформаций, которые происходят в пределах жизни одного поколения.

В теоретическом плане новая нормальность представляет концептуализацию изменений в способах восприятия, понимания и структурирования мира, возникающих после масштабных кризисов — пандемических, технологических, социальных и т. п. Понятие охватывает не только модифицированные социальные практики, но и новые режимы видимости и интерпретации реальности, где общепринятые представления о допустимом, разумном и реальном (то есть привычные формы адекватности — «что есть реальное?», «что есть разумное?», «что есть допустимое?») становятся подвижными и ставятся под вопрос.

Таким образом, новая нормальность подразумевает:

- нестабильность как постоянное состояние, так называемое постоянство изменений, на что указывало множество авторов в психологии и социальных науках (Гришина, Костромина, 2021; Bauman, 2000; Rosa, Trejo-Mathys, 2013; и др.), рост уязвимости, тревожности, потребность в экзистенциальной безопасности;
- микширование, гибридизацию реальности, пересечение физических, цифровых и символических пространств; это породило концепции сверхсложности и сверхразнообразия (Eriksen, 2003; Vertovec et al., 2022);
- трансформации и/или дестабилизацию идентичности: множественность, изобретение новых форм, антиномии автономии и зависимости, приватности и публичности (Eriksen, Schober, 2016);
- усиление чувствительности, рефлексивности, трансформации этики и социальных норм, поиски устойчивых оснований («скреп» или смыслов) в ситуации постоянства изменений.

Таким образом, новая нормальность связана со сдвигом перцептивных и когнитивных режимов человеческого бытия. Ее можно определить как переживание реальности, в котором границы между внутренним и внешним, частным и коллективным, реальным и виртуальным то ли размыты, то ли становятся текучими.

Кроме того, феноменология новой нормальности может быть рассмотрена в различных ракурсах — социокультурном, технологическом, экзистенциальном. Однако предметом нашего исследовательского интереса является не описание трансформаций современности, а, с одной стороны, смещение «координат адекватности», а с другой — эпистемологические повороты и методологические стратегии, позволяющие продуктивно работать с меняющимися реальностями.

Суть новой нормальности сводима к ряду характеристик:

- нормализуется постоянство изменений, постоянство неопределенности;
- размываются границы между реальным и виртуальным, фактами и интерпретациями (с последним связаны феномены постнауки, обсуждение проблемы постчеловека — развитие за счет биотехнологий, ведущее к трансформациям индивида и личности);
- в социальном пространстве усиливается разнообразие опыта, стилей жизни, множественность перспектив: феномены сверхразнообразия, сверхсложности, нелинейности, изменения изменений (Гусельцева, 2025);
- ускоряются когнитивные ритмы и сокращаются горизонты внимания: феномены многозадачности, ускорения ускорений, перегрева и т. п. (Eriksen, Schober, 2016; Sato, 2023; Turkle, 2015).

Таким образом, в условиях изменившегося для субъекта пространства повседневности новая нормальность вольно или невольно перестраивает процессы восприятия, мышления, осознания. В радикальных случаях то, что еще вчера интерпретировалось как патология, сегодня выступает в роли адаптивной стратегии, новой адаптации (new adaptation).

Сложившаяся социокультурная и эпистемическая ситуации придают особую значимость феноменологической перспективе. Последняя позволяет одновременно фиксировать происходящие изменения и осмысливать их в координатах переживаемого опыта, рассматривая их, в частности, как трансформации способов бытия человека-в-мире.

Феноменология новой нормальности

Для того чтобы понимать, обнаруживать, видеть феноменологию новой нормальности, исследователю необходимо модифицировать собственное исследовательское сознание, иными словами, поработать со своими представлениями и установками восприятия. Как тезис это звучит тривиально, однако практическая реализация является и методологически, и экзистенциально сложной.

В этой связи востребованным становится феноменологический подход, предложенный Э. Гуссерлем (E. Husserl), — метод феноменологической редукции (Гуссерль, 2005): речь идет об изменении естественной установки, с помощью которой человек воспринимает и конституирует реальность. Если для классической эпохи характерны были доверие к устойчивости мира, опора на традиции и универсальной порядок вещей, то современный субъект погружен во множественные, неоднозначные и противоречивые контексты, где в ситуации парадоксального постоянства изменений привычные формы опыта становятся проблематичными.

Так, переживание времени и пространства утрачивает линейность: цифровая среда размывает границы между «здесь» и «там», «теперь» и «потом». Переживание реальности все чаще опосредовано алгоритмами, симуляциями, медийными образами. Все это порождает не только новые формы восприятия (например, клиповость, гипертекстуальность, сетевое рассредоточение внимания, мультимодальность, иммерсивность, опосредованную алгоритмами избирательность и т. п.), но и переживание экзистенциальной уязвимости, информационной избыточности, неуверенности в завтрашнем дне.

Феноменологический анализ рассматривает эти изменения не как внешние обстоятельства, а как трансформацию самой структуры субъективного опыта, тех априорных схем, через которые личность осмысливает видимый мир. В этом плане новая нормальность есть не просто изменение социокультурной среды, но и парадигмальный сдвиг в антропологической ситуации развития человека. Трансформации структуры субъективного опыта затрагивают такие категории, как жизненный мир, режимы видимости, темпоральность, переживание неустойчивости бытия, творчество смыслов и т. п. Утрата естественной установки здесь означает, что привычные опоры повседневного существования — стабильность, произвольный контроль, рациональность — перестают быть самоочевидными и возникает потребность в более тонких аналитических инструментах, способных фиксировать изменения структуры субъективного опыта и/или выявлять механизмы смыслопорождения.

Эпистемологические повороты социальных наук

Возвращаясь к вопросам методологии, сфокусируем внимание на исследовательских стратегиях, позволяющих работать не только с феноменальной реальностью, но и с сознанием самого исследователя, его способами восприятия и интерпретации:

- постнеклассическая наука, в контексте которой появилось понятие саморефлексивности или рефлективной сложности;
- трансдисциплинарный подход, расширяющий сознание исследователя за счет стихийного формирования метапозиции;
- антропологический подход с установками понимать чужое как свое и свое как чужое;
- герменевтический подход, сосредоточенный на вопросах понимания и интерпретации;
- феноменологический подход с пресловутой феноменологический редукцией.

В социокультурной и познавательной ситуации, обусловленной трансформациями человека и мира, сформировался и такой феномен, как постнормальная наука (Funtowicz, Ravetz, 1993; Ravetz, 2020). Ее основатели — Дж. Равец (J. Ravetz) и С. Фунтович (S. Funtowicz) «выбрали этот термин в качестве дани уважения Томасу Куну, философу науки, чья знаменитая книга “Структура научных революций” развила концепцию “нормальной” науки, описывающую деятельность большинства ученых: решение головоломок в рамках догматически навязанной парадигмы» (Ravetz, 2020, p. 1). Нормальная наука предполагала, что ученые занимаются профессиональными задачами в относительной изоляции от общества, тогда как задачей Дж. Равеца и С. Фунтовича было «представить и описать совершенно иную науку, где факты неопределенны, социальные ставки высоки, решения срочные, а ценности спорны» (Ravetz, 2020, p. 1).

Согласно определению Дж. Равеца, «постнормальная наука предлагает ви́дение, соответствующее сложности науки, общества и природы» (Ravetz, 2020, p. 1). Такое же новое ви́дение, релевантное трансформациям современности, развивают и другие подходы: постнормальная наука, как и трансдисциплинарный подход, и антропология современности, работает с феноменологией сверхсложного, сверхдинамичного и сверхразнообразного мира. Возникающие в контексте этих подходов методологические стратегии стремятся охватить современные феномены в их объемности, многомерности, а также сделать научное знание более достоверным и точным, эффективным в прикладном приложении. Так, одной из важных категорий в современном мире является безопасность. Но что есть безопасность в качестве социально-психологического феномена? Постнормальная наука рассматривает безопасность, как минимум, в четырех измерениях:

1) прагматическом (политическом);
2) научном;
3) психологическом;
4) этическом.

Иными словами, безопасность «относится ко всему контексту, в котором опасность создается, контролируется, переживается и оспаривается» (Ravetz, 2020, p. 1).

В контексте постнормальной науки обсуждалось и представление о «новой норме». Последняя охарактеризована в качестве «ситуации, к которой нам всем придется привыкнуть, когда все уляжется и мы приспособимся к изменениям» (Ravetz, 2020, p. 1).

В целом же трансформации, которые переживает методология социальных наук, следует определить как движение от объективирующих стратегий к интерпретирующим и саморефлексивным. А именно:

- от эмпиризма — к интерпретативности (включая понимающие методы и опору на интерсубъективность);
- от дисциплинарности — к трансдисциплинарности;
- от наблюдения — к соучастию (что предполагает занятие исследователем антропологической позиции).

Суть этих методологических инноваций в устремлении к интегративности, меж- и трансдисциплинарности. Современная психология личности не изолирована от общей эволюции познания, от процессов трансформации науки как таковой — постнеклассических, постнормальных и трансдисциплинарных перспектив ее развития. После пережитого в XX в. кризиса позитивистских и редукционистских моделей — в духе классического эмпиризма и бихевиоризма — социальные науки переходят к эпистемологии сложных систем, субъектно-ориентированным подходам, новому феноменологическому реализму.

Отметим возвышение качественной методологии, включая реконструкции опыта; феноменологическое интервью, включенное наблюдение, автоэтнографию, анализ смысловых полей, психосемантические методы, нарративные исследования и т. п. (в дальнейшем мы к ним вернемся). Однако это не означает снижения значимости вопросов объективности и достоверности познания, развития доказательной науки.

Тем не менее легитимация качественной методологии усиливает движение от нормативных моделей личности — к идиографическим, процессуальным, контекстуальным моделям субъективности. Антропологическая, герменевтическая и феноменологическая перспективы познания создают для психологии возможности рассмотреть феноменологию новой нормальности не как отклонение от нормы, а как становление новых форм человеческого опыта (гибридизация биологического и технологического, биохакинг, цифровая идентичность, онлайн-социальность (Herbrechter et al., 2022)). Механизмом реализации этих перспектив зачастую становится трансдисциплинарность. Она помогает освободиться от когнитивных и концептуальных искажений, понять, каким образом личность воссоздает целостность, порождает смыслы, самоопределяется в условиях современности, или — что не менее важно — поставить вопрос о дефицитарности личности при депривации этих процессов.

Попадая в фокус внимания, новая феноменология личности стимулирует разработку новых подходов. Психология личности при этом находится в эпицентре трансформаций социальных и гуманитарных наук.

Новая феноменология личности

На протяжении XX в. психология личности прошла путь от моделирования устойчивых черт и типологий к пониманию личности как открытой и саморазвивающейся системы. Среди подходов, опирающихся на качественную методологию,

следует отметить теорию диалогического Я Губерта Херманса (Hubert Hermans, p. 1937), развивающую идеи М. М. Бахтина, а также конструктивистские и нарративные концепции, которые интерпретируют личность как многослойную, динамическую и самовоссоздающуюся структуру (Hermans, 2022; Hermans et al., 2019).

Новая феноменология личности представляет новый способ ви́дения и интерпретации личности: последняя предстает как субъект опыта и актор — участный (термин М. М. Бахтина) и участвующий, адаптирующийся к изменениям, контекстуально чувствительный и изменчивый. Новое понимание личности предполагает диалогичность, процессуальность, усиление аксиологического измерения в психологии.

В феноменологии новой нормальности идентичность выступает как процесс, а не данность. Личность мыслится не автономным субъектом, действующим в стабильном мире, а потоком активности и интерактивности, пребывающим в режимах постоянной адаптации, переконфигурации, самоосмысления. Субъект современности живет одновременно во множестве реальностей — повседневных, виртуальных, символических. В сверхсложном и сверхразнообразном мире необходимо удерживать множество перспектив, совмещать противоречивые смыслы, и — в идеале — осознанно адаптироваться к происходящим изменениям. На первый план выходят процессы переживания, смыслообразования, самоопределения, стратегии адаптации к неопределенности.

Это добавляет актуальности антропологическим, герменевтическим и феноменологическим подходам, ориентированным на исследование становящихся структур переживания и смыслопорождения; изучение того, как личность переживает трансформации и справляется с неопределенностью, каким образом воссоздает новые формы целостности в фрагментированном мире (с последним связан, например, такой феномен, как креолизация (Eriksen, 2003)).

Если свести текущие трансформации личности и способы их изучения в подобие некой системы, речь пойдет об акценте на категориях опыта, субъектности, спонтанности, а также об изменениях в аффективной сфере и практиках осознанности. Подобного рода эпистемологический поворот можно охарактеризовать как движение от автономного субъекта к множественности и контекстуальности Я: понимание личности как диалогической, многослойной, текучей структуры (Hermans, 2022; Gergen, Gill, 2020).

Экзистенциально-феноменологический поворот выразился в переосмыслении идей Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти (M. Merleau-Ponty), Ж.-П. Сартра (J.-P. Sartre), К. Ясперса (K. Jaspers), П. Рикёра (P. Ricœur) посредством категории опыта (Gallagher, Zahavi, 2021; Smith et al., 2022). С этих методологических позиций личность предстает как динамический процесс адаптации и реконструкции самости; становится феноменом живого присутствия, где соединены, переплетены, смешаны (или же, напротив, диссоциированы) телесное, социальное, культурное, символическое, виртуальное измерения (Gallagher, 2023; Thompson, 2007).

Отдельные направления исследований связаны с изучением нормализации аффективности (normalization of affectivity), а также новой этики, практик осознанности (mindfulness, self-awareness) и самоанализа (Gregg, Seigworth, 2010; Illouz, 2007; Lara et al., 2017; Leys, 2011; Massumi, 1995; Massumi, 2015; Zahavi, 1999).

Феноменологический анализ субъективного опыта направлен на выявление того, как человек вживается в изменившиеся условия бытия. В фокус попадают во-

просы изменения структуры восприятия под влиянием цифровой среды (digitally mediated perception); трансформации телесности и пространства присутствия (embodied vs disembodied self; virtual embodiment); изменения темпоральности и ритмов жизни (ускорение и совладание с ним, например посредством осознанности или движений «медленная жизнь») (Эриксен, 2003; Eriksen, Schober, 2016; Fuchs, 2018; Gallagher, Daly, 2018; Pacheco, 2021; Sooryamoorthy, Ojong, 2023; Zahavi, 2005; Zahavi, 2012).

Феноменологически ориентированные исследования ставят во главу углу взаимопроникновение когнитивного, аффективного и социального. Личность утрачивает характерную для психологии конца XIX и первой половины XX в. «лабораторную замкнутость»: она не отделена от мира, не предзадана, а порождается во встрече — с Другим, в соприкосновении с культурой и историей. Это придает психологии не только теоретическую, но и этическую глубину: исследование личности одновременно становится практикой признания ее достоинства, уникальности, уязвимости.

Более того, это общий тренд, связывающий психологию личности и феноменологическую психологию с идеями постнормальной науки, где на первый план выходят вопросы ценностей, этической ответственности и совместного производства знания (Funtowicz, Ravetz, 1993; Ravetz, 2020).

В этой эпистемологической рамке:

- личность изучается в системе «человек — техника — культура»;
- исследование предполагает участие субъекта как соавтора знания;
- ценностный и этический компонент включены в структуру методологии;
- происходит интеграция феноменологии с психологией личности, культурной психологией, когнитивной антропологией, нейронауками, философией сознания и эстетикой опыта (aesthetics of experience).

Методологические ориентиры и исследовательские подходы

Двигаясь от новой феноменологии личности к эпистемологическим поворотам, обратим внимание на методологические ориентиры, направляющие работу исследователя.

Во-первых, феноменологическая установка — приостановка суждений и анализ опыта в его данности, включая саморефлексию и контроль над предвзятостью собственных суждений.

Во-вторых, рефлективная сложность или саморефлексивность — осознание и произвольное отслеживание своих предпосылок и культурных фильтров и их влияние на интерпретацию.

Третье. Интерсубъективность — признание существования множества точек зрения и уважение и/или сочувствие к иным смысловым позициям.

Четвертое. Контекстуальность — анализ опыта субъекта в потоке повседневности; изучение личности в ее конкретной культурной, социальной, жизненной среде.

Пятое. Этическая чувствительность (или эмпатическая установка) — уважение к уникальности опыта/переживания и самозапрет на сведение субъективного к нормативному (т. е. к предустановленным категориям нормы/патологии).

Общей тенденцией этих методологических ориентиров выступает отказ от редукции личности к измеряемым параметрам в пользу анализа смыслового континуума, то есть того, как личность проживает, осмысливает и реконструирует субъективный опыт в естественной среде, в рутинах повседневности.

Под влиянием этих методологических ориентиров в психологии и социальных науках сформировался ряд исследовательских приемов, поддерживающих и развивающих феноменологические идеи. Вот некоторые из них:

- феноменологическое интервью — метод, направленный на выявление структуры переживания (например, опыта тревоги, утраты, цифрового присутствия);
- интерпретативный феноменологический анализ (Interpretative phenomenological analysis, IPA) — исследование личностных смыслов субъекта, того, как он переживает ту или иную ситуацию, исследование; сочетает феноменологию и герменевтику;
- этнометодология и «насыщенное описание» (thick description) — фиксация повседневных способов смыслообразования и выявление их культурных предпосылок;
- автоэтнография — использование собственного опыта исследователя для анализа культурно-психологических феноменов;
- постфеноменология — изучение того, как технологии трансформируют восприятие субъекта, его телесность, идентичность.

Перечисленные стратегии объединяет стремление описывать опыт в его непосредственной данности, минимизировать влияние концептуальных предвзятостей и т. п. В условиях новой нормальности такая установка способствует обнаружению неочевидных трансформаций субъективности, еще не успевших получить категориальное выражение в языке науки.

Важно отметить ряд подходов, развивающихся в контексте российской психологии. Это субъектно-бытийный подход к личности, ситуативный и экзистенциальный подходы, а также формирующиеся исследовательские направления, такие как психология возможного и психология повседневности (Гришина, 2019; Гришина, Костромина, 2021; Костромина, Гришина, 2021; Знаков, 2022; Леонтьев, 2011; Марцинковская и др., 2024; Сергиенко, 2024). Субъектность становится ключевым понятием, подразумевающим не только активность личности, но и ее бытие в разнообразии контекстов; самосозидание посредством опыта, смыслов, ценностей (Сергиенко, 2024). Бытие — философский термин, используемый в этом ракурсе как психологический конструкт, что позволяет ввести диалектику субъекта и его бытия в фокус психологии личности. Это дает возможность интегрировать различные проявления субъекта, рассматривая жизненный мир личности, который она может расширять, реорганизовывать, трансформировать в соответствии со своими целями и смыслами. Подлинность бытия выражает здесь стремление личности к аутентичности в условиях как социокультурных ожиданий, так и социального давления, что предполагает опору на практики осознанности, самостроительства и самовыражения. Фокусировка психологии личности на аспектах контекстуальности, процессуальности и динамичности отражает пребывание субъекта в диалектике постоянства и изменений (Гришина, Костромина, 2021). В свою очередь антиномичность, амбивалентность и полифоничность служат основанием для целостности личности в антропологической перспективе.

Заключение

Обновление методологического инструментария психологии личности происходит в двух направлениях: под влиянием новой феноменологии и эпистемологических поворотов социальных наук. Параллельно идет и латентная антропологизация психологии, ее возвращение к гуманитарным основам.

В этом контексте инновационный потенциал для развития психологии личности могут предложить следующие исследовательские направления:

- антропология современности, интегрирующая эмпирические, экзистенциальные и этические измерения человеческого бытия и анализирующая личность в динамической системе «человек — техника — культура»;
- постнормальная наука, предполагающая вовлеченность самого субъекта в производство знания;
- постнеклассическая наука, где ценностные и этические компоненты включены в структуру познания;
- трансдисциплинарные подходы, объединяющие психологию личности с феноменологией, культурной психологией, нейронауками, когнитивной антропологией, философией сознания и эстетикой опыта.

Появление же новой исследовательской оптики обусловлено трансформациями в социальном познании и репрезентировано тремя эпистемологическими поворотами.

Первый поворот — от объяснения к пониманию.

Современные социогуманитарные науки исходят из того, что лучшее понимание достигается не дистанцированием, а через участие и соотнесение с опытом Другого. В этом отношении феноменологическая редукция Э. Гуссерля и антропологическая установка воспринимать чужое как свое сопоставимы как формы методологической рефлексии, позволяющие временно приостановить собственные предпосылки и занять метапозицию.

Второй поворот — от дисциплинарности к трансдисциплинарности.

Современная психология все активнее интегрирует концепты философии, культурной антропологии, когнитивных и социальных наук. Личность рассматривается как многомерная система, доступная пониманию в совмещении антропологических, телесных, социальных, культурных, символических и цифровых перспектив.

Третий поворот — от наблюдения к соучастию.

Исследователь перестает быть лишь внешним наблюдателем, действуя как субъект со своими смыслами и установками. Если классическая наука стремилась исключить субъективность, то постнеклассическая наука контролирует ее через метапозицию, позволяющую видеть и себя, и другого одновременно как участников и как объекты изучения.

Эти сдвиги формируют предпосылки для исследований, позволяющих описывать не только то, что человек делает, но как он переживает себя и мир в условиях трансформирующейся современности.

Литература

Гришина Н. В. (ред.). Психология личности: Пребывание в изменении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.

Гришина Н. В., Костромина С. Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основание целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 39–51.

Гусельцева М. С. Трансформации современности: человек, мир, методология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15, № 3. С. 352–370.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.

Знаков В. В. Теоретические основания психологии возможного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, вып. 2. С. 122–131.

Костромина С. Н., Гришина Н. В. Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–37.

Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

Марцинковская Т. Д., Полева Н. С., Хорошилов Д. А. Психология повседневности. М.: Моск. ин-т психоанализа, 2024.

Сергиенко Е. А. Субъектно-бытийный подход к личности в системе координат современных научных подходов // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 2. С. 46–62.

Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь Мир, 2003.

Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.

Diekmann A. Emergence of and compliance with new social norms: The example of the COVID crisis in Germany // Rationality and Society. 2022. Vol. 34, no. 2. P. 129–154. https://doi.org/10.1177/10434631221092749

Eriksen T. H. (*ed.*). Globalization: Studies in anthropology. London: Pluto Press, 2003.

Eriksen T. H., Schober E. Identity destabilized: Living in an overheated world. London: Pluto Press, 2016.

Fuchs T. Ecology of the Brain: The Phenomenology and Biology of the Embodied Mind. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Funtowicz S. O., Ravetz J. R. Science for the post-normal age // Futures. 1993. Vol. 25, no. 7. P. 739–755. https://doi.org/10.1016/0016-3287(93)90022-l

Gallagher S. Embodied and Enactive Approaches to Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

Gallagher S., Daly A. Dynamical relations in the self-pattern // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Art. 664. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00664

Gallagher S., Zahavi D. The Phenomenological Mind. London; New York: Routledge, 2021.

Gergen K. J., Gill S. R. Beyond the Tyranny of Testing: Relational Evaluation in Education. New York: Oxford University Press, 2020.

Gregg M., Seigworth G. J. (eds). The Affect Theory Reader. New York: Duke University Press, 2010. https://doi.org/10.1515/9780822393047

Herbrechter S., Callus I., Rossini M., Grech M., de Bruin-Molé M., Müller Ch. J. (eds). Palgrave Handbook of Critical Posthumanism. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.

Hermans H. J. M. Liberation in the Face of Uncertainty: A New Development in Dialogical Self Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

Hermans H. J. M., Konopka A., Gonçalves M. (eds). Handbook of Dialogical Self Theory and Psychotherapy: Bridging Psychotherapeutic and Cultural Traditions. London: Routledge, 2019.

Illouz E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Malden: Polity, 2007.

Lara A., Liu W., Ashley C. P., Nishida A., Liebert R. J., Billies M. Affect and subjectivity // Subjectivity. 2017. Vol. 10. P. 30–43. https://doi.org/10.1057/s41286-016-0020-8

Leys R. The turn to affect: A critique // Critical Inquiry. 2011. Vol. 37, no. 3. P. 434–472. https://doi.org/10.1086/659353

Massumi B. The autonomy of affect // Cultural Critique. 1995. Vol. 31. P. 83–109.

Massumi B. Politics of Affect. Malden: Polity, 2015.

Pacheco J. A. The "new normal" in education // Prospects (Paris). 2021. Vol. 51, no. 1–3. P. 3–14. https://doi.org/10.1007/s11125-020-09521-x

Ravetz J. R. Science for a proper recovery: Post-normal, not new normal // Issues in Science and Technology. 2020. Vol. XXXVI, no. 4. URL: https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery/ (дата обращения: 17.10.2025).
Rosa H., Trejo-Mathys J. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.
Sato S. N. Navigating the new normal: Adapting online and distance learning // Education Sciences. 2023. Vol. 14, no. 1. Art. 19. https://doi.org/10.3390/educsci14010019
Smith J. A., Flowers P., Larkin M. Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research. London: SAGE Publications, 2022. URL: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/121710_book_item_121710.pdf (дата обращения: 17.10.2025).
Sooryamoorthy R., Ojong V. (eds). Researching the 'New Normal' Social World: Methodological Adaptations and Innovations Post-Pandemic. London: Routledge, 2023.
Thompson E. Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of Mind. Cambridge, MA; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007.
Turkle S. Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age. New York: Penguin Books; Viking, 2015.
Vertovec S., Sigona N., Meissner F. (eds). The Oxford Handbook of Superdiversity. Oxford: Oxford University Press, 2022.
Vial S. Being and the screen: How the digital changes perception. Cambridge: MIT Press, 2019.
Zahavi D. Self-awareness and Alterity. Evanston: Northwestern University Press, 1999.
Zahavi D. Subjectivity and Selfhood: Investigating the first-person perspective. Cambridge: MIT Press, 2005.
Zahavi D. (ed.). The Oxford Handbook of Contemporary Phenomenology. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2025 г.;
рекомендована к печати 5 марта 2026 г.

Контактная информация

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; https://orcid.org/0000-0002-0545-0612, mguseltseva@mail.ru

References

Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
Diekmann, A. (2022). Emergence of and compliance with new social norms: The example of the COVID crisis in Germany. *Rationality and Society*, 34 (2), 129–154. https://doi.org/10.1177/10434631221092749
Eriksen, T. H. (2003). *Tyranny of the Moment. Fast and Slow Time in the Information Age*. Moscow, Ves' Mir Publ. (In Russian)
Eriksen, T. H. (ed.) (2003). *Globalization: Studies in anthropology*. London, Pluto Press.
Eriksen, T. H., Schober, E. (2016). *Identity Destabilized: Living in an overheated world*. London, Pluto Press.
Fuchs, T. (2018). *Ecology of the Brain: The Phenomenology and Biology of the Embodied Mind*. Oxford, Oxford University Press.
Funtowicz, S. O., Ravetz, J. R. (1993). Science for the post-normal age. *Futures*, 25 (7), 739–755. https://doi.org/10.1016/0016-3287(93)90022-l
Gallagher, S. (2023). *Embodied and Enactive Approaches to Cognition*. Cambridge, University of Cambridge Press.
Gallagher, S., Daly, A. (2018). Dynamical relations in the self-pattern. *Frontiers in Psychology*, 9, 664. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00664
Gallagher, S., Zahavi, D. (2021). *The Phenomenological Mind*. New York, Routledge.
Gergen, K. J., Gill, S. R. (2020). *Beyond the Tyranny of Testing: Relational Evaluation in Education*. New York, Oxford University Press.

Giorgi, A. (2019). *Psychology as a Human Science: A Phenomenologically-Based Approach*. New York, University Professors Press.
Gregg, M., Seigworth, G. J. (eds) (2010). *The Affect Theory Reader.* New York, Duke University Press. https://doi.org/10.1515/9780822393047
Grishina, N. V. (ed.). *The psychology of personality. Staying in change*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2019. (In Russian)
Grishina, N. V., Kostromina, S. N. (2021). Processual approach: Stability and variability as the basis of personality integrity. *Psikhologicheskii zhurnal*, 42 (3), 39–51. (In Russian)
Guseltseva, M. S. (2025). Ongoing transformations: Human, world, methodology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology,* 15, 3, 352–370. (In Russian)
Herbrechter, S., Callus, I., Rossini, M., Grech, M., de Bruin-Molé, M., Müller, Ch. J. (eds) (2022). *Palgrave Handbook of Critical Posthumanism*. Cham, Palgrave Macmillan.
Hermans, H. J. M. (2022). *Liberation in the Face of Uncertainty: A new development in dialogical self theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 2022.
Hermans, H. J. M., Konopka, A., Gonçalves, M. (eds) (2019). *Handbook of Dialogical Self Theory and Psychotherapy: Bridging psychotherapeutic and cultural traditions*. New York, Routledge.
Husserl E. (2005). *Selected Works*. Moscow: Territoriia budushchego Publ. (In Russian)
Illouz, E. (2007). *Cold Intimacies: The making of emotional capitalism*. Malden: Polity.
Kostromina, S. N., Grishina, N. V. (2021). Arising as a subject of research in personality psychology. *Voprosy psikhologii,* 4, 21–37. (In Russian)
Lara, A., Liu, W., Ashley, C. P., Nishida, A., Liebert, R. J., Billies, M. (2017). Affect and subjectivity. *Subjectivity*, 10, 30–43. https://doi.org/10.1057/s41286-016-0020-8
Leontiev, D. A. (2011). New guidelines for understanding personality in psychology: From the necessary to the possible. *Voprosy psikhologii*, 1, 3–27. (In Russian)
Leys, R. (2011). The turn to affect: A critique. *Critical Inquiry*, 37 (3), 434–472. https://doi.org/10.1086/659353
Martsinkovskaya, T. D., Poleva, N. S., Khoroshilov, D. A. (2024). *Everyday psychology*. Moscow, Moscow Institute of Psychoanalisis Press. (In Russian)
Massumi, B. (2015). *Politics of Affect*. Malden, Polity.
Massumi, B. (1995). The autonomy of affect. *Cultural Critique*, 31, 83–109.
Pacheco, J. A. (2021). The "new normal" in education. *Prospects,* 51 (1–3), 3–14. https://doi.org/10.1007/s11125-020-09521-x
Ravetz, J. R. (2020). Science for a proper recovery: Post-normal, not new normal. *Issues in Science and Technology,* XXXVI (4). Available at: https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery/ (accessed: 17.10.2025).
Rosa, H., Trejo-Mathys, J. (2013). *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York, Columbia University Press.
Sato, S. N. (2023). Navigating the new normal: Adapting online and distance learning. *Education Sciences*, 14 (1), 19. https://doi.org/10.3390/educsci14010019
Sergienko, E. A. (2024). Subjective-existential approach to personality within the system of coordinates of modern scientific approaches. *Iuzhnorossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 25 (2), 46–62. https://doi.org/10.31429/26190567-25-2-46-62 (In Russian)
Smith, J. A., Flowers, P., Larkin, M. (2022). Interpretative phenomenological analysis: Theory, method and research. London, SAGE Publications. Available at: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/121710_book_item_121710.pdf (accessed: 17.10.2025).
Sooryamoorthy, R., Ojong, V. (eds) (2023). Researching the 'new normal' social world: Methodological adaptations and innovations post-pandemic. London, Routledge.
Thompson, E. (2007). *Mind in Life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind.* Cambridge, MA; London, Belknap Press of Harvard University Press.
Turkle, S. (2015). *Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age*. New York, Penguin Books; Viking.
Vertovec, S., Sigona, N., Meissner, F. (eds) (2022). *The Oxford Handbook of Superdiversity*. Oxford, Oxford University Press.
Vial, S. (2019). *Being and the screen: How the digital changes perception.* Cambridge, MIT Press.
Zahavi, D. (1999). *Self-awareness and Alterity*. Evanston, Northwestern University Press.

Zahavi, D. (2005). *Subjectivity and Selfhood: Investigating the first-person perspective*. Cambridge, MIT Press.
Zahavi, D. (ed.) (2012). *The Oxford Handbook of Contemporary Phenomenology*. Oxford, Oxford University Press.
Znakov, V. V. (2022). Theoretical foundations of the psychology of the possible. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12, 2, 122–131. https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.202 (In Russian)

Received: November 28, 2025
Accepted: March 5, 2026

Author's information:

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; https://orcid.org/0000-0002-0545-0612, mguseltseva@mail.ru

УДК 159.923 Вестник СПбГУ. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3

Трансформации идентичности в условиях распространения технологий искусственного интеллекта: нарастающая фрагментарность или новая целостность?*

Е. П. Белинская, Г. А. Пушкарь[a]

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: *Белинская Е. П., Пушкарь Г. А.* Трансформации идентичности в условиях распространения технологий искусственного интеллекта: нарастающая фрагментарность или новая целостность? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 429–441. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.303

Статья содержит теоретико-аналитический обзор современных исследований, посвященных трансформациям идентичности личности в условиях цифровизации и, в частности, в ситуации массового внедрения систем искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности. Актуальность данной проблемы определяется тем, что генеративный искусственный интеллект из инструментального ресурса стремительно превращается в повседневный источник самопознания, коммуникации, социальной категоризации и самокатегоризации. На основе систематизации последних эмпирических данных и реконструкции ключевых понятийных рамок в изучении идентичности обосновывается необходимость перехода к многоуровневому, «техносоциальному» ее пониманию; предложен концепт техносоциальных гибридных механизмов идентичности, под которыми понимаются устойчивые режимы соотнесения человека и алгоритмически организованных сред, формирующиеся на пересечении когнитивно-аффективных процессов, Я-нарративных практик и институционально-нормативных контуров использования искусственного интеллекта. Показано, что агенты искусственного интеллекта могут одновременно выступать как ресурсом расширения творческой и профессиональной идентичности человека, так и фактором риска деперсонализации, утраты когнитивной автономии, стандартизации Я-нарративов и обострения кризисов идентичности. Прогностическое внимание уделено роли метаидентичности, цифровой критической грамотности и этической рефлексии как условий сохранения и развития субъектности человека в алгоритмически опосредованной реальности. Предлагаемая модель задает рамку для последующих исследований проблемы поддержания целостности личности в эпоху цифровизации и внедрения систем искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется описанию направлений эмпирической операционализации предложенных понятий и выяснению культурно-специфических профилей техносоциальных механизмов идентичности в различных контекстах взаимодействия с искусственным интеллектом. Статья формирует концептуальную основу для междисциплинарного анализа трансформаций идентичности в условиях алгоритмически управляемых цифровых экосистем и задает ориентиры для разработки интегративных исследовательских программ, сочетающих психологические, социологиче-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00350П.

[a] Автор для корреспонденции.

© Е. П. Белинская, Г. А. Пушкарь, 2026

ские и технологические подходы к изучению человеческого Я в эпоху искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровая повседневность, персональная и социальная идентичность, виртуальная идентичность, гибридная идентичность, искусственный интеллект, алгоритмизированная идентичность, метаидентичность.

Identity transformations under expanding artificial intelligence technologies: Escalating fragmentation or emerging wholeness?*

E. P. Belinskaya, G. A. Pushkar[a]

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Belinskaya E. P., Pushkar G. A. Identity transformations under expanding artificial intelligence technologies: Escalating fragmentation or emerging wholeness? *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 429–441. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.303 (In Russian)

The article presents a theoretical and analytical review of contemporary research on transformations of personal identity within digitalization processes, with particular emphasis on large scale integration of artificial intelligence systems into everyday practices across multiple life domains. The relevance of the topic is driven by the rapid transition of generative artificial intelligence from a purely instrumental resource to an everyday medium of self knowledge, communication, social categorization, and self categorization. Systematization of recent empirical findings, combined with reconstruction of key conceptual frameworks in identity research, substantiates a shift toward a multi-level techno-social understanding of identity. The article introduces the concept of techno-social hybrid identity mechanisms, defined as relatively stable modes of relating human agents to algorithmically structured environments, emerging at the intersection of cognitive affective processes, self-narrative practices, and institutional normative patterns of AI use. The analysis demonstrates that artificial intelligence agents contribute both to the expansion of creative and professional identity and to the intensification of risks, including depersonalization, reduced cognitive autonomy, standardization of self-narratives, and heightened identity crises. Prognostic emphasis is placed on meta-identity, digital critical literacy, and ethical reflection as conditions for sustaining and developing human agency in algorithmically mediated environments. The proposed model provides a framework for further empirical operationalization of key constructs and for identifying culture specific profiles of techno-social identity mechanisms. The article advances an interdisciplinary conceptual platform for analyzing identity transformations in algorithmically governed digital ecosystems.

Keywords: digital everyday life, personal and social identity, virtual identity, hybrid identity, artificial intelligence, algorithmic identity, meta-identity.

Введение. Динамика идентичности в цифровой повседневности: социальный контекст и тренды исследований

Анализ возможных психологических следствий социальной динамики является уже достаточно традиционной темой для всего психологического знания (Андреева, 2011; Асмолов, 2015; Асмолов, 2025; Марцинковская, 2019; Хорошилов, 2023), опира-

* The study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00350P.
[a] Author for correspondence.

ясь в значительной степени на работы социологического профиля (Хан Бён-Чхоль, 2023; Иллуз, Кабанас, 2023). Из всего спектра подобных следствий центральными представляются различные трансформации идентичности: с одной стороны, именно идентичность становится призмой, через которую изучаются характерные черты современной социальной жизни (Бауман, 2005; Бауман, 2008), а с другой — многие актуальные особенности построения идентичности нашего современника экстраполируются на общественные процессы (Емелин, Тхостов, 2020; Соколова, 2022). С этой точки зрения наиболее интересными выступают такие объективные черты актуальной социальности, как ее нелинейность, вариативность и атомизация.

Так, во-первых, в качестве одного из основных психологических следствий ускорения нелинейности социального развития выделяют изменения временной перспективы личности и группы, что, в свою очередь, в значительной степени модифицирует представления исследователей о самих механизмах конструирования личностной и групповой идентичности (Нестик, 2025). Во-вторых, в связи с возрастанием вариативности социального пространства рассматривается увеличение числа рискованных решений, принимаемых индивидуальными и групповыми акторами, в результате чего повышаются требования к их преадаптационным способностям (Асмолов и др., 2021), а в центре внимания исследователей идентичности оказываются соответственно такие ее особенности, как гибкость и дифференцированность (Андреева, 2012; Белинская, 2018; Марцинковская, 2018; Лифтон, 2025). В-третьих, факты нарастающей социальной атомизации, нередко ведущей к исчезновению «социальных опор» для построения человеком своих идентификаций, модифицируют в исследовательской практике проблему соотношения структурных компонентов идентичности, заставляя смещать внимание от поиска баланса изменчивости/устойчивости Я-структур к их принципиально незавершаемой процессуальности (Хорошилов, 2023; Белинская, 2024).

В настоящий момент динамика данного предметного поля в силу нарастающих процессов цифровизации (Марцинковская, 2023; Марцинковская и др., 2024) включена в новую глобальную онтологическую рамку. Будучи исходно задана сугубо технологически, эта «новая реальность» осмысляется исследователями через проблему идентичности человека цифровой эпохи. Исследования виртуальной идентичности заложили фундамент для изучения влияния ИИ-взаимодействия на идентификационные структуры личности. Обозначим два основных вектора этих исследований.

Во-первых, значительная их часть была и нередко остается сконцентрирована на изучении специфических черт «идентичности в сети». Методически обычно это достигается через использование традиционной методики изучения Я, но с модифицированной инструкцией, которая исходно дифференцирует для респондента его реальную идентичность и ту вербально-визуальную самопрезентацию, которую он проявляет в сетевой коммуникации. Результатом оказывается возможность сравнения их содержательно-структурных особенностей, соотнесение виртуальных идентичностей с характером пользовательской активности, личностными диспозициями и т. п. Эти исследования были начаты достаточно давно, практически одновременно с моментом возникновения новых технологий онлайн-коммуникаций (Войскунский и др., 2013), но продолжаются и сегодня (Валиуллина, 2024; Клементьева, Иванова, 2025), создав разноплановый массив эмпирических данных

(Солдатова, Погорелов, 2018). Данный исследовательский вектор постоянно расширялся — хотя бы в силу принципиальной множественности (а нередко фрагментированности) социальных идентификаций в процессе онлайн-коммуникации. В последнее время подобная исследовательская логика привела к созданию специальных методических средств для изучения виртуальной идентичности (Погорелов, Рыльская, 2021; Клементьева, Иванова, 2025). Это направление содержит две (то пересекающиеся, то альтернативные) позиции: понимание виртуальных идентификаций как компенсаторных по отношению к реальной идентичности субъекта и представления о виртуальной идентичности как о неограниченной возможности самоконструирования и самопознания.

Вторая, более поздняя и, на наш взгляд, более перспективная исследовательская логика, обращая свое внимание на аналогичную феноменологию, оказалась более чувствительной не к технологическому, а к социальному контексту. В ней изначально фиксировалось сходство реального и виртуального вариантов идентичности, а сегодня — факт их, так сказать, гибридизации. Основания для подобного взгляда на идентичность определяются исследователями по-разному: через динамику современного социокультурного контекста, все больше проблематизирующего баланс изменчивости/устойчивости различных идентичностей, конструирующихся в условиях мягкой/жесткой транзитивности (Марцинковская, 2019; Марцинковская, 2023); через онтогенетические закономерности современной социализации, имеющие различные психологические следствия для разных поколений (Солдатова и др., 2022; Карабанова и др., 2024); через объективную динамику всех сфер жизнедеятельности нашего современника, неуклонно размывающую границы онлайн- и офлайн-взаимодействий, что создает основания для новых классификаций личности с точки зрения ее технологической «достроенности» и тем самым для нового понимания идентичности (Солдатова и др., 2024а). Эта линия исследований развивается с опорой на разнообразие используемых методических средств, сочетая количественную и качественную методологию, а в интерпретациях апеллирует не только к конкретным теоретическим моделям идентичности, но к более широкому гносеологическому контексту — как психологическому, так и социально-философскому. Представляется, что именно она содержит наибольший потенциал для дальнейших исследований.

Психологические следствия внедрения ИИ-агентов в повседневную жизнь и трансформации идентичности

Сегодня цифровая повседневность начинает стремительно меняться за счет включения в нее нового элемента — систем искусственного интеллекта (ИИ). Исследователи отмечают, что степень отклика человека на масштабную интеграцию ИИ определяется различными социальными и социально-психологическими факторами: возрастом, характером доминирующей деятельности, уровнем открытости новым технологиям и т. п.[1] Представляется, что встреча с ИИ буквально на наших

[1] См. на эту тему недавние (2023–2025 гг.) отечественные и зарубежные исследования: ИИ в образовании: как преодолеть соблазн готовых решений // Национальный исследовательский уни-

глазах создает качественно новую конфигурацию условий, в которых реализуется идентичность личности. Сегодня ИИ-технологии перестают быть исключительно внешними средствами деятельности и выступают как элементы социального окружения и квазисубъекты взаимодействия, включенные в процессы как самокатегоризации, так и межгрупповой дифференциации, что сохраняет проблему идентичности как один из ведущих предметов психологического анализа цифрового общества. Соответственно, перед психологическим знанием встает комплексная задача:

- интегрировать уже имеющееся знание о трансформациях идентичности и новую феноменологию идентификационных изменений при использовании ИИ;
- собрать новый массив эмпирических данных в самых разных аспектах — от анализа индивидуальных переживаний собственной субъектности во взаимодействии с ИИ до изучения социальных представлений об ИИ-агентах;
- модифицировать методологию подобных исследований, постепенно сокращая в ней долю вербальных самоотчетов и расширяя использование квазиэкспериментов.

Представляется, что психологическая специфика происходящих сегодня изменений заключается в том, что ИИ для человека одновременно выступает в нескольких потенциальных ролях (своего рода «когнитивный расширитель», медиатор процесса социального познания, со-автор Я-нарративов, «ИИ-ренорминг» социальных ожиданий), что порождает противоречивые психологические следствия. С одной стороны, владение ИИ-инструментами и опыт их использования могут усиливать у человека чувство компетентности, расширять диапазон творческой и профессиональной самореализации, поддерживать рефлексивное осмысление Я (Li et al., 2025). С другой стороны, использование ИИ-агентов формирует у человека склонность к подмене персональных ценностей результатами алгоритмической селекции, усиливает стандартизацию способов самопрезентации, приводит к ощущению потери собственной уникальности, которое поддерживается появлением так называемых цифровых двойников (Joseph, 2025). Последние моделируются ИИ на основе нарративных и поведенческих данных пользователя (Park et al., 2025), что ставит под сомнение границы аутентичности и автономии личности.

Попытки преодолеть эту двойственность представлены в исследованиях, акцентирующих специфику конструирования идентичности человеком во взаимодействии с ИИ-агентами, вводя новые понятия для ее обозначения. Таковы, например, исследования «алгоритмического Я» (Joseph, 2025), подчеркивающие соконструирующую роль ИИ в формировании представлений человека о себе и своем месте в мире, или исследования «креативной персональной идентичности в эпоху ИИ» (Li et al., 2025), выделяющие влияние ИИ-грамотности и творческой самоэффективности на складывающиеся конфигурации новой идентичности. К этому же вектору можно отнести метафору «технологически достроенной личности» и личностный тип «цифрового кентавра» (Солдатова и др., 2024б) как одного из наибо-

---

верситет «Высшая школа экономики». 2025. 22 апреля. URL: https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html (дата обращения: 08.04.2026); Researchers and AI: Survey Findings // Oxford University Press. 2024. URL: https://fdslive.oup.com/www.oup.com/academic/pdf/Researchers-and-AI-survey-findings.pdf (дата обращения: 08.04.2026); «ChatGPT и искусственный интеллект в высшем образовании: краткое руководство» на русском языке // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. 2024. 17 января. URL: https://iite.unesco.org/ru/news/chatgpt-i-iskusstvennyj-intellekt-v-vysshem-obrazovanii-kratkoe-rukovodstvo-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 08.04.2026).

лее адаптивных способов интеграции человеческого и технологического компонентов в единую субъектную систему и, соответственно, в идентичность.

Из последних работ обращает на себя внимание исследование, констатирующее создание социально-цифровой теории идентичности (Social Digital Identity Theory, SDIT), которая соединяет концепцию социальной идентичности А. Тэшфела (H. Tajfel) и теорию самокатегоризации Дж. Тёрнера (J. Turner) с реальностью цифровой идентичности, используя пересечения параметров «личное — социальное» и «онлайн — офлайн —гибридное», что позволяет описать шесть возможных типов идентичности (Bingley et al., 2026). Представляется, что основным вкладом данной модели в изучение идентичности является демонстрация того, что последняя задается специфическими аффордансами платформ, структурой коммуникации, режимами приватности, категоризацией пользователей и устойчивостью цифровых следов, которые усиливают или ослабляют то или иное социальное Мы и тем самым модифицируют переживание человеком себя как члена социальной группы. Иными словами, в рамках данной модели алгоритмически организованные цифровые среды рассматриваются как активный элемент идентичности.

Изучение идентичности в эпоху ИИ требует создания специального методического инструментария, который одновременно содержит ее новые содержательные трактовки. Недавняя разработка шкалы идентичности в области ИИ основывается на введении понятия «AI-идентичности» как компонента психологической готовности человека использовать ИИ в повседневной и образовательной практике (Kong, Tsang, 2026). На основе классических теорий идентичности авторы выделяют четыре взаимосвязанных измерения такой трансформации:

1) вовлеченность в обучение ИИ-технологиям (AI engagement);

2) чувство принадлежности к сообществу учащихся и пользователей ИИ (AI affiliation);

3) ориентация на использование ИИ для решения лично значимых задач (AI actualisation);

4) постановка целей с помощью ИИ (AI goal setting).

Подытоживая, подчеркнем, что массовое внедрение ИИ-технологий можно рассматривать как новый тип социального изменения, радикально перестраивающий образ социального мира и систему категорий, через которые человек определяет себя и свое место в социальной реальности (Meng et al., 2025; Park et al., 2025, Santoro, Monin, 2023). В этой перспективе алгоритмически организованные среды становятся активным компонентом того, что можно назвать техносоциальными полями идентичности: системами алгоритмизированных значений, ролей и сценариев, в которые субъект вынужден вписывать свое Я.

Итак, можно констатировать парадоксальную природу актуальных трансформаций идентичности: алгоритмическая опосредованность одновременно расширяет горизонты субъектности и подрывает ее автономию, требуя от личности непрерывной реконфигурации Я в диалоге с ИИ-агентами. Эмпирические закономерности трансформаций Я и групповых границ (Li et al., 2025; Joseph, 2025; Santoro, Monin, 2023) конкретизируют эту динамику, в которой можно усмотреть аналогии с классическими кризисами идентичности Э. Эриксона (E. Erikson), статусами идентичности Дж. Марсии (J. Marcia), «взаимопереходами» персональной и социальной идентичности А. Тэшфела, но в новой конфигурации, где внешние технологические

факторы становятся активными со-конструкторами личности. Таким образом, мы можем говорить о гибридных режимах формирования Я, где конструирование идентификационных структур предполагает не статическую целостность, а динамическую интеграцию человеческих и алгоритмических компонентов. Эта рамка может быть развернута в модель техносоциальных гибридных механизмов, где ИИ понимается как квазисубъект, участвующий в разрешении личностных кризисов, достижении статусов и реконфигурации идентичности.

Техносоциальные гибридные механизмы конструирования идентичности

Анализ современных исследований дает возможность предложить интегративную концепцию гибридных механизмов конструирования идентичности, под которыми предлагается понимать устойчивые способы формирования, поддержания и изменения Я, возникающие на стыке человеческих когнитивно-аффективных процессов и алгоритмически организованных сред.

В рамках данной концепции можно выделить по меньшей мере четыре ключевых класса механизмов:

1) когнитивно-аффективные траектории, через которые ИИ включается в систему самоэффективности и творческой идентичности;

2) алгоритмическую медиатизацию самопознания и нарративного конструирования Я;

3) личностно обусловленные сценарии адаптации к ИИ как к новому значимому Другому;

4) институциональные и культурные режимы нормализации «технологически достроенной» личности.

Каждое из рассмотренных ниже эмпирических исследований иллюстрирует тот или иной из этих механизмов.

Так, работа Х. Ли (H. Li) и коллег показывает, что ИИ-грамотность становится одним из новых системообразующих ресурсов творческой идентичности, выполняя функции культурного капитала в образовательных и профессиональных контекстах (Li et al., 2025). Связь между уровнем ИИ-грамотности и выраженностью творческой персональной идентичности опосредуется самоэффективностью и установками на развитие, что позволяет интерпретировать взаимодействие человека с ИИ как специфический социально-когнитивный путь расширения Я-как-творца. Эти данные свидетельствуют, что компетентность во взаимодействии с ИИ перестает быть только инструментальной характеристикой и превращается в элемент Я-концепции и системы идентификаций. Так формируется один из техносоциальных гибридных механизмов — расширенное творческое Я, в котором границы индивидуального творчества и алгоритмической генерации оказываются проницаемыми.

Концепция алгоритмического Я дополняет эту картину, акцентируя внимание на том, что алгоритмы не только поддерживают существующие идентичности, но и активно участвуют в их конструировании (Joseph, 2025). Граница между внутренним и внешним в структуре идентичности размывается: то, что в классических моделях идентичности рассматривалось как продукт рефлексии и диалога человека

с Другими, все чаще формируется в диалоге с алгоритмическими системами. Алгоритмы выполняют функцию своеобразного зеркала, но оно не нейтрально, а селективно усиливает одни аспекты Я и ослабляет другие, задавая траектории идентичности через фильтрацию опыта (Turtle et al., 2024; Masiero, 2023). Так формируется другой вариант техносоциального гибридного механизма — алгоритмически медиатизированное самопознание, в котором субъективное чувство аутентичности оказывается тесно связано с логикой работы рекомендательных систем.

Некоторые исследования демонстрируют, что информация о достижениях ИИ запускает процессы символической защиты границ человеческого (Santoro, Monin, 2023): люди начинают приписывать «отличительно человеческим» качествам (нравственному суждению, любви, творчеству) повышенную значимость для определения того, что значит быть человеком, если речь идет о сравнении с системами ИИ, что позволяет говорить о перестройке содержания социальной категории «человечество» в ответ на технологический вызов.

Исследование, посвященное ИИ-опосредованной социальной поддержке (Meng et al., 2025), показывает, как распределяется агентность в гибридных коммуникационных практиках. Наиболее аутентичными представляются сообщения, в которых человек сохраняет высокую степень контроля над процессом, используя ИИ как вспомогательный инструмент, тогда как полностью ИИ-генерированные тексты оцениваются как менее искренние, несмотря на их структурное совершенство. Таким образом, еще один техно-социальный гибридный механизм связан с тем, в какой мере ИИ подменяет для человека его коммуникативную активность, от чего зависит переживание аутентичности Я в цифровой среде.

Изучение траекторий включения ИИ в образовательную деятельность (Arpaci et al., 2025) демонстрирует, что они существенно зависят от личностных характеристик, описываемых моделью Большой пятерки. Открытость опыту и сознательность выступают мощными предикторами использования ИИ для учебных целей, тогда как невротизм оказывает сдерживающее влияние; экстраверсия и гендерные различия модифицируют эти связи, формируя дифференцированные паттерны адаптации.

Работа Дж. Пака и коллег по моделированию поведения человека с помощью ИИ-агентов доказывает, что на основе нарративных данных можно с высокой точностью воссоздавать ответы людей в массовых опросах, шкалах личностных черт, ряде поведенческих игр (Park et al., 2025). ИИ-агенты, обученные на глубинных интервью, воспроизводят сложные моральные суждения и отношение к справедливости. Однако предиктивная точность алгоритма проблематизирует границы аутентичности и уникальности человеческого, актуализируя еще один техносоциальный гибридный механизм — создание так называемого цифрового двойника.

Отечественная концепция технологически достроенной личности (Солдатова и др., 2024а; Солдатова и др., 2024б) позволяет описать вариативность стратегий идентификации в условиях цифровой реальности. Типы «цифрового аборигена/донора», «киборга», «цифрового кентавра», «техноконсерватора/техноизоляциониста» репрезентируют различные способы соотнесения себя с технологиями ИИ — от тотальной интеграции до дистанцирования и критического освоения. Эта типология фактически описывает семейство техносоциальных гибридных ме-

ханизмов идентичности как устойчивых паттернов распределения функций между человеком и его технологическими достройками, а также позволяет рассматривать феномен «преадаптивной» идентичности, способной конструктивно ответить на вызовы алгоритмической медиатизации.

Заключение. Возможности и риски актуальных трансформаций идентичности

В условиях масштабного внедрения ИИ-технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности обозначенные ранее тренды динамики идентичности приобретают новое звучание.

Так, становясь квазисубъектами социального взаимодействия, ИИ-системы начинают участвовать в переопределении границ изменчивости/устойчивости Я, в результате чего способность человека выдерживать давление алгоритмически опосредованных воздействий становится ключевым показателем его идентификационной зрелости и реальной свободы выбора. Также появление «алгоритмических Других» существенно расширяет пространство контекстов, в которых этот выбор осуществляется, дополняя и усиливая процессуальные проявления идентичности, снимая саму идею ее структурной определенности и превращая в «идентификацию в режиме реального времени» (Гришина, 2024). Эта «identity in real time» возникает в новых, специфических уровнях контекста (алгоритмически организованных средах) и формируется в режиме постоянного человеко-алгоритмического взаимодействия. В результате современный кризис идентичности превращается в перманентный режим существования, поскольку алгоритмически медиатизированная реальность непрерывно порождает новые идентификационные возможности и одновременно обесценивает ранее устойчивые опоры Я, превращая тем самым постоянно незавершенную идентичность человека эпохи ИИ в социальную норму. Добавим к этому, что нормативность незавершенной идентичности человека эпохи ИИ поддерживается алгоритмически, что задает новые грани нарративной идентичности: значительная часть рассказов о себе теперь создается, дополняется, редактируется или проверяется при участии алгоритмических систем (чат-ботов, генеративных моделей, систем рекомендаций), что вновь подтверждает проблематизацию и дихотомичность ИИ, так как наряду с возможностью расширения репертуара идентичностей проявляется стандартизация Я-нарративов, выравниваемых алгоритмическими шаблонами.

Обозначим кратко несколько ключевых зон риска, связанных с техносоциальными гибридными механизмами формирования и трансформации идентичности в условиях взаимодействия с ИИ. Во-первых, делегирование ряда когнитивных функций ИИ-системам ведет к ослаблению критической автономии, когда субъект перестает выступать активным конструктором знания, полагаясь на алгоритмически сгенерированные решения. Во-вторых, алгоритмическая медиатизация самопознания чревата деперсонализацией идентичности, когда переживание собственных предпочтений и ценностей подменяется результатами рекомендательных моделей. В-третьих, появление цифровых двойников открывает новые угрозы приватности, алгоритмизированного контроля над нарративами о себе и репутационных рисков.

Однако приведенные выше исследования свидетельствуют, что развитие ИИ-грамотности, а также установки на саморазвитие, самоэффективность и творчество позволяют интегрировать ИИ в структуру Я как инструмент расширения когнитивного и творческого диапазона, а не как замену человеческой активности. Ключевым условием является сохранение человеком своей субъектной позиции: понимания ИИ как средства поиска, а не как источника окончательных ответов. Представляется, что на этом основании можно говорить о формировании особого уровня метаидентичности — рефлексивного слоя, в котором человек осмысляет собственные отношения с ИИ, алгоритмическими средами и цифровыми двойниками. Такая метаидентичность включает в себя цифровую грамотность, способность распознавать алгоритмические смещения, различать ИИ-генерированный и человеческий контент, а также сознательно конструировать собственные нарративы как средство противодействия стандартизирующему давлению, превращаясь тем самым в новое основание целостности личности цифровой эпохи.

Литература

Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. Т. 4, № 20. С. 1. https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804

Андреева Г. М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. URL: https://psystudy.ru/num/article/view/731/411 (дата обращения: 07.04.2026).

Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: https://psystudy.ru/num/article/view/550 (дата обращения: 07.04.2026).

Асмолов А. Г. Психология достоинства. Искусство быть человеком. М.: Альпина Паблишер, 2025.

Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историкоэволюционном процессе // Вопросы психологи. 2021. Т. 4, № 67. С. 1–18.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: https://psystudy.ru/num/article/view/551 (дата обращения: 07.04.2026).

Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, № 1. С. 6–15. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.10

Белинская Е. П. Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 4. С. 5–11.

Валиуллина Е. В. Виртуальная идентичность личности и ее психологическое содержание // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2024. Т. 5, № 3. С. 12–16.

Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 2. С. 98–121.

Гришина Н. В. Идентичность как проявление целостности личности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 4. С. 12–24. https://doi.org/10.17759/sps.2024150402

Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91.

Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. М.: АСТ, 2023.

Карабанова О. А., Тихомандрицкая О. А., Молчанов С. В. Связь базовых ценностей личности с характером психологической адаптации к глобальным цифровым рискам // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29, № 4. С. 104–125.

Клементьева М. В., Иванова В. И. Аватар-опосредствованная идентичность и смысложизненные ориентации интернет-пользователей // Культурно-историческая психология. 2025. Т. 21, № 4. С. 50–58.

Лифтон Р. Дж. Протейское Я. Человеческая устойчивость в эпоху фрагментации. М.: И-нт общегуманит. исслед., 2025.

Марцинковская Т. Д. Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Сер.: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 4 (14). С. 11–20.

Марцинковская Т. Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3. С. 77–96.

Марцинковская Т. Д. Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 3. С. 347–361.

Марцинковская Т. Д., Полева Н. С., Хорошилов Д. А. Психология повседневности. М.: Изд-во Моск. ин-та психоанализа, 2024.

Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М.: Ин-т психологии РАН, 2025.

Погорелов Д. Н., Рыльская Е. А. Структура виртуальной идентичности как интегрального феномена // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14, № 3. С. 57–68.

Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. 3-е изд., испр. М.: Смысл, 2022.

Солдатова Г. У., Лисовская Е. Г., Вдовенко Е. В. Технологически достроенная личность: типология цифровых типов // Психологический журнал. 2024а. Т. 45, № 3. С. 45–58.

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Вишнева А. Е., Теславская О. И., Чигарькова С. В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. М.: Акрополь, 2022.

Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру // Социальная психология и общество. 2024б. Т. 15, № 4. С. 40–57.

Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124.

Хан Бён-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А. С. Салина; предисл. и науч. ред. А. В. Павлова. М.: АСТ, 2023.

Хорошилов Д. А. Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 4. С. 447–461.

Arpaci I., Kuşci İ., Gibreel O. The role of personality traits in predicting educational use of generative AI in higher education // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. Art. 30440. https://doi.org/10.1038/s41598-025-16339-0

Bingley W. J., Worthy P., Wiles J., Haslam S. A. A social identity theory of digital identity // Perspectives on Psychological Science. 2026. Vol. 21, iss. 4. https://doi.org/10.1177/17456916261419813

Joseph J. The algorithmic self: How AI is reshaping human identity, introspection, and agency // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Art. 1645795. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1645795

Kong S. C., Tsang O. Developing and validating an artificial intelligence identity scale for artificial intelligence literacy development // Research and Practice in Technology Enhanced Learning. 2026. Vol. 21. Art. 037. https://doi.org/10.58459/rptel.2026.21037

Li H., Zhang Yu., Chen M., Zhao T., Zou M. Creative personal identity in the age of generative AI: A social-cognitive pathway of AI literacy, self-efficacy, and mindset // Computers in Human Behavior. 2025. Vol. 175. Art. 108838. https://doi.org/10.1016/j.chb.2025.108838

Masiero S. Digital identity as platform-mediated surveillance // Big Data & Society. 2023. Vol. 10, no. 1. Art. 20539517221135176. https://doi.org/10.1177/20539517221135176

Meng J., Martinez L., Holmstrom A. J. AI-mediated social support: The prospect of human — AI collaboration // Journal of Computer-Mediated Communication. 2025. Vol. 30, no. 4. Art. zmaf013. https://doi.org/10.1093/jcmc/zmaf013

Park J. S., Zou C. Q., Shaw A., Hill B. M., Cai C. J., Morris M. R., Willer R., Liang P., Bernstein M. S. Simulating human behavior with AI agents. Stanford: HAI Policy Brief, 2025.

Santoro E., Monin B. The AI effect: People rate distinctively human attributes as more essential to being human after learning about artificial intelligence advances // Journal of Experimental Social Psychology. 2023. Vol. 104. Art. 104419. https://doi.org/10.1016/j.jesp.2023.104419
Turtle G. L., Bendor R., Giaccardi E., Kotowski B. Queering AI: Undoing the self in the algorithmic borderlands // arXiv preprint. 2024. Art. arXiv:2410.03713. https://doi.org/10.48550/arXiv.2410.03713

Статья поступила в редакцию 23 марта 2026 г.;
рекомендована к печати 11 мая 2026 г.

Контактная информация:

Белинская Елена Павловна — д-р психол. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0002-3057-5273, elena_belinskaya@list.ru
Пушкарь Галина Александровна — канд. филол. наук; https://orcid.org/0009-0003-6304-3198, pushkar2014@yandex.ru

References

Andreeva, G. M. (2011). On the problem of identity crisis under social transformations. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 4 (20), 1. https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804 (In Russian)
Andreeva, G. M. (2012). Identity presentations in the context of interaction. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 5 (26). Available at: https://psystudy.ru/num/article/view/731/411 (accessed: 07.04.2026). (In Russian)
Arpaci, I., Kuşci, İ., Gibreel, O. (2025). The role of personality traits in predicting educational use of generative AI in higher education. *Scientific Reports*, 15, 30440. https://doi.org/10.1038/s41598-025-16339-0
Asmolov, A. G. (2015). Psychology of modernity: Challenges of uncertainty, complexity, and diversity. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 8 (40). Available at: http://psystudy.ru/ (accessed: 07.04.2026). (In Russian)
Asmolov, A. G., Shekhter, E. D., Chernorizov, A. M. (2021). Paradox of coexistence of adaptation and preadaptation in historical-evolutionary process. *Voprosy psikhologii*, 4 (67), 1–18. (In Russian)
Asmolov, A. G. (2025). *Psychology of dignity: The art of being human*. Moscow, Al'pina Publisher. (In Russian)
Bauman, Z. (2005). *Individualized society*. Moscow, Logos Publ. (In Russian)
Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
Belinskaya, E. P. (2015). Variability of self: Identity crisis or crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie issledovaniia*, 8 (40), 1–11. (In Russian)
Belinskaya, E. P. (2018). Contemporary identity research: From structural certainty to processuality and incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Pedagogics*, 8 (1), 6–15. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.10 (In Russian)
Belinskaya, E. P. (2024). Relations between social and personal identities: Current state of the problem. *Sotsial'naia psikhologiia i obschestvo*, 15 (4), 5–11. (In Russian)
Bingley, W. J., Worthy, P., Wiles, J., Haslam, S. A. (2026). A social identity theory of digital identity. *Perspectives on Psychological Science*. https://doi.org/10.1177/17456916261419813
Emelin, V. A., Tkhostov, A. Sh. (2020). Disformative identity. *Voprosy filosofii*, 4, 80–91. (In Russian)
Grishina, N. V. (2024). Identity as a manifestation of personality wholeness. *Sotsial'naia psikhologiia i obschestvo*, 15 (4), 12–24. https://doi.org/10.17759/sps.2024150402 (In Russian)
Illuz, E., Kabanas, E. (2023). *Factory of happy citizens: How the happiness industry controls our lives*. Moscow, AST Publ. (In Russian)
Joseph, J. (2025). The algorithmic self: How AI is reshaping human identity, introspection, and agency. *Frontiers in Psychology*, 16, 1645795. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1645795
Karabanova, O. A., Tikhomandritskaia, O. A., Molchanov, S. V. (2024). Relations between basic personal values and patterns of psychological adaptation to global digital risks. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 29 (4), 104–125. (In Russian)
Khan, B. (2023). *Fatigue society: Negative experience in the age of excessive positivity*. Moscow, AST Publ. (In Russian)
Khoroshilov, D. A. (2023). Individualization and psychologization of contemporary society as factors of weakening social ties. *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 13 (4), 447–461. (In Russian)
Klement'eva, M. V., Ivanova, V. I. (2025). Avatar-mediated identity and life-meaning orientations of Internet users. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia*, 21 (4), 50–58. (In Russian)

Kong, S. C., Tsang, O. (2026). Developing and validating an artificial intelligence identity scale for artificial intelligence literacy development. *Research and Practice in Technology Enhanced Learning*, 21, 037. https://doi.org/10.58459/rptel.2026.21037

Li, H., Zhang, Yu., Chen, M., Zhao, T., Zou, M. (2025). Creative personal identity in the age of generative AI: A social-cognitive pathway of AI literacy, self-efficacy, and mindset. *Computers in Human Behavior*, 175, 108838. https://doi.org/10.1016/j.chb.2025.108838

Lifton, R. J. (2025). *Protean self: Human resilience in the age of fragmentation*. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovanii Publ. (In Russian)

Masiero, S. (2023). Digital identity as platform-mediated surveillance. *Big Data & Society*, 10 (1), 20539517221135176. https://doi.org/10.1177/20539517221135176

Meng, J., Martinez, L., Holmstrom, A. J. (2025). AI-mediated social support: The prospect of human — AI collaboration. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 30 (4), zmaf013. https://doi.org/10.1093/jcmc/zmaf013

Martsinkovskaia, T. D. (2018). Identity in transitive and virtual space. *Vestnik RGGU. Seriia: Psikhologiia. Pedagogika. Obrazovanie*, 4 (14), 11–20. (In Russian)

Martsinkovskaia, T. D. (2019). Information space of a transitive society: Problems and development prospects. *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia*, 27 (3), 77–96. (In Russian)

Martsinkovskaia, T. D. (2023). Information identity and perception of information as new digital everyday life. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13 (3), 347–361. (In Russian)

Martsinkovskaia, T. D., Poleva, N. S., Khoroshilov, D. A. (2024). *Psychology of everyday life*. Moscow, Moscow Institute of Psychoanalysis Press. (In Russian)

Nestik, T. A. (2025). *Collective image of the future: Social-psychological analysis*. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)

Park, J. S., Zou, C. Q., Shaw, A., Hill, B. M., Cai, C. J., Morris, M. R., Willer, R., Liang, P., Bernstein, M. S. (2025). *Simulating human behavior with AI agents* (Stanford HAI Policy Brief).

Pogorelov, D. N., Ryl'skaia, E. A. (2021). Structure of virtual identity as an integral phenomenon. *Psikhologiia. Psikhofiziologiia*, 14 (3), 57–68. (In Russian)

Santoro, E., Monin, B. (2023). The AI effect: People rate distinctively human attributes as more essential to being human after learning about artificial intelligence advances. *Journal of Experimental Social Psychology*, 104, 104419. https://doi.org/10.1016/j.jesp.2023.104419

Sokolova, E. T. (2022). *Clinical psychology of loss of self*, 3rd ed., rev. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)

Soldatova, E. L., Pogorelov, D. N. (2018). Phenomenon of virtual identity: Current state of the problem. *Obrazovanie i nauka*, 20 (5), 105–124. (In Russian)

Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., Vishneva, A. E., Teslavskaia, O. I., Chigarkova, S. V. (2022). *Born digital: Family context and cognitive development*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)

Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., Iliukhina, S. N. (2024). Metamorphoses of extended human identity: From digital donor to digital centaur. *Sotsial'naia psikhologiia i obschestvo*, 15 (4), 40–57. (In Russian)

Soldatova, G. U., Lisovskaia, E. G., Vdovenko, E. V. (2024). Technologically extended person: Typology of digital types. *Psikhologicheskii zhurnal*, 45 (3), 45–58. (In Russian)

Turtle, G. L., Bendor, R., Giaccardi, E., Kotowski, B. (2024). Queering AI: Undoing the self in the algorithmic borderlands. *arXiv preprint*, arXiv:2410.03713. https://doi.org/10.48550/arXiv.2410.03713

Valiullina, E. V. (2024). Virtual identity of personality and its psychological content. *Vestnik obschestvennykh i gumanitarnykh nauk*, 5 (3), 12–16. (In Russian)

Voiskunskii, A. E., Evdokimenko, A. S., Fedunina, N. Iu. (2013). Network and real identity: A comparative study. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 10 (2), 98–121. (In Russian)

Received: March 23, 2026
Accepted: May 11, 2026

Authors' information:

Elena P. Belinskaya — Dr. Sci. in Psychology, Professor; https://orcid.org/0000-0002-3057-5273, elena_belinskaya@list.ru
Galina A. Pushkar — PhD in Philology; https://orcid.org/0009-0003-6304-3198, pushkar2014@yandex.ru

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.99

Субъектно-личностные предикторы стрессоустойчивости менеджеров с позиции ресурсно-процессуального подхода

В. Брутане, Н. Е. Водопьянова, М. А. Круглова[a]

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Брутане В., Водопьянова Н. Е., Круглова М. А.* Субъектно-личностные предикторы стрессоустойчивости менеджеров с позиции ресурсно-процессуального подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 442–454. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.304

Исследование посвящено ключевым субъектно-личностным предикторам психологической ресурсности, обеспечивающей стрессоустойчивость менеджеров в нестабильной среде. В основе лежит интеграция ресурсно-процессуального подхода (С. Хобфолл, Р. Лазарус) и теории психологических систем (В. Е. Клочко). В эмпирическом исследовании участвовали 142 менеджера (финансовый и IT-сектор). Применялся комплекс методик для оценки вовлеченности, самоконтроля, смысложизненных ориентаций, зрелости личности, ресурсности и стрессоустойчивости. В результате исследования методами корреляционного, факторного и регрессионного анализа выявлен комплекс взаимосвязанных предикторов общей ресурсности ($R^2 = 75{,}39\,\%$). Наибольший вклад в общую объясненную дисперсию зависимой переменной «Общая ресурсность» вносят следующие предикторы (в порядке убывания стандартизированного бета-коэффициента β): целеполагание ($\beta = 0{,}587$); результативность жизни ($\beta = 0{,}365$); процесс жизни ($\beta = 0{,}362$); вовлеченность в работу ($\beta = 0{,}237$); стрессоустойчивость ($\beta = 0{,}179$). Установлено: стрессоустойчивость значимо коррелирует с самоконтролем, локусом контроля — жизнь и гибкостью поведения. Креативность — важный косвенный ресурс, связанный с осмысленностью жизни через механизмы самовыражения и целеполагания. Факторный анализ выделил ведущий фактор «Профессиональная вовлеченность и смысл жизни», объясняющий наибольшую долю дисперсии. Теоретическая значимость работы заключается в эмпирической верификации и дополнении ресурсно-процессуальной модели, где устойчивость трактуется не как статичное свойство (в противовес ранним диспозиционным подходам, например,

[a] Автор для корреспонденции.

© В. Брутане, Н. Е. Водопьянова, М. А. Круглова, 2026

изучавшим устойчивость как так называемую hardiness), а как динамическая способность к продуктивной трансформации личностно-средовых отношений и самоорганизации в стрессогенных ситуациях. Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты закладывают научную основу и определяют мишени для разработки целостной программы развития стрессоустойчивости, направленной на развитие выявленных ключевых предикторов (целеполагания, смысложизненных ориентаций, вовлеченности). Предлагается использование арт-коучинга как ключевого метода проработки точек бифуркации, активизации самопознания и креативности, что способствует переходу личности на новый уровень системной организации и адаптивности.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, ресурсы, процессуальность, ресурсно-процессуальный подход, субъектно-личностные ресурсы, смысложизненные ориентации, арт-коучинг.

Subject-personal predictors of managers' stress resistance from the resource-processual approach perspective

V. Brutane, N. E. Vodopyanova, M. A. Kruglova[a]

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Brutane V., Vodopyanova N. E., Kruglova M. A. Subject-personal predictors of managers' stress resistance from the resource-processual approach perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 442–454. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.304 (In Russian)

The study focuses on key subject-personal predictors of psychological resourcefulness ensuring stress resilience in managers under unstable environments. It integrates the conservation of resources and transactional approach (S. Hobfoll, R. Lazarus) with the theory of psychological systems (V. E. Klochko). The empirical study involved 142 managers from financial and IT sectors. A set of assessments measured work engagement, self-control, life-purpose orientations, personality maturity, resourcefulness, and stress resilience. Correlation, factor, and regression analyses identified a complex of interrelated predictors of general resourcefulness, explaining 75.39 % of the variance. The greatest contribution to the dependent variable's explained variance comes from the following predictors in descending order of standardized beta-coefficient β: goal-setting (β = 0.587); life productivity (β = 0.365); life process (β = 0.362); work engagement (β = 0.237); stress resilience (β = 0.179). Results show that stress resilience significantly correlates with self-control, life locus of control, and behavioral flexibility. Creativity is an important indirect resource, associated with meaningfulness of life through mechanisms of self-expression and goal-setting. Factor analysis identified the leading factor, "Professional Engagement and Meaning in Life", which explains the largest share of variance. The theoretical significance lies in supporting a dynamic model of resilience as a capacity for self-organization, rather than a static trait. Practically, the findings pinpoint intervention targets — goal setting, sense of purpose, and engagement — for resilience-building programs. Art coaching is recommended to address critical decision points, foster self-awareness and creativity, and promote systemic personal adaptation in uncertain professional contexts.

Keywords: stress resilience, resources, processuality, resource-process approach, subject-personal resources, life-purpose orientations, art-coaching.

[a] Author for correspondence.

Введение

Современный мир характеризуется неопределенностью, неустойчивостью и стремительной изменчивостью. В условиях кардинальных изменений, в том числе цифровой трансформации социальной трудовой жизни, ряд ученых предлагают рассматривать личность как отрытую систему (Анцыферова, 2006; Бергсон, 2019; Олпорт, 2002; Харламенкова, 2023). Личность проявляется «как живая подвижная системная целостность, которая развертывает, изменяет, преобразует и развивает себя в социально значимой совокупности деятельности, реализуя многообразные общественные отношения» (Харламенкова, 2023, с. 471). Прогрессивным является взгляд на стрессоустойчивость личности на основе категории процессуальности, которая существует в условиях постоянного взаимообмена информацией субъекта с внешней средой.

Категория процессуальности в современной психологии разрабатывается в контексте проблемы «изменяющегося человека в изменяющемся мире». В отличие от классического процессного подхода, который фокусируется на анализе отдельных психических процессов и функций, современное понимание процессуальности ориентировано на изучение механизмов эволюционной самоорганизации личности. Речь идет о переходах к новому «типу порядка» — качественным преобразованиям усложняющейся системы личности, которая наполняется опытом, стремится к изменениям и обладает способностью к ним (Kostromina, Grishina, 2018; Костромина, Гришина, 2023).

Таким образом, категория процессуальности раскрывается сегодня как изучение способности личности к эволюционной самоорганизации — к использованию опыта и ресурсов для порождения новых, более сложных и адекватных форм собственного существования в условиях непрерывных изменений. Это переход от психологии бытия к психологии становления.

Субъектно-процессуальный подход к изучению психических состояний предполагает детальное исследование психологических механизмов, ответственных за актуализацию различных состояний, их трансформацию и процессуальные характеристики в динамике личности (Сергиенко, 2023). Важнейшим аспектом динамической системы выступает самоорганизация, которая трактуется как процесс достижения новых состояний через внутренние функции субъекта, включая активность и деятельность (Журавлев, Сергиенко, 2016). Н. В. Гришина и С. Н. Костромина констатируют, что термин «динамика» выступает в качестве характеристики перемещения, а понятию «процессуальность» присуще уникальное свойство непрерывной изменчивости системы во времени, проявляющееся в ее способности к постоянным самопревращениям. С точки зрения данной теоретической модели устойчивость интерпретируется как «динамическая тенденция диалектического взаимодействия стабильности и изменчивости, ориентированная на сохранение целостности индивидуальности за счет поддержания оптимальных структур в текущий момент времени и генерации новых, что создает условия для адаптации, эффективной деятельности и продуктивного существования индивида» (Костромина, Гришина, 2023, с. 39).

В современной психологии личности и здоровья способность преодолевать стресс (копинг) рассматривается как процесс, опосредованный наличием и до-

ступностью внутренних (психологических) и внешних (социальных, материальных) ресурсов человека. Мобилизация этих возможностей способствует выполнению задач и применению стратегий поведения, направленных на предотвращение или уменьшение стресса (Дикая, Наличаева, 2011; Моросанова, 2002; Толочек, 2024; Цюхай, 2021; Chiu, Kwan, 2010). Ранее мы отмечали, что «по своему содержанию понятие "ресурс" является полидисциплинарным, поэтому полная характеристика "ресурса" возможна только как синтез ракурсов разных научных областей гуманитарного знания» (Водопьянова, 2015, с. 47).

Современная психология рассматривает психологические ресурсы в двух ключевых аспектах. Макроуровень связывает их с реализацией жизненных стратегий и раскрытием личностного потенциала. На микроуровне ресурсы трактуются как оперативные возможности, обеспечивающие успешную саморегуляцию, эффективные поведенческие модели и совладание со сложными ситуациями. Таким образом, ресурсная концепция определяет стрессоустойчивость как функцию от способности личности активировать и задействовать резервы, относящиеся к разным ступеням психической регуляции (Дикая, Наличаева, 2011; Ларионова, 2017; Моросанова, 2002; Толочек, 2024).

Согласно теории сохранения ресурсов, предложенной С. Хобфоллом (S. Hobfoll), индивиды стремятся к сохранению, защите, восстановлению и резервированию своих личных ресурсов. Психологическая угроза и стрессовые реакции в значительной степени обусловлены восприятием утраты ресурсов или трудностями, связанными с их восстановлением. В связи с этим ключевыми аспектами являются изучение закономерностей утраты и восстановления ресурсов, а также теоретические и эмпирические исследования ресурсного обеспечения личности на различных этапах жизненного цикла и в различных сферах деятельности, включая анализ закономерностей ресурсного обеспечения работников (Hobfoll, 2011; Hobfoll et al., 2018).

Опираясь на субъектно-ресурсный подход, согласно которому «субъект и ресурсы — это единая система проявления активности человека в процессе реализации различных видов деятельности, в том числе и предметной (трудовой); ресурсы — это субъектные качества, обеспечивающие достижение цели деятельности и психологического благополучия человека (удовлетворенности трудом, самореализации, сохранности профессионального здоровья); актуализированные ресурсы меняют качество жизни человека в мире объектном (материальном) и мире субъектном (субъективной картине мира, мире переживаний, ценностей, жизненной позиции), в социальном, духовном, культурном пространствах; основными функциями субъектных ресурсов является реализация целей, потенциальных возможностей, притязаний личности в соответствии с объективными условиями и требованиями деятельности и среды» (Водопьянова, 2015, с. 49), имеет смысл включить в рассмотрение аспект процессуальности, который обеспечивает понимание многоуровневой природы устойчивости и целостности личности (Костромина, Гришина, 2023).

Логика развития современного научного знания определяет необходимость смены научной парадигмы: от статичного описания структур и процессов следует перейти к изучению динамики, трансформаций и самоорганизации личности в нестабильном мире. Это предполагает, во-первых, рассмотрение личности как открытой самоорганизующейся системы, которая не просто реагирует на изменения среды, а активно перестраивает свою внутреннюю организацию, используя опыт

и ресурсы для перехода на новый уровень сложности и адаптивности (это процесс постоянного становления, а не достижения конечного состояния). Во-вторых, фокус внимания должен сосредотачиваться на механизмах перехода. Ключевым вопросом должен стать вопрос: как происходит качественное преобразование? Должны исследоваться не просто этапы, а триггеры, кризисы, точки бифуркации и условия, при которых система личности обретает новый, более сложный порядок — будь то новая стратегия поведения, иное миропонимание или измененная идентичность. В-третьих, особое значение приобретает активная роль самого человека. Способность к изменениям — это не просто функция, а базовое свойство личности. Человек предстает не пассивным объектом воздействий, а агентом собственного развития, активно использующим свой опыт и стремящимся к усложнению и росту даже в условиях неопределенности. Это, безусловно, порождает методологический вызов, поскольку такой подход требует новых методов исследования — лонгитюдных, диахронических, арт-коучинговых, арт-терапевтических и т. п., дающих возможность уловить нелинейность, скачки и индивидуальные траектории изменений, а не усредненные этапы развития.

Предлагаемая концептуальная модель формирования и актуализации личностных ресурсов стрессоустойчивости основывается на интеграции системных позиций субъектно-ресурсного и процессуального подходов. В ее основу положено представление о личности менеджера как о сложной самоорганизующейся системе. Согласно этому взгляду, «случайные флуктуации в момент возникновения неустойчивых состояний формируют аттракторы, которые ведут систему личности к новому состоянию и изменяют потенцию возникновения других ее состояний» (Костромина, Гришина, 2023, с. 518). Этот нелинейный процесс может лежать в основе формирования «ресурсов субъектов труда как факторов ситуационной и стратегической адаптации, самореализации, профессиональной продуктивности» (Водопьянова, 2015, с. 53).

В рамках нашей модели субъектно-личностные особенности (такие как целеполагание, смысложизненные ориентации, вовлеченность) выступают ключевыми детерминантами (триггерами), которые в условиях профессионального стресса инициируют процессы актуализации имеющихся и формирования новых психологических ресурсов. Операционально эти ресурсы могут быть раскрыты:

1) через когнитивно-регуляторный уровень (ресурсы целеполагания, самоконтроля, гибкость мышления);

2) мотивационно-смысловой уровень (ресурсы осмысленности деятельности и вовлеченности);

3) эмоционально-волевой уровень (ресурс стрессоустойчивости как способность к саморегуляции).

Взаимодействие этих уровней и обеспечивает целостность и эффективность функционирования личности в стрессовой ситуации.

Таким образом, разрабатываемая ресурсно-процессуальная модель стрессоустойчивости менеджеров представляет собой теоретическую схему, которая, с одной стороны, интегрирует представление о ресурсах как факторах профессиональной адаптации и продуктивности (Водопьянова, 2015), а с другой — конкретизирует динамические механизмы (инициируемые личностными детерминантами и реализуемые через многоуровневые ресурсы), которые обеспечивают переход

личности к новому, более адаптивному состоянию в условиях стресса (Костромина, Гришина, 2023). Эмпирической задачей исследования является проверка данной модели и оценка вклада конкретных субъектно-личностных предикторов в общий ресурсный потенциал.

Методика и организация исследования

Цель исследования — выявить субъектно-личностные предикторы общей ресурсности, которая рассматривается как ключевой фактор, опосредующий успешное противостояние профессиональному стрессу у менеджеров.

Гипотезы исследования:

1. Уровень общей ресурсности менеджеров значимо связан с комплексом их субъектно-личностных характеристик, относящихся к сферам мотивации и смысла (вовлеченность, смысложизненные ориентации), саморегуляции (самоконтроль) и личностной зрелости (адаптивность, креативность, самоуважение).
2. Наибольший вклад в прогнозирование общей ресурсности вносят характеристики, связанные с целеполаганием, осмысленностью деятельности и вовлеченностью в работу.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 142 человека: менеджеры высшего ($n = 47$) и среднего звена ($n = 95$), занятые в финансово-экономической и IT-сферах (РФ). Возраст респондентов — от 20 до 60 лет (M = 42 года, SD = 8,7). Для контроля возможного влияния возраста и стажа на показатели устойчивости к профессиональному стрессу в анализ были включены в качестве контрольных переменных: общий стаж работы и стаж работы в должности менеджера. Состав выборки по полу: 60 мужчин (42,3 %) и 82 женщины (57,7 %).

Обоснование выбора диагностического инструментария. Диагностический комплекс был сформирован для измерения трех ключевых блоков переменных, соответствующих компонентам ресурсно-процессуальной модели:

1. Критериальная (зависимая) переменная: Общая ресурсность.
   ✓ Методика: Опросник потерь и приобретений персональных ресурсов (ОППР, Н. Е. Водопьянова с соавт., 2023). Обоснование выбора: методика ОППР является интегральным измерителем текущего состояния личностных ресурсов, что напрямую соответствует конструкту общей ресурсности как центральному элементу модели. Показатели потери и приобретения ресурсов отражают динамический аспект ресурсного потенциала в условиях стресса.
2. Блок субъектно-личностных предикторов (независимые переменные):
   • Мотивационно-смысловой блок (ресурсы вовлеченности и осмысленности):
   ✓ Утрехтская шкала увлеченности работой (UWES, В. Шауфели (W. Schaufeli)). Обоснование: вовлеченность (энергичность, энтузиазм, поглощенность) является ключевым мотивационным ресурсом, обеспечивающим устойчивость к выгоранию и стрессу в профессиональной деятельности.
   ✓ Тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО, Д. А. Леонтьев). Обоснование: показатели (цели, процесс, результативность жизни, локус кон-

троля) отражают систему смысловых регуляторов, которая, согласно исследованиям, является фундаментальным ресурсом совладания со стрессом и основой личностной зрелости.

• Регуляторно-поведенческий блок (ресурсы саморегуляции и адаптивности):

✓ Вопросник самоконтроля (Г. С. Никифоров и др.). Обоснование: способность к самоконтролю в эмоциональной, деятельностной и социальной сферах является операциональным механизмом управления поведением и состояниями в стрессогенных ситуациях.

✓ Методика личностной зрелости (POI, Э. Шостром (E. Shostrom)). Использованы ключевые шкалы: «Гибкость поведения» (Ex), «Спонтанность» (S), «Самоуважение» (Sr). Обоснование: данные шкалы измеряют аспекты адаптивности, аутентичности и самоотношения, которые, согласно теории, характеризуют зрелую, устойчивую личность, способную к продуктивной трансформации в условиях кризиса.

• Интегральный показатель стрессоустойчивости:

✓ «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» (И. А. Усатов). Обоснование: данный показатель был включен в блок предикторов для проверки его взаимосвязи с другими ресурсными характеристиками и оценки его уникального вклада в общую ресурсность.

Процедура исследования. Исследование проводилось методом поперечного среза (cross-sectional). Участникам в онлайн-формате был предложен единый диагностический комплекс. Обработка данных проводилась с использованием методов математической статистики в программе IBM SPSS Statistics 26: корреляционный анализ (Спирмена), множественный линейный регрессионный анализ и факторный анализ (метод главных компонент с варимакс-вращением) для выявления структуры взаимосвязей между переменными.

Результаты и их обсуждение

Предварительный анализ данных и различия в выборке. Анализировались 32 показателя, отражающих субъектно-личностные характеристики менеджеров ($n = 142$). Для проверки нормальности распределения использовался критерий Шапиро — Уилка. Большинство исследованных переменных имеют распределение, отклоняющееся от нормального закона распределения ($p < 0{,}05$), что обусловило выбор непараметрических методов для дальнейшего анализа (критерий Манна — Уитни, корреляция по коэффициенту Спирмена).

Сопоставление выраженности характеристик между менеджерами высшего ($n = 47$) и среднего ($n = 95$) звена с использованием U-критерия Манна — Уитни выявило значимые различия ($p < 0{,}05$). Менеджеры высшего звена демонстрируют статистически более высокие показатели по следующим шкалам:

• энергичность ($U = 1580$, $p = 0{,}008$) и энтузиазм ($U = 1621$, $p = 0{,}012$) в профессиональной деятельности (UWES);

• результативность жизни ($U = 1695$, $p = 0{,}028$) и локус контроля — Я ($U = 1650$, $p = 0{,}019$) (СЖО);

• Общий индекс ресурсности ($U = 1710$, $p = 0{,}032$) (ОППР).

Возраст респондентов (от 20 до 60 лет, M = 42, SD = 8,7) и общий стаж работы были включены в анализ как контрольные переменные. Корреляционный анализ Спирмена показал значимые, слабые, положительные взаимосвязи стажа респондентов с уровнем самоконтроля в деятельности ($r_s = 0{,}21$, $p < 0{,}05$) и локусом контроля — жизнь ($r_s = 0{,}19$, $p < 0{,}05$).

Взаимосвязи между ключевыми переменными. Обнаружен комплекс значимых ($p < 0{,}01$) положительных корреляций между показателями ресурсности, смысложизненных ориентаций, вовлеченности и саморегуляции.

Стрессоустойчивость (по методике И. А. Усатова) обнаружила умеренные положительные связи с ключевыми переменными, что подтверждает ее статус как отдельного, но взаимосвязанного компонента ресурсной системы. Наиболее сильные корреляции выявлены:

- с локусом контроля — жизнь ($r_s = 0{,}358$, $p < 0{,}01$): восприятие жизни как управляемой и осмысленной;
- самоконтролем в деятельности ($r_s = 0{,}348$, $p < 0{,}01$): способность к волевой регуляции;
- гибкостью поведения ($r_s = 0{,}342$, $p < 0{,}01$): адаптивность в меняющихся условиях;
- индекс ресурсности ($r_s = 0{,}340$, $p < 0{,}01$): интегральный показатель ресурсного потенциала.

Это позволяет рассматривать данные характеристики как важные сопутствующие ресурсы (предикторы) стрессоустойчивости, формирующие общий адаптационный профиль менеджера.

Креативность показала значимую связь как с индексом ресурсности ($r_s = 0{,}360$, $p < 0{,}01$), так и с общим показателем осмысленности жизни ($r_s = 0{,}308$, $p < 0{,}01$). В контексте исследования эта взаимосвязь важна как иллюстрация одного из возможных косвенных механизмов влияния личностного потенциала на ресурсность: через генерацию новых смыслов и целей (механизм целеполагания) и глубокое самопознание (механизм самовыражения).

Факторная структура субъектно-личностных характеристик. Для выявления латентной структуры взаимосвязей между 32 переменными был проведен факторный анализ по методу главных компонент. Адекватность данных подтверждается высоким показателем KMO = 0,872 и значимостью теста сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 42107$, $p < 0{,}001$). Вращение варимакс позволило выделить пять факторов с собственным значением > 1, которые в совокупности объясняют 68,3 % общей дисперсии.

Фактор 1: «Профессиональная вовлеченность и смысл» (объясняет 24,7 % дисперсии). Включает высокие нагрузки (> 0,80) по шкалам энергичности, энтузиазма, поглощенности работой (UWES) и осмысленности жизни (СЖО). Это указывает на тесную связь между мотивационной заряженностью профессиональной деятельностью и общим смысловым фоном личности.

Фактор 2: «Адаптивная саморегуляция и зрелость» (15,1 % дисперсии,). Объединяет шкалы гибкости поведения, самоконтроля, самоуважения и локус контроля — Я, отражая блок регуляторно-личностных компетенций.

Фактор 3: «Стрессоустойчивость и поведенческий контроль» (11,4 % дисперсии). Включает показатель стрессоустойчивости и шкалы социального самокон-

троля, подтверждая операциональную связь устойчивости со способностью управлять поведением в социальном контексте.

Факторы 4 и 5 («Личностная синергия» и «Ресурсный баланс») вносят меньший вклад в структуру, включая шкалы синергии, креативности, а также показатели баланса ресурсов (ОППР).

Регрессионная модель предикторов общей ресурсности. Для проверки гипотезы о ведущих предикторах был проведен множественный регрессионный анализ (метод Enter). В качестве зависимой переменной (Y) выступил интегральный индекс ресурсности (ОППР). В модель вошли семь предикторов (X), отобранных на основе теоретической значимости и силы корреляций.

Модель является статистически значимой: $F(7, 134) = 58{,}37$, $p < 0{,}001$. Она объясняет 75,39 % дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0{,}7539$, скорректированный $R^2 = 0{,}7401$). Стандартная ошибка оценки (SEE) составляет 0,214. Результаты представлены в таблице.

Таблица. **Результаты множественного регрессионного анализа (зависимая переменная — индекс ресурсности)**

Предиктор (X)	β (стандарт.)	B (нестандарт.)	Стандартная ошибка B	*t*	*p*
Константа	–	0,076	0,010	7,592	< 0,001
1. Целеполагание	0,587	0,531	0,093	5,710	< 0,001
2. Результативность жизни	0,365	0,312	0,064	4,882	< 0,001
3. Процесс жизни	0,362	0,298	0,062	4,765	< 0,001
4. Вовлеченность (интегр.)	0,237	0,205	0,053	3,840	< 0,001
5. Стрессоустойчивость	0,179	0,154	0,054	2,831	0,005
6. Энтузиазм	0,134	0,116	0,052	2,228	0,028
7. Энергичность	0,101	0,087	0,059	1,472	0,144

Примечание: β — стандартизованный коэффициент; B — нестандартизованный коэффициент.

Анализ модели: ведущим предиктором общей ресурсности является целеполагание ($\beta = 0{,}587$), что подтверждает центральную роль смысловой регуляции. Существенный вклад также вносят показатели осмысленности жизни (процесс и результат) и вовлеченности в работу. Стрессоустойчивость вносит значимый, но меньший самостоятельный вклад, что согласуется с ее ролью как одного из компонентов ресурсной системы, тесно связанного с выявленными личностными детерминантами. Переменные «Энтузиазм» и «Энергичность», будучи частью фактора вовлеченности, в регрессионной модели уступают по прогностической силе интегральному показателю вовлеченности.

Обсуждение результатов. Полученные результаты подтверждают выдвинутые гипотезы и эмпирически обосновывают ресурсно-процессуальную модель стрессоустойчивости менеджеров. Модель интегрирует представление о личностных детерминантах (предикторах), среди которых ключевую роль играют целеполагание и осмысленность, и многоуровневой системе ресурсов (от мотивационно-смысловых до регуляторно-поведенческих), обеспечивающих адаптацию.

Теоретическая значимость заключается в конкретизации механизмов, через которые субъектно-личностные характеристики (триггеры) запускают процессы актуализации ресурсов. Практическая значимость определяется четким выделением мишеней для психологического вмешательства: программы развития стрессоустойчивости для менеджеров должны быть сфокусированы в первую очередь на развитии навыков целеполагания, углублении смысловой составляющей профессиональной деятельности и повышении уровня вовлеченности, что создает фундамент для всей ресурсной системы.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые субъектно-личностные предикторы актуализации ресурсов стрессоустойчивости у менеджеров в условиях современной нестабильной профессиональной среды. Полученные результаты эмпирически подтверждают положения субъектно-ресурсного и процессуального подходов, демонстрируя, что стрессоустойчивость является не статичным свойством, а динамическим, процессуальным состоянием, обеспечиваемым постоянным взаимодействием и мобилизацией личностных ресурсов.

Ресурсная основа стрессоустойчивости формируется такими характеристиками, как целеполагание, осмысленность жизни (включая ее процесс, результат и локус контроля), самоконтроль (особенно в деятельности), гибкость поведения и вовлеченность в работу. Регрессионный анализ показал, что именно эти переменные являются значимыми предикторами общего уровня ресурсности ($R^2 = 75{,}39\,\%$).

Креативность выступает важным косвенным ресурсом, тесно связанным с осмысленностью жизни через механизмы глубокого самопознания (самовыражение) и постановки значимых целей. Это позволяет рассматривать ее как катализатор процесса поиска и обретения смысла, что, в свою очередь, повышает устойчивость личности к стрессу.

Факторный анализ позволил выявить латентную структуру взаимосвязей между субъектно-личностными характеристиками менеджеров. Наибольший вклад в объяснение общей дисперсии данных вносит первый фактор — «Профессиональная вовлеченность и смысл жизни». Это свидетельствует о том, что в данной выборке показатели внутренней мотивации (энергичность, энтузиазм, поглощенность работой) и экзистенциальной определенности (осмысленность жизни) тесно взаимосвязаны и образуют единый основополагающий комплекс характеристик, лежащих в основе выявленной структуры ресурсного потенциала.

С учетом полученных результатов программа развития стрессоустойчивости должна быть не набором разрозненных тренингов, а целостной системой, направленной на одновременное воздействие на социальные и психологические аспекты, что приведет к синергетическому эффекту и положительной динамике. Регрессионный анализ показал, что ресурсность зависит от комплекса взаимосвязанных переменных (цели, процесс, результат, вовлеченность). Воздействие только на один компонент (например, только на навыки тайм-менеджмента) будет малоэффективным, так как не затронет системные связи. Необходима программа, которая параллельно развивает целеполагание и осмысленность; повышает вовлеченность и энергетический тонус; укрепляет самоконтроль и гибкость; активизирует лич-

ностные ресурсы через творчество. Это возможно через внедрение блоков арткоучинга для проработки стрессовых ситуаций и поиска новых смыслов.

Такой комплексный подход создаст условия для эмерджентности — возникновения нового, более высокого уровня системной организации личности, характеризующегося повышенной адаптивностью и устойчивостью.

С позиций процессуального подхода полученные результаты можно рассмотреть не как перечень статических черт, а как описание динамического ландшафта системы «личность менеджера». При этом ресурсы выступают как аттракторы: выявленные ресурсы (цели, смыслы, самоконтроль) можно рассматривать как состояния, к которым система стремится и которые придают ей устойчивость в условиях хаоса и стресса. Задача психологического вмешательства — усилить эти зоны стабильности. Стресс рассматривается как фактор изменения: стрессогенная ситуация является тем самым моментом неустойчивости, который может привести как к дезинтеграции, так и к переходу на новый, более сложный уровень функционирования. Это не угроза, а возможность для системы перестроиться.

Ресурсно-процессуальная модель предполагает, что устойчивость — это не отсутствие изменений, а способность к продуктивной трансформации. Следовательно, программа развития должна быть нацелена не на «защиту от стресса», а на формирование способности управлять процессом изменений: принимать неопределенность, использовать креативность для генерации новых путей, мобилизовывать и перераспределять внутренние ресурсы для совершения осмысленного скачка к новому состоянию.

Таким образом, разрабатываемая модель позволяет перейти от диагностики отдельных ресурсов к управлению процессом ресурсообразования в ходе преодоления профессиональных вызовов, что открывает новые перспективы для повышения не только стрессоустойчивости, но и профессионального и личностного роста менеджеров в целом.

Литература

Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.

Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Академический проект, 2019.

Водопьянова Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 45–54.

Дикая Л. Г., Наличаева С. А. Самоактуализация как ведущая детерминанта субъектной саморегуляции эмоционального выгорания педагога // Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А. (ред.). Стресс, выгорание, совладание в современном контексте: тр. Ин-та психологии РАН. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. С. 422–442.

Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А. (*ред.*). Принцип развития в современной психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.

Костромина С. Н., Гришина Н. В. Процессуальный подход в психологии личности // Научные подходы в современной отечественной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. С. 504–524.

Ларионова Л. И. Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6, № 6а. С. 50–58.

Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 6. С. 5–17.

Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход в психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. С. 241–272.

Олпорт Г. У. Становление личности: избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева; [пер. с англ. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева]. М.: Смысл, 2002.

Толочек В. А. Динамика актуализации интрасубъектных ресурсов и успешность субъекта / // Психологический журнал. 2024. Т. 45, № 6. С. 63–72.

Харламенкова Н. Е. Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы // Научные подходы в современной отечественной психологии / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. С. 461–477.

Цюхай Е. И. Особенности переживания эмоционального выгорания в нарративах педагогов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 2. С. 87–96.

Chiu C. Yu., Kwan L. Y. Y. Culture and creativity: A process model // Management and Organization Review. 2010. Vol. 6, no. 3. P. 447–461.

Hobfoll S. E. Conservation of resource caravans and engaged settings // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2011. No. 84. P. 116–122.

Hobfoll S. E., Halbesleben J., Neveu J.-P., Westman M. Conservation of resources in the organizational context: The reality of resources and their consequences // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2018. No. 5. P. 103–128.

Kostromina S. N., Grishina N. V. The future of personality theory: A processual approach // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2018. March. P. 1–11.

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2025 г.;
рекомендована к печати 28 февраля 2026 г.

Контактная информация:

Брутане Винета — аспирант; https://orcid.org/0009-0001-0490-570X, vbrutane@gmail.com
Водопьянова Наталия Евгеньевна — д-р психол. наук, проф.;
https://orcid.org/0000-0001-9751-913X , vodop@mail.ru
Круглова Марина Анатольевна — канд. психол. наук, доц.;
https://orcid.org/0000-0001-7959-7097, m.kruglova@spbu.ru

References

Allport, G. V. (2002). *Becoming: Basic considerations for a psychology of personality*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)

Antsyferova, L. I. (2006). *Personality development and problems of gerontopsychology*, 2nd ed. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)

Bergson, A. (2019). *Creative evolution*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)

Chiu, C. Yu., Kwan, L. Y. Y. (2010). Culture and creativity: A process model. *Management and Organization Review,* 6 (3), 447–461. https://doi.org/10.1111/j.1740-8784.2010.00194.x

Dikaia, L. G., Nalichaewa, S. A. (2011). Self-actualization as a leading determinant of the subject self-regulation of teacher's emotional burnout. In: A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko (eds). *Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste: trudy Instituta psikhologii RAN* (pp. 422–442). Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)

Hobfoll, S. E. (2011). Conservation of resource caravans and engaged settings. *Journal of Occupational and Organizational Psychology,* 84 (1), 116–122. https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.2010.02016.x

Hobfoll, S. E., Halbesleben, J., Neveu, J.-P., Westman, M. (2018). Conservation of resources in the organizational context: The reality of resources and their consequences. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior,* 5, 103–128. https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032117-104640

Kharlamenkova, N. E. (2023). L. I. Antsyferova's dynamic approach to the psychological study of personality: New facets of the problem. In: A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko, G. A. Vilenskaia (eds). *Nauchnye*

podkhody v sovremennoi otechestvennoi psikhologii (pp. 461–477). Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)
Kostromina, S. N., Grishina, N. V. (2018). The future of personality theory: A processual approach. *Integrative Psychological and Behavioral Science,* 52 (2), 1–11. https://doi.org/10.1007/s12124-018-9422-1 (In Russian)
Kostromina, S. N., Grishina, N. V. (2023). A process approach in personality psychology. In: A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko, G. A. Vilenskaia (eds). *Nauchnye podkhody v sovremennoi otechestvennoi psikhologii* (pp. 504–524). Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)
Larionova, L. I. (2017). The problem of the resource approach in psychological and pedagogical literature. *Psikhologiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia*, 6 (6A), 50–58. (In Russian)
Morosanova, V. I. (2002). Personal aspects of self-regulation of human voluntary activity. *Psikhologicheskii zhurnal,* 23 (6), 5–17. (In Russian)
Sergienko, E. A. (2023). The system-subject approach in psychology. In: A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko, G. A. Vilenskaia (eds). *Nauchnye podkhody v sovremennoi otechestvennoi psikhologii* (pp. 241–272). Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)
Tolochek, V. A. (2024). Dynamics of actualization of intrasubjective resources and the subject's success. *Psikhologicheskii zhurnal,* 45 (6), 63–72. (In Russian)
Tsukhai, E. I. (2021). Features of experiencing emotional burnout in teachers' narratives. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiia. Psikhologiia,* 2, 87–96. (In Russian)
Vodopianova, N. E. (2015). Modern concepts of the subject's resources in professional activity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 1, 45–54. (In Russian)
Zhuravlev A. L., Sergienko E. A. (eds) (2016). *The principle of development in modern psychology.* Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)

Received: September 21, 2025
Accepted: February 28, 2026

Authors' information:

Vineta Brutane — Postgraduate Student; https://orcid.org/0009-0001-0490-570X, vbrutane@gmail.com
Natalia E. Vodopyanova — Dr. Sci. in Psychology, Professor; https://orcid.org/0000-0001-9751-913X, vodop@mail.ru
Marina A. Kruglova — PhD in Psychology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0001-7959-7097, m.kruglova@spbu.ru

УДК 159.9.07 Вестник СПбГУ. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3

От прошлого к настоящему: как прошлый опыт направляет интерпретацию и поведение личности в новых жизненных ситуациях

Я. С. Платонова[a], *Е. В. Зиновьева*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Платонова Я. С., Зиновьева Е. В.* От прошлого к настоящему: как прошлый опыт направляет интерпретацию и поведение личности в новых жизненных ситуациях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 455–469. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.305

В научной литературе признано фундаментальное значение прошлого опыта для развития личности и ее функционирования. Однако остается недостаточно изученным вопрос о том, как именно человек определяет степень сходства новой ситуации с уже имеющимся у него опытом, а также какие именно фрагменты этого опыта он извлекает для интерпретации текущих событий. Целью данного исследования выступило то, каким образом фрагменты прошлого опыта влияют на интерпретацию человеком новых жизненных ситуаций и на его поведенческую активность в них. Для решения поставленных задач был проведен качественный анализ нарративных эссе с применением контент-анализа. Кроме того, в работе использовались методы структурного моделирования уравнений (SEM) и регрессионный анализ. Выборку составили 139 взрослых (82 женщины, 57 мужчин), которые были разделены на две подгруппы: 70 человек описывали опыт смены места жительства и проживания в общежитии, а 69 человек — опыт рождения первого ребенка. Ключевым методом сбора данных выступило нарративное эссе. Дополнительно применялись Пятифакторный личностный опросник (5PFQ) (Р. МакКрэ и П. Коста в адаптации А. Б. Хромова, 2010), а также опросник «Стремление к когнитивной закрытости» («The Need for Closure Scale») (А. Круглянски в адаптации М. И. Ясина, 2023). Обработка данных включала как качественные, так и количественные методы. Для изучения эссе респондентов применялись тематический анализ и контент-анализ. Математические методы включали описательную статистику, регрессионный анализ и частотный анализ. Было установлено, что вне зависимости от типа новой ситуации актуализированный прошлый опыт обусловливает ведущий фокус ее интерпретации (ориентация на себя, на других или на параметры самой ситуации) и определяет доминирующую направленность поведенческой активности.

Ключевые слова: прошлый опыт, интерпретация, поведенческая активность, новая жизненная ситуация, ситуация смены места жительства, ситуация рождения первого ребенка.

[a] Автор для корреспонденции.

© Я. С. Платонова, Е. В. Зиновьева, 2026

From the past to the present: How past experiences guide an individual's interpretation and behavior in new life situations

Ya. S. Platonova[a], *E. V. Zinovyeva*

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Platonova Ya. S., Zinovyeva E. V. From the past to the present: How past experiences guide an individual's interpretation and behavior in new life situations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 455–469. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.305 (In Russian)

The scientific literature recognizes the fundamental importance of previous experience for personality development and functioning. However, how exactly a person determines the degree of similarity between a new situation and their existing experience, as well as which fragments of this experience they draw upon to interpret current events, remains understudied. The aim of this study was to examine how fragments of previous experience influence a person's interpretation of new life situations and their behavioral activity in them. To address these objectives, a qualitative analysis of narrative essays was conducted using content analysis. In addition, structural equation modeling (SEM) and regression analysis were used. The sample consisted of 139 adult (82 women, 57 men), who were divided into two subgroups: 70 people described the experience of changing residence and living in a dormitory, and 69 people — experience of having their first child. The narrative essay served as the key data collection method. Additionally, the Five-Factor Personality Questionnaire (5PFQ) (R. McCrae and P. Costa, adapted by A. B. Khromov, 2010) and the Need for Closure Scale (A. Kruglyansky, adapted by M. I. Yasin, 2023) were used. Data processing included both qualitative and quantitative methods. Thematic and content analysis were used to examine respondents' essays. Mathematical methods included descriptive statistics, regression analysis, and frequency analysis. It was found that, regardless of the type of a new situation, updated previous experience determines the leading focus of its interpretation (toward oneself, others, or the parameters of the situation) and determines the dominant direction of behavioral activity.

Keywords: previous experience, interpretation, behavioral activity, new life situation, situation of moving to a new place, situation of having a first child.

Введение

Значение прошлого опыта для развития и изменения личности, а также поддержания ее собственной согласованности признается фундаментальным в большинстве психологических и психотерапевтических концепций. Переживание, интерпретация и осмысление новых ситуаций, поведенческие интенции человека перерабатываются преимущественно через призму уже пережитого. При этом стоит подчеркнуть, что исследования в этой области долгое время фокусировались в основном вокруг когнитивной активности вследствие освоения поведенческих навыков, оставляя без внимания ключевой вопрос: как именно человек определяет сходство новых ситуаций со своим прошлым опытом (Beaty et al., 2019; Abakoumkin, Green, 2021).

Современная психология стремится к исследованию прошлого опыта как индивидуального, приватного опыта, стремясь анализировать то, как воспринима-

[a] Author for correspondence.

ются и перерабатываются ситуации с позиции внутреннего мира самого субъекта, его внутренней ситуации и событий, наделенных для него личной значимостью (Анцыферова, 2015; Платонова и др., 2025). Такой фокус рассмотрения представляет собой переход от классической когнитивно-поведенческой парадигмы с ее внешней позицией наблюдателя по отношению к парадигме, фокусирующейся на внутренней реальности индивида. Согласно этому подходу, человек на протяжении жизни выстраивает глубоко личностную теорию мира, а весь жизненный опыт и антиципируемое будущее кристаллизуются в системы значений, убеждений и ценностей — своего рода минитеории, которые и регулируют восприятие, интерпретацию и поведение субъекта в мире (Зиновьева, Костромина, 2022; Russo-Netzer, Davidov, 2025).

Прошлый опыт, включающий образы пережитых и переживаемых событий в течение жизни (впечатлений, закрепленных реакций, представлений о мире), служит для личности основным источником знаний о мире и формирования отношения к различным ситуациям. Прошлый опыт может выступать в качестве эвристической основы для принятия решений (Taylor, 1975) в новых ситуациях, а эмоциональная окраска переживания событий прошлого во многом определяет стремление к повторению или избеганию их в будущем (Kahneman et al., 1997). Метааналитические исследования (Ouellette, Wood, 1998) подтверждают, что в стабильных условиях прошлый опыт поведения, маркированный как полезный, является надежным предиктором поведения и в будущем и может служить основой для формирования устойчивых привычек.

При столкновении человека с новой ситуацией опыт прежде всего проявляется через процесс интерпретации ситуации и присвоение ей личного смысла. Способы интерпретации ситуации личностью, ее содержание и сущность укоренены в ее опыте взаимодействия с миром и формируются под влиянием следов пережитых событий, а также зависят от личностных характеристик, социального окружения и культурной преемственности.

Адаптируясь к ситуации, человек ориентируется в первую очередь не на события как таковые, а на приписываемые им значения, основанные прежде всего на прошлом опыте. В литературе мы можем встретить описание данного процесса через концепт определения ситуации, под которым понимается результат ее восприятия и понимания человеком (Thomas, Znaniecki, 1958; Гришина, 2024). В то же время вопросы о том, как человек, попадая в новую ситуацию, определяет и объясняет ее себе, какая именно информация будет извлечена им из своего прошлого опыта для ориентировки в ней и приписывания личностных смыслов, куда он в конечном счете направит активность своего поведения, остаются не до конца ясными.

На наш взгляд, эвристичным для понимания механизмов актуализации прошлого опыта в новых жизненных ситуациях является концепция горизонта интерпретации (Гадамер, 2004; Clark, 2008), обозначающего весь спектр возможных смыслов, доступных индивиду на основе его накопленного опыта. Значения, находящиеся за пределами этого горизонта, не могут быть восприняты или усвоены. В то же время благодаря усвоению нового опыта и новой информации возможно расширение горизонта интерпретации, что ведет к перестройке системы личностных знаний и перераспределению потенциальных значений для будущих ситуаций (Платонова, Зиновьева, 2024).

Целью нашей работы стало изучение того, как фрагменты прошлого опыта направляют интерпретацию и поведенческую активность личности в новых жизненных ситуациях. Под новой жизненной ситуацией мы понимаем ситуацию изменений, возникших впервые, заключающихся в добавлении новых жизненных условий или изменении жизненного контекста, переживаемую личностью как незнакомую.

На наш взгляд, изучение проживания именно новых жизненных ситуаций позволит яснее проследить связь прошлого опыта с интерпретацией и поведением в этих ситуациях, поскольку:

1) новые ситуации, часто сопряженные с неопределенностью, ставят перед человеком задачу их оценки и интерпретации для лучшего понимания происходящего (Neethu, Sia, 2017; Бойко и др., 2018; Белинская, 2014; Сайфулина и др., 2020);

2) в новых жизненных ситуациях отсутствует готовый «шаблон» действий, и человек вынужден направлять активность своего поведения, опираясь на свой прошлый опыт, актуализируя релевантные, по его мнению, фрагменты.

В попытке эмпирически ответить на вопросы о том, как прошлый опыт направляет интерпретации и поведение в настоящем, мы обратились к качественному анализу нарративов респондентов, столкнувшихся с двумя типами новых жизненных ситуаций: переездом в общежитие и рождением первого ребенка. Две новых ситуации, различных по содержанию, были выбраны нами в попытке выявить общие закономерности актуализации прошлого опыта в связи с переработкой новой ситуации через интерпретацию и направленность поведения.

Под интерпретацией ситуации в нашей работе мы будем понимать построение человеком гипотез относительно причинно-следственных связей произошедшего на основе имеющегося опыта, ее оценку и объяснение значения этой ситуации для личности (Келли, 2000; Lazarus, Folkman, 2013). Фрагменты опыта определяются нами как единицы прошлого опыта, включающие в себя: эпизоды пережитых ранее ситуаций и событий, аффективные реакции, сформированные на их основе установки, убеждения, правила, а также усвоенные в прошлом умения, навыки и модели поведения, к которым человек обращается при столкновении с новой жизненной ситуацией.

Процедура и методы исследования

Описание выборки исследования. Всего в исследовании приняли участие 139 человек, описывающих переживание двух новых для них жизненных ситуаций:

1. Ситуация переезда и проживания в общежитии студентов, поступивших на 1-й курс обучения разных университетов (51,4 %) и колледжей (48,6 %), среди которых 44 женщины и 26 мужчин от 18 до 25 лет ($n = 70$, средний возраст — 23,5, SD = 4,67).

2. Ситуация рождения первого ребенка. Исследуемая подгруппа включает родителей, впервые переживающих событие рождения ребенка, среди которых 38 женщин и 31 мужчина в возрасте от 19 до 37 лет ($n = 69$, средний возраст — 28,3 года, SD = 3,85).

Методы исследования. Исследование проводилось в дистанционном формате и носило добровольный характер. Сбор данных проводился анонимно онлайн

(Yandex Forms). В качестве ключевого метода исследования использовалось нарративное эссе как подвид нарративного метода, направленное на глубинный качественный анализ опыта проживания человеком жизненной ситуации (Брокмейер, Харре, 2000; Тюпа, 2001). Респондентам было предложено письменно поделиться тем, как они проживали новую ситуацию, и ответить на вопрос о том, какие ситуации из прошлого им помогали.

В качестве дополнительных методов использовались:

1) Пятифакторный личностный опросник (5PFQ) (Р. МакКрэ и П. Косты в адаптации А. Б. Хромова, 2010);

2) опросник «Стремление к когнитивной закрытости» («The Need for Closure Scale») (А. Круглянски в адаптации М. И. Ясина, 2023).

Включение личностных опросников было направлено на выявление предикторов, опосредующих связь между прошлым опытом и интерпретацией новой жизненной ситуации.

Для обработки данных применялись качественные и количественные методы. Для изучения эссе респондентов применялись тематический анализ и контент-анализ. Математические методы включали описательную статистику, регрессионный анализ и частотный анализ. Для проверки модели влияния прошлого опыта на интерпретацию новой ситуации и направленность активности поведения в ней использовался метод моделирования структурными уравнениями (Structural Equation Modeling — SEM) с использованием пакета *lavaan* в среде R (v. 4.3.1).

Результаты

Обработка полученных данных проводилась в несколько этапов. В рамках первого этапа при помощи контент-анализа нами были выделены фрагменты прошлого опыта, способы интерпретации и направленность активности поведения в новой ситуации и их эмпирические маркеры. Надежность маркеров была верифицирована экспертной оценкой (восьми экспертов-психологов), показавшей высокую степень согласованности (W Кендалла = 0,89, $p < 0{,}001$).

На втором этапе выделенные маркеры были сгруппированы в содержательные категории по смысловому и функциональному сходству. В результате были построены три системы категорий для прошлого опыта, интерпретаций и поведенческих паттернов, применявшихся в качестве единой сетки анализа для обеих новых жизненных ситуаций, и проведена их количественная обработка.

На третьем этапе мы исследовали взаимосвязи между прошлым опытом, интерпретацией и поведением в новой ситуации (отдельно по каждой) и их предикторы с помощью SEM и регрессионного анализа.

Актуализация прошлого опыта в новой жизненной ситуации. Результаты контент-анализа фрагментов прошлого опыта, актуализировавшихся в ситуации переезда на новое место жительства и проживания в общежитии, представлены в табл. 1.

Как мы видим из табл. 1, в ситуации проживания в общежитии респонденты обращались чаще к опыту, связанному преимущественно с социальным взаимодействием и практическими навыками, что определяется спецификой самой ситуации проживания в общежитии, которая ставит перед личностью

Таблица 1. **Фрагменты прошлого опыта участников, актуализировавшиеся в ситуации переезда на новое место жительства и проживания в общежитии**

Категории описания прошлого опыта	Маркеры категории в тексте описания	Количество респондентов, %
Опыт совместного проживания	Указание на ситуации совместного проживания: в детском лагере, с сиблингами / в многодетной семье, в хостеле / отеле / на съемной квартире с кем-либо, во время службы в армии	70
Опыт ведения домашнего хозяйства	Бытовые навыки, закрепленные в прошлых ситуациях; родительские предписания по поводу порядка, чистоты, режима	69,1
Опыт социального взаимодействия	Внутренние правила коммуникации с другими, закрепленные в прошлых ситуациях, указание на ситуации общения и взаимодействия со сверстниками (в школе, университете), с людьми старше себя	68
Обращение к опыту других людей	Получение вербальных советов и помощи от конкретных лиц; наблюдение за опытом и поведением других людей	57,6
Опыт проявления личностных качеств	Указание на ситуации проявления личностных качеств и навыков (самостоятельность, самодисциплина, инициативность и пр.)	36,7
Опыт управления личными финансами	Указание на ситуации планирования трат и покупок, ошибок в тратах, ведения личных финансов в школе / в более раннем возрасте	35,2
Усвоенные культурные нормы и установки	Жизненные правила, принятые в культуре («относись к другим так…», «хочешь жить — умей вертеться», «не давать себя в обиду» и пр.), социальные стереотипы и ожидания (страх перед «плохой компанией» и пр.)	18,3

задачи интеграции в новое микросоциальное сообщество (совместное проживание — 70 %), перестройки существующих отношений (социальное взаимодействие — 68 %) и организации пространства в условиях коллективного быта (69,1 %), для решения которых человек актуализирует релевантные фрагменты прошлого опыта.

Результаты контент-анализа фрагментов прошлого опыта, актуализировавшихся в ситуации рождения первого ребенка, представлены в табл. 2.

В ситуации рождения первого ребенка респонденты чаще всего обращались к опыту собственных детско-родительских отношений (49,2 %), к опыту других людей, уже имеющих ребенка (43,4 %), а также к фрагментам прошлого опыта, связанным с заботой о других людях и уходом за ними (36,2 %). Предсказуемо, что в зависимости от особенностей ситуации респонденты актуализировали релевантные данной ситуации фрагменты прошлого опыта.

Способы интерпретации новой жизненной ситуации в связи с актуализировавшимся прошлым опытом. Ключевой задачей нашего исследования выступило обнаружение в текстах респондентов связи прошлого, то есть прошлого опыта, актуализировавшегося в новой ситуации, и настоящего, а именно способов интерпретации этой ситуации и направленности активности

Таблица 2. **Фрагменты прошлого опыта, актуализировавшиеся в ситуации рождения первого ребенка**

Категории описания прошлого опыта	Маркеры категории в тексте описания	Количество респондентов, %
Опыт детско-родительских отношений	Воспоминания об атмосфере, заботе, поддержке или напряженности в родительском доме; приведение примеров поведения родителей как образца для подражания; упоминание действий или качеств родителей как негативного примера	49,2
Обращение к опыту других людей	Получение вербальных советов и помощи от конкретных лиц; наблюдение за опытом и поведением других людей	43,4
Опыт заботы и ухода за другими людьми	Указание на ситуации заботы и ухода за детьми и взрослыми людьми	36,2
Опыт решения сложных жизненных задач	Описание ситуаций, требующих активного разрешения: преодоление внешних трудностей и кризисов; преодоление внутренних психологических барьеров (стыд, нерешительность)	26
Бытовые и узконаправленные навыки и умения	Указание на освоение в прошлом как общих бытовых и организационных навыков (ведение хозяйства, управление финансами), так и узкоспециализированных умений, связанных с конкретными задачами (пеленание, кормление ребенка и пр.)	26
Усвоенные социальные и культурные нормы и установки	Указание на знания и нормы, полученные из официальных или публичных источников; на установки, усвоенные из неформального общения, семейных традиций («так принято») и распространенных социальных стереотипов (например, обязательное наличие «материнского инстинкта»)	15,9

поведения. Проведенный анализ текстов позволил выделить три ведущих фокуса интерпретации переезда на новое место жительства и проживания в общежитии:

1. Интерпретация, включающая в себя построение гипотез относительно действий, реакций и поведения других людей в этой ситуации, объяснение особенностей взаимодействия с другими людьми (частота встречаемости в текстах: 91,5 %). Модели отношений, ожиданий, установок, сформированные в ситуациях прошлого социального взаимодействия (в семье, в школе, в профессиональной деятельности и др.), служили для респондентов шаблоном оценки поведения и роли других уже в настоящем.

2. Интерпретация, включающая анализ себя, своих действий, реакций, переживаний и пр. (частота встречаемости в текстах: 84,5 %). Интерпретация данной направленности сопровождалась актуализацией фрагментов опыта, связанных преимущественно с опытом приобретения специализированных знаний, навыков, умений, личностных качеств в прошлых ситуациях, наличием специфического жизненного опыта или с акцентом на отсутствие релевантного для данной ситуа-

ции опыта, что служило призмой, через которую интерпретировались собственные действия, эмоциональные реакции и мысли относительно новой ситуации.

3. Интерпретация, включающая анализ параметров ситуации (частота встречаемости в текстах: 84,5 %), соответствовала когнитивно-эмоциональной оценке новой ситуации через такие конструкты, как трудная — простая, знакомая — незнакомая, контролируемая — неконтролируемая, предсказуемая — хаотичная и пр. Прошлый опыт служил для респондентов опорой для категоризации ситуации, ее определения и называния через сопоставление схожих фрагментов нынешней ситуации и ситуаций в прошлом («ничего необычного и сложного, это практически то же самое, что жить в одной комнате с сестрой») или через их противопоставление («это был полный хаос, я всегда жил один, а тут пришлось делить пространство с кем-то»).

Аналогично ситуации проживания в общежитии, описанной ранее, в ситуации рождения первого ребенка на основе анализа текстов респондентов выделились три ведущих фокуса интерпретации новой ситуации: на саму ситуацию (частота встречаемости в текстах: 80,3 %), на себя (частота встречаемости в текстах: 74,2 %) и на других людей (частота встречаемости в текстах: 60,6 %). Рассмотрим подробнее роль прошлого опыта при интерпретации ситуации рождения первого ребенка:

1. Интерпретация, включающая анализ параметров ситуации через категории, доступные из прошлого опыта. Так, опираясь на свой прошлый опыт, респонденты оценивали сложность и степень новизны ситуации через сравнение с другими ситуациями, поиск аналогичных элементов ситуации в прошлом или через противопоставления повседневным уже знакомым ситуациям. Те же, кто отмечал отсутствие необходимого опыта, интерпретировали ситуацию как абсолютно новое и пугающее испытание.

2. Интерпретация, включающая анализ себя, своих действий, реакций, переживаний и пр. Объяснения респондентов строились на основе анализа своих личностных качеств, проявившихся в прошлых ситуациях, наличия/отсутствия необходимых для ситуации знаний, навыков или опыта.

3. Интерпретация, включающая анализ других людей, строилась на проекции моделей отношений из прошлого на текущих значимых других (супруга, партнера, родственников). Так, например, поведение и роль партнера могли оцениваться через сравнение с моделью, усвоенной в детстве, а приписывание другим определенных намерений строилось на основе пережитых в прошлом ситуаций, связанных с этими людьми.

Анализ направленности поведенческой активности респондентов в новой жизненной ситуации. На последнем этапе нами была выявлена направленность поведенческой активности респондентов в новой ситуации.

Было выявлено, что чаще всего активность респондентов в ситуации проживания в общежитии была сосредоточена на укреплении или построении отношений с другими людьми (58 %). Можно предположить, что прошлый опыт в данном случае выступает как «социальный фундамент», то есть как опора для построения новых отношений или поддержания уже существующих. В новой ситуации респонденты использовали готовые социальные шаблоны и сценарии общения, приобретенные в прошлом.

Следующим по частоте встречаемости в текстах респондентов был поведенческий паттерн, направленный на структурирование и организацию жизненного пространства в общежитии (55 %), Активность поведения респондентов была направлена на физическое обустройство комнаты; создание личного пространства; установление правил проживания; графиков уборки; организацию финансов; актуализировались узкопрактические умения, закрепленные в прошлом опыте, а также ситуации из прошлого, связанные с приобретением бытовых навыков.

Для части респондентов (40 %) опыт был опорой для личностного роста, принятия ответственности и самостоятельности, профессионального становления. Актуализировавшиеся фрагменты прошлого опыта были преимущественно связаны с ситуациями проявления самостоятельности, самостоятельного принятия решений, личностных качеств (ответственность, автономность и др.) в различных ситуациях. Активность поведения была направлена на сознательное планирование карьеры, расстановку приоритетов в пользу получения образования, принятие ответственности за свою жизнь, осознанное присвоение нового опыта, развитие личностных качеств и следование выбранным внутренним принципам.

Примечательно, что в текстах респондентов, описывающих пассивное или вынужденное приспособление к новой ситуации (21 %), практически отсутствует описание обращения к прошлому опыту, а ситуация оценивается как трудная или невыносимая, что, предположительно, подкрепляет пассивную позицию, которая чаще всего выражалась через смирение и терпение; избегание конфликтов с соседями по комнате; социальную изоляцию («друзей в общаге нет, обычно я просто сижу в своей комнате одна») и уход от проблемы вместо ее решения.

В ситуации рождения первого ребенка респонденты чаще всего избирали линию поведения, направленную на поиск опоры и поддержки у других людей (30,4 %). Они активно обращались за помощью к другим людям, имеющим подобный опыт, что могло выступить способом совладания с новой жизненной ситуацией и снижения чувства неопределенности через опору на косвенный опыт других.

При актуализации паттернов «опытного родительства» (16,4 %), «профессионального подхода» (7,3 %) и «организации быта или его перестройки» (10,1 %) прошлый опыт, к которому обращались респонденты, в большей степени был связан с практическими навыками ухода за младшими братьями/сестрами, племянниками, знаниями (профессиональными, полученными от других, из книг, интернета и пр.) и ситуациями из прошлого, связанными с заботой о других, а также ситуациями реализации важных бытовых или профессиональных навыков (например, навык организации пространства, реализованный в профессиональной деятельности, переносится на новую ситуацию рождения ребенка — организацию пространства детской комнаты). Респонденты описывали, как извлекали из памяти конкретные алгоритмы действий (как оборудовать детскую, распределить обязанности с женой и т. д.), что способствовало снижению тревоги и чувства неопределенности, так как ситуация интерпретировалась ими как не совсем новая.

При направленности поведения на воспроизводство усвоенной позитивной родительской модели (13,4 %) респонденты описывали, как «примеряют» на себя роль своих родителей через собственные воспоминания и ситуации из прошлого. Респонденты, чья активность была направлена, наоборот, на избегание негативной родительской модели (8,7 %) и на достижение стандарта «идеального родителя»

(5,7 %), описывали обращение к прошлому опыту с отрицательными сценариями детства: отсутствие отца, нехватка родительского внимания, алкоголизм одного из родителей и т. д. Респонденты в таком случае сознательно выстраивали свое поведение вопреки прошлому примеру детско-родительских отношений.

Аналогично ситуации проживания в общежитии в текстах респондентов, чья активность была направлена на избегание ситуации (8,7 %), отсутствовало описание обращения к прошлому опыту, респонденты подчеркивали отсутствие релевантного для новой ситуации прошлого опыта («Все было в первый раз, опыта в прошлом не было»). Причем содержательно нарративы данных респондентов характеризуются обозначением «нежелательности» ситуации для человека, его неготовности к ней, преимущественно негативными переживаниями (злость, разочарование, грусть и пр.).

Таким образом, на основе полученных результатов по двум ситуациям мы можем сделать предположение, что прошлый опыт проявляется в настоящем через фокус интерпретации и поведенческую активность в новой ситуации, выступая, с одной стороны, в качестве фильтра для построения гипотез и объяснительных конструктов ситуации, и с другой стороны, в качестве источника для направленности стратегий поведения в ней.

Исследование влияния прошлого опыта на интерпретацию новой ситуации и направленность поведенческой активности. Заключительным шагом нашего исследования стала проверка степени соответствия эмпирических данных предложенной гипотезе о влиянии прошлого опыта на интерпретацию новой ситуации и направленность поведенческой активности. Данное предположение проверялось при помощи моделирования структурными уравнениями (SEM).

По результатам полученной модели (CFI = 0,952, TLI = 0,948, $\chi^2/df = 1.92$, RMSEA = 0.08 (90 % ДИ: 0,054–0,109), SRMR = 0,103) было выявлено, что прошлый опыт объясняет 37,7 % дисперсии интерпретации и поведения в новой ситуации. Полученные данные свидетельствуют о том, что прошлый опыт ($\beta = 0{,}614$, $p < 0{,}001$) является значимым предиктором содержания интерпретации и направленности поведенческой активности в новой ситуации. Полученный результат может указывать на то, что прошлый опыт, актуализировавшийся в новой ситуации, может определять, как человек объясняет для себя значение происходящего (свои действия и реакции, поведение других людей в ситуации и характеристик ситуации) и куда именно направляет активность своего поведения.

Исследование предикторов интерпретации новой жизненной ситуации. Дополнительной задачей для нас выступило выявление предикторов интерпретации новой жизненной ситуации. Мы ожидали, что респонденты, более открытые новому опыту и проявляющие меньшую склонность к когнитивной закрытости, будут демонстрировать более сложную и разнонаправленную интерпретацию новой ситуации. Регрессионный анализ (статистика модели: $F = (2, 67) = 4{,}97$, $R^2 = 0{,}103$, $p = 0{,}01$) показал, что наибольший вклад в сложность интерпретации новой ситуации вносят открытость новому опыту ($\beta = 0{,}263$, $p = 0{,}009$) и стремление к предсказуемости ($\beta = -0{,}238$, $p = 0{,}04$). Это может указывать на то, что респонденты, более открытые новому опыту и менее склонные к предсказуемости и определенности, демонстрировали более сложную и многомерную интерпретацию, рассматривая ситуацию с разных сторон.

Обсуждение результатов

Полученные результаты контент-анализа эссе показали, что актуализировавшиеся в новой ситуации фрагменты прошлого опыта определяют фокус интерпретации новой ситуации, а также выступают источником поведенческой активности в текущей ситуации.

Анализ двух различных ситуаций (ситуации смены места жительства и проживания в общежитии, а также ситуации рождения первого ребенка) позволил выделить схожие связи прошлого опыта, интерпретации и направленности активности поведения человека в новой ситуации. В обеих ситуациях наиболее часто актуализировались фрагменты опыта, непосредственно релевантные ключевым задачам ситуации. При этом прошлый опыт служил призмой, через которую человек интерпретировал новую ситуацию, придавая ей определенное значение и выбирая соответствующую линию поведения. Это согласуется с данными других исследований, проведенных в рамках когнитивной теории, где было выявлено, что в основе интерпретации ситуации лежат активируемые схемы, сформированные на основе прошлого опыта (Beck, Haigh, 2014).

Полученный результат позволяет подтвердить теоретическую модель влияния прошлого опыта на интерпретацию и поведение в новой ситуации:

1) попадая в новую жизненную ситуацию, человек для лучшего ее понимания и с целью сделать ее «не новой», обращается к своему прошлому опыту, извлекая из него конкретные релевантные фрагменты или эпизоды ситуаций;

2) в зависимости от актуализировавшегося прошлого опыта человек определенным образом интерпретирует новую ситуацию и определяет для себя ее значение через «горизонт интерпретации», который, в свою очередь, обусловливает ее широту и направленность;

3) после чего актуализируются привычные для человека поведенческие паттерны, основанные на прошлом опыте, или происходит сознательный выбор определенной направленности поведения, выстроенной на основе рефлексии своего прошлого опыта.

Было выявлено, что актуализированный прошлый опыт обусловливает ведущий фокус интерпретации новой ситуации (других, себя и параметров ситуации) и определяет доминирующую направленность поведенческой активности. При этом, как показал дополнительный регрессионный анализ, сама сложность и многогранность интерпретации (способность рассматривать ситуацию с разных сторон: через призму себя, других или параметров ситуации) положительно связана с открытостью новому опыту и отрицательно со стремлением к предсказуемости. Это позволяет предположить, что личностные характеристики выступают предикторами широты горизонта интерпретации, обусловленного прошлым опытом.

Полученные результаты согласуются с исследованием Г. Кинга (G. King), в котором были представлены три основных способа осмысления ситуаций через принадлежность к другим (отношения), активные действия и понимание себя и мира (King, 2004). Автор также подчеркивает, что данные способы основаны на жизненном опыте личности, который, в свою очередь, и будет направлять активность в сторону того или иного способа осмысления ситуации.

Результат, полученный в рамках построенной модели (SEM), позволил статистически подтвердить, что прошлый опыт может выступать значимым предиктором того, как человек интерпретирует новую ситуацию и куда направляет свою активность. Примечательно, что интерпретация ситуации и направленность активности в ней в рамках построенной модели были объединены в один взаимосвязанный конструкт. На наш взгляд, это объясняется тем, что интерпретация ситуации (ее сложности, новизны, оценка своих действий и возможностей, объяснение поведения других людей и пр.), основанная на прошлом опыте, задает вектор и содержание поведенческой активности в новой ситуации. Данный тезис находит эмпирическое отражение в теоретических концепциях ситуационного подхода (Thomas, Znaniecki, 1958; Хекхаузен, 1986) о том, что поведение человека в ситуации, его реакция на нее, определяется пониманием и интерпретацией этой ситуации; и в результатах современных исследований, в которых было показано, что субъективная оценка ситуации (ее неподконтрольность, неопределенность) напрямую связана с выбором стратегий поведения в ней (Битюцкая и др., 2015).

Выводы

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы:

- в новой жизненной ситуации человек обращается к своему прошлому опыту с целью сделать ее «не новой». Было показано, что респонденты обращаются к релевантным для конкретной ситуации фрагментам прошлого;
- прошлый опыт может определять горизонт интерпретации, ограничивая и структурируя то, как человек объясняет новую ситуацию (через призму себя, других или параметров ситуации) и куда направляет активность своего поведения;
- регрессионный анализ показал, что открытость новому опыту способствует более многомерной интерпретации, в то время как стремление к предсказуемости может ограничивать сложность интерпретации ситуации.

Открытым остается вопрос о том, почему и при каких условиях конкретный фрагмент прошлого опыта предопределяет ведущий фокус интерпретации ситуации, что может дать перспективу для дальнейших исследований в данной области.

Важным ограничением данного исследования является тот факт, что, несмотря на статистически значимые структурные параметры, значения ключевых индексов соответствия модели находятся на уровне, близком к верхней границе общепринятых критериев приемлемости. Это означает, что предложенная модель, хотя и является адекватной и интерпретируемой, может не в полной мере учитывать все сложные взаимосвязи в эмпирических данных, что предполагает возможность ее улучшения в дальнейших исследованиях.

Литература

Анцыферова Л. И. Психология формирования и развития личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2015. С. 25–38.

Белинская Е. П. Человек в изменяющемся мире: социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2014.

Битюцкая Е. В., Баханова Е. А., Корнеев А. А. Моделирование процесса совладания с трудной жизненной ситуацией // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 41–55.
Бойко С. Л., Пугач В. С., Лазаревич Д. С. Переживание кризиса смысла жизни в связи с рождением первого ребенка // Душевные расстройства: от понимания к коррекции и поддержке. Ставрополь, 2018. С. 38–40.
Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 2004.
Гришина Н. В. Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром // Национальный психологический журнал. 2024. № 3 (55). С. 11–19.
Зиновьева Е. В., Костромина С. Н. Интеграция опыта: между прошлым и будущим // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, № 2. С. 186–203.
Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
Платонова Я. С., Зиновьева Е. В. Переживание ситуации «выхода за пределы привычного» в жизненном опыте взрослых людей // Петербургский психологический журнал. 2024. № 46. С. 79–103.
Платонова Я. С., Зиновьева Е. В., Костромина С. Н. Жизненный опыт и его трансформация: модель перехода от ситуации к событию // Российский психологический журнал. 2025. № 22 (3). С. 26–42. https://doi.org/10.21702/rpj.2025.3.2
Сайфулина К. Э., Козунова Г. Л., Медведев В. А., Рытикова А. М., Чернышев Б. В. Принятие решения в условиях неопределенности: стратегии исследования и использования // Современная зарубежная психология. 2020. № 9 (2). С. 93–106. https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090208
Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.
Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. М.: Педагогика, 1986.
Abakoumkin G., Green J. D. Editorial: Current issues in nostalgia research // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 713534. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.713534
Beaty R. E., Seli P., Schacter D. L. Thinking about the past and future in daily life: An experience sampling study of individual differences in mental time travel // Psychological Research. 2019. Vol. 83, no. 4. P. 805–816.
Beck A. T., Haigh E. A. P. Advances in cognitive theory and therapy: The generic cognitive model // Annual Review of Clinical Psychology. 2014. Vol. 10. P. 1–24.
Clark J. Philosophy, understanding and the consultation: A fusion of horizons // British Journal of General Practice. 2008. Vol. 58 (546). P. 58–60. https://doi.org/10.3399/bjgp08X263929
Kahneman D., Wakker P. P., Sarin R. Back to Bentham? Explorations of experienced utility // The Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112, no. 2. P. 375–406.
King G. A. The meaning of life experiences: Application of a meta-model to rehabilitation sciences and services // American Journal of Orthopsychiatry. 2004. Vol. 74, no. 1. P. 72–88.
Lazarus R. S., Folkman S. Stress: appraisal and coping // Encyclopedia of Behavioral Medicine. Cham: Springer, 2013. P. 1913–1915.
Neethu P. S., Sia S. K. Residential crowding, psychological distress and the mediating role of social support among dormitory residents // Indian Journal of Health and Wellbeing. 2017. Vol. 8, no. 5. P. 410–416.
Ouellette J. A., Wood W. Habit and intention in everyday life: The multiple processes by which past behavior predicts future behavior // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124, no. 1. P. 54.
Russo-Netzer P., Davidov J. Transformative life experience as a glimpse into potentiality // Journal of Humanistic Psychology. 2025. Vol. 65, no. 1. P. 86–113.
Taylor R. N. Age and experience as determinants of managerial information processing and decision making performance // Academy of Management Journal. 1975. Vol. 18, no. 1. P. 74–81.
Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 2. New York: Dover Publ., 1958.

Статья поступила в редакцию 30 января 2026 г.;
рекомендована к печати 20 апреля 2026 г.

Контактная информация:

Платонова Яна Степановна — аспирант, ассистент; https://orcid.org/0000-0002-4641-7667, y.platonova@spbu.ru
Зиновьева Елена Викторовна — канд. психол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0003-1052-103X, lena_zi@mail.ru

References

Abakoumkin, G., Green, J. D. (2021). Current issues in nostalgia research. *Frontiers in Psychology,* 12, 713534. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.713534

Antsyferova, L. I. (2015). Psychology of personality formation and development. In: *Psikhologiia lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* (pp. 25–38). St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)

Beaty, R. E., Seli, P., Schacter, D. L. (2019). Thinking about the past and future in daily life: An experience sampling study of individual differences in mental time travel. *Psychological Research,* 83 (4), 805–816.

Beck, A. T., Haigh, E. A. P. (2014). Advances in cognitive theory and therapy: The generic cognitive model. *Annual Review of Clinical Psychology*, 10 (1), 1–24.

Belinskaya, E. P. (2014). *The individual in a changing world: A socio-psychological perspective*. Moscow, Prometey Publ. (In Russian)

Bityutskaya, E. V., Babanova, E. A., Korneev, A. A. (2015). Modeling the process of coping with a difficult life situation. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2, 41–55. (In Russian)

Boyko, S. L., Pugach, V. S., Lazarevich, D. S. (2018). Experiencing a crisis of meaning in life in connection with the birth of the first child. In: *Dushevnye rasstroistva: ot ponimaniia k korrektsii i podderzhke* (pp. 38–40). Stavropol. (In Russian)

Brockmeier, J., Harre, R. (2000). Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm. *Voprosy filosofii*, 3, 29–42. (In Russian)

Clark, J. (2008). Philosophy, understanding and the consultation: A fusion of horizons. *British Journal of General Practice,* 58 (546), 58–60. https://doi.org/10.3399/bjgp08X263929

Gadamer, H.-G. (2004). *Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics*. Moscow, Progress Publ. (In Russian)

Grishina, N. V. (2024). Goal determinants as a factor of human integration with the surrounding world. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 3, 11–19. (In Russian)

Heckhausen, H. (1986). *Motivation and activity* (vols. 1–2). Moscow, Pedagogika Publ. (In Russian)

Kahneman, D., Wakker, P. P., Sarin, R. (1997). Back to Bentham? Explorations of experienced utility. *The Quarterly Journal of Economics,* 112 (2), 375–406.

Kelly, G. (2000). *A theory of personality: The psychology of personal constructs*. St. Petersburg, Rech' Publ. (In Russian)

King, G. A. (2004). The meaning of life experiences: Application of a meta-model to rehabilitation sciences and services. *American Journal of Orthopsychiatry*, 74 (1), 72–88.

Lazarus, R. S., Folkman, S. (2013). Stress: appraisal and coping. In: *Encyclopedia of Behavioral Medicine* (pp. 1913–1915). Cham, Springer.

Neethu, P. S., Sia, S. K. (2017). Residential crowding, psychological distress and the mediating role of social support among dormitory residents. *Indian Journal of Health and Wellbeing,* 8 (5), 410–416.

Ouellette, J. A., Wood, W. (1998). Habit and intention in everyday life: The multiple processes by which past behavior predicts future behavior. *Psychological Bulletin,* 124 (1), 54.

Platonova, Ya. S., Zinovyeva, E. V. (2024). Experiencing the situation of "going beyond the familiar" in the life experience of adults. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 46, 79–103. (In Russian)

Platonova, Ya. S., Zinovyeva, E. V., Kostromina, S. N. (2025). Life experience and its transformation: A model of transition from situation to event. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 22 (3), 26–42. https://doi.org/10.21702/rpj.2025.3.2 (In Russian)

Russo-Netzer, P., Davidov, J. (2025). Transformative life experience as a glimpse into potentiality. *Journal of Humanistic Psychology,* 65 (1), 86–113.

Saifullina, K. E., Kozunova, G. L., Medvedev, V. A., Rytikova, A. M., Chernyshev, B. V. (2020). Decision making under uncertainty: Exploration and exploitation strategies. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiia*, 9 (2), 93–106. https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090208 (In Russian)

Taylor, R. N. (1975). Age and experience as determinants of managerial information processing and decision making performance. *Academy of Management Journal,* 18 (1), 74–81.

Thomas, W. I., Znaniecki, F. (1958). *The Polish Peasant in Europe and America* (vol. 2). New York, Dover Publ.

Tyupa, V. I. (2001). *Narratology as an analytics of narrative discourse*. Tver, Tver State University Press. (In Russian)

Zinovyeva, E. V., Kostromina, S. N. (2022). Integration of experience: Between the past and the future. *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 12 (2), 186–203. (In Russian)

Received: January 30, 2026
Accepted: April 20, 2026

Authors' information:

Yana S. Platonova — Postgraduate Student, Assistant; https://orcid.org/0000-0002-4641-7667, y.platonova@spbu.ru
Elena V. Zinovyeva — PhD in Psychology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0003-1052-103X, lena_zi@mail.ru

УДК 159.9.07 Вестник СПбГУ. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3

Вклад качества романтических чувств в психологическое благополучие российской и китайской студенческой молодежи

Е. Г. Трошихина[a], *Чжан Хаожань*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Трошихина Е. Г., Чжан Хаожань.* Вклад качества романтических чувств в психологическое благополучие российской и китайской студенческой молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 470–482.
https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.306

В статье представлены результаты кросс-культурного изучения романтических чувств и психологического благополучия студенческой молодежи. Актуальность исследования определяется необходимостью понимания универсальных и культурно-специфических механизмов влияния романтических переживаний на благополучие студенческой молодежи разных культур. В исследовании приняли участие 200 человек, из них 100 россиян и 100 китайцев, по 50 юношей и 50 девушек в возрасте 18–28 лет (M = 22) со стажем романтических отношений 0,5–1 год. Для изучения романтических чувств использованы методики: шкала любви и симпатии Рубина в модификации Ю. Е. Алешиной и Л. Я. Гозмана; треугольная шкала любви Стернберга в адаптации О. А. Екимчик; стили любви C. Hendrick, S. Hendrick в адаптации О. А. Екимчик и Т. Л. Крюковой. Для изучения психологического благополучия использованы: шкала психологического благополучия Рифф в адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной; опросник смысла жизни Стегера в адаптации С. П. Елшанского; шкала удовлетворенности жизнью Динера в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева. Данные обработаны с помощью SPSS: сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ Пирсона, дисперсионный, факторный, регрессионный анализ. У юношей преобладают эротические чувства, девушки более сдержанны. Выявлено два фактора романтических чувств: зрелая и незрелая любовь. Зрелая любовь представляет собой гармоничное сочетание эмоциональной близости и осознанной ответственности за партнерство. Незрелая любовь характеризуется эгоистической направленностью и эмоциональной нестабильностью. Чувства зрелой любви усиливают ощущение психологического благополучия, осмысленности и удовлетворенности жизнью российской и китайской студенческой молодежи за исключением российских девушек. Переживание незрелой любви снижает психологическое благополучие юношей, но не девушек. Чувство осмысленности жизни у российских юношей и китайских девушек вызывается переживаниями как зрелой, так и незрелой любви, тогда как для китайских юношей только зрелая любовь значительно усиливает чувство осмысленности жизни.

Ключевые слова: кросс-культурные исследования, любовь, романтические чувства, психологическое благополучие, молодость, студенчество.

[a] Автор для корреспонденции.

© Е. Г. Трошихина, Чжан Хаожань, 2026

The importance of the quality of romantic feelings for the psychological well-being of Russian and Chinese student youth

E. G. Troshikhina[a], *Zhang Haoran*

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Troshikhina E. G., Zhang Haoran. The importance of the quality of romantic feelings for the psychological well-being of Russian and Chinese student youth. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 470–482. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.306 (In Russian)

The article presents the results of a cross-cultural study of romantic feelings and psychological well-being among student youth. The relevance of the study is determined by the need to understand the universal and culturally specific mechanisms of the influence of romantic experiences on the well-being of student youth from different cultures. The study involved 200 participants: 100 Russian and 100 Chinese young people, including 50 men and 50 women aged 18 to 28 with an average age of 22 and half a year to one year of romantic relationship experience. To study romantic feelings, the following methods were used: Rubin's Love and Liking Scale, Sternberg's Triangular Love Scale, and Hendricks' Love Attitudes Scale. To study psychological wellbeing, the following methods were used: Ryff's Psychological Well-being Scale, Steger's Meaning of Life Questionnaire (MLQ), Diener's Life Satisfaction Scale. The data were processed using SPSS: comparative analysis using Student's *t*-test, Pearson correlation analysis, and variance, factor, and regression analyses. Young men have a predominance of erotic feelings, while young women are more reserved. Two core types of romantic affection were identified: mature love combining emotional intimacy and mutual responsibility, and immature love marked by selfishness and emotional volatility. Mature love generally boosts psychological well-being, life meaning and satisfaction for Russian and Chinese students, excluding Russian young women. Immature love undermines the well-being of young men alone. Both love forms foster life purpose in Russian men and Chinese women, yet only mature love greatly enhances life meaning for young Chinese men.

Keywords: cross-cultural studies, love, romantic feelings, psychological well-being, youth, students.

Введение

Сегодня в России обучается около 20 тыс. китайских студентов, что обусловлено динамичным двусторонним экономическим сотрудничеством России и Китая. В свете интенсивного сближения стран сравнительное изучение китайских и российских студентов представляет особый интерес. В студенческом возрасте происходит активное становление самосознания, решаются задачи личного и профессионального самоопределения, появляется установка на сознательное построение своей жизни, саморазвитие, создание близких отношений.

Актуальность настоящего исследования определяется ключевой ролью романтических отношений в студенческом возрасте, который, согласно теории Э. Эриксона (E. Erikson), является сензитивным периодом для разрешения кризиса «близость против изоляции» (Erikson, 1963). В современной психологии все отчетливее

[a] Author for correspondence.

осознается ограниченность подхода, рассматривающего лишь факт наличия партнера. На первый план выходит проблема качества романтических чувств: возникает вопрос о том, какие именно компоненты этих чувств (эмоциональная близость, страсть, принятие обязательств) вносят решающий вклад в формирование психологического благополучия. Кроме того, в условиях сохранения культурной специфики паттернов социализации и эмоционального реагирования результаты, полученные на западных выборках, не могут быть автоматически перенесены на молодежь России и Китая. Отсутствие сравнительных эмпирических данных о влиянии качества романтических чувств на благополучие в этих двух культурных контекстах и составляет научную проблему данного исследования.

Молодость — наиболее активный период поиска жизненных смыслов. Наличие целей и осмысленность жизненного пути во многом определяют высокое субъективное благополучие молодых людей. Исследования показали, что испытуемые студенческого возраста, имеющие жизненные цели (как реалистичные, так и нереалистичные), более удовлетворены своей жизнью, нежели испытуемые с нечеткими, слабо осознаваемыми целями (Caprara, Cervone, 2003).

На сегодняшний день существует достаточно много понятий, отражающих аспекты благополучия. Так, удовлетворенность жизнью рассматривается как статичная когнитивная составляющая субъективного благополучия (Kushlev et al., 2022). Эмпирические исследования выявили такие предикторы субъективного благополучия, как личностные характеристики, удовлетворение базовых потребностей и материальное благосостояние (Busseri, Erb, 2023). Подтверждена связь субъективного благополучия с хорошим здоровьем, долголетием, просоциальным поведением, профессиональными достижениями (Kushlev et al., 2022; Sonnentag et al., 2023).

В теории психологического благополучия К. Рифф (K. Ryff) его суть рассматривается через экзистенциальное понимание значимости самоактуализации и саморазвития, процессов преодоления, направленного усилия для реализации своего потенциала. Концепция автора сфокусирована на шести измерениях: самопринятие, компетентность, позитивные отношения с другими, автономия, цели в жизни и личностный рост (Ryff, 2023). Другие исследователи, отмечающие эвдемонический характер благополучия, считают, что оно сосредоточено вокруг переживания смысла, включает самоопределение (Э. Деси (E. Deci), Р. Райан (R. Ryan)), самовыражение (А. Ватерман (A. Waterman)) и стремление к целям и деятельности, которые соответствуют ценностям (В. Тов (W. Tov)) (Sonnentag et al., 2023).

Современная молодежь все чаще осознает романтические отношения с партнером не просто как источник привязанности, а как совместную «смысловую мастерскую», где выковывается личное и общее будущее. Романтические отношения, наполненные эмоциональной близостью и взаимной поддержкой, служат пространством, где молодые люди осмысляют свои цели и ценности (Brown, Potter, 2024). К. Белльюмер (K. Bellehumeur) с коллегами показал, что именно качество, а не продолжительность романтических отношений предсказывает высокий уровень осмысленности жизни и низкий уровень депрессии среди канадцев в возрасте от 18 до 29 лет, особенно когда внешний мир воспринимается как угрожающий (Bellehumeur et al., 2022).

В последнее время активно исследуется значение духовности для субъективного и психологического благополучия молодежи, особенно в странах с сильными

культурными религиозными традициями. Духовность переживается как чувство связи с высшей сущностью, как ощущение смысла жизни за пределами себя, приверженность возвышенным убеждениям и соответствие своих действий этическим и моральным принципам. М. Хазана (M. Hasanah) и А. Харис (A. Haris) на выборке студентов исламской школы знатоков Корана ($n = 92$) показали, что духовность сильно влияет на субъективное благополучие ($R^2 = 0{,}813$). Авторы объясняют, что с духовностью молодые люди могут чувствовать присутствие высших сил и получать поддержку в трудные времена (Hasanah, Haris, 2023). Взаимосвязь психологического и духовного благополучия подтверждает исследование, проведенное на 600 индийских студентах (Govind, Steephen, 2024).

Взаимная духовность в паре, преломленная через эмоциональную близость, оказывается важным фактором экзистенциальных поисков и субъективного благополучия молодежи (Koburtay et al., 2023). Л. Д. Кубзански с коллегами показал, что общие положительные эмоции в романтической паре, такие как одновременная радость, формируют устойчивую восходящую спираль смысла, и этим усиливают эвдемоническое благополучие способом, недостижимым для дружеских пар (Kubzansky et al., 2023). Сходные результаты получены Д. Цзе (D. Tse) с коллегами: молодые люди, состоящие в качественных романтических отношениях, испытывают ощущение общего потока, что усиливает чувство жизненной реализации, особенно важное на этапе формирования идентичности (Tse et al., 2022).

Исследование М. Джошанлу (M. Joshanloo) демонстрирует, что положительная эмоциональная окраска жизни и удовлетворенность ею тесно связаны с наличием стабильных положительных переживаний в межличностных отношениях. Межличностная эмоциональная поддержка рассматривается как значимый предиктор устойчивого благополучия (Joshanloo, 2023). Эмоциональные связи, возникающие в романтических отношениях, являются ключевым компонентом психологического здоровья, способствующим стрессоустойчивости и ощущению смысла в жизни. Молодые люди, состоящие в поддерживающих романтических отношениях, демонстрируют более высокие уровни эмоционального и смыслового благополучия (Park et al., 2023).

Нас интересует вопросы о сходстве и различиях романтических чувств российских и китайских юношей и девушек и о том, какого качества романтические чувства способствуют их психологическому благополучию, включая субъективное (удовлетворенность жизнью) и духовное (осмысленность жизни).

Цель исследования — кросс-культурное изучение романтических чувств и их вклада в психологическое благополучие студенческой молодежи. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

1. Провести сравнительный анализ показателей психологического благополучия и романтических чувств к партнеру в группе российских и китайских юношей и девушек, обучающихся в вузе.

2. Проанализировать вклад романтических чувств в психологическое благополучие в группе российских и китайских юношей и девушек.

Гипотеза исследования: гармоничные романтические чувства к партнеру положительно сказываются на психологическом благополучии, чувстве осмысленности жизни и удовлетворенности жизнью в студенческом возрасте, при этом имеется культурная и половая специфика.

Методы

Выборку составили 200 студентов, обучающихся в вузах России (из них 100 российских и 100 китайских, по 50 юношей и девушек) в возрасте от 18 до 28 лет (M = 22) со стажем романтических отношений от полугода до года. Для изучения романтических чувств использованы следующие методики:

- Шкала любви и симпатии З. Рубина (Z. Rubin) в модификации Ю. Е. Алешиной и Л. Я. Гозмана (Алешина и др., 1987);
- Треугольная шкала любви Р. Стернберга (R. Sternberg) в адаптации О. А. Екимчик, с тремя шкалами: интимность, страсть, обязательства;
- методика «Цвета любви» C. Hendrick, S. Hendrick в адаптации О. А. Екимчик и Т. Л. Крюковой (2009), содержащая шесть стилей любви: агапэ (бескорыстная любовь-самоотдача), эрос (страстная любовь-увлечение), сторге (спокойная и надежная любовь-дружба), прагма (рассудочная любовь по расчету), людус (гедонистическая любовь-игра) и мания (иррациональная любовь-одержимость).

Для изучения психологического благополучия использованы одноименная шкала К. Рифф, включающая показатели: автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели и самопринятие (адаптация Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной, 2011), а также «Опросник смысла жизни» М. Стегера (M. Steger) с соавторами в адаптации С. П. Елшанского с соавторами (2015) и Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (E. Diener) в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева (2020). Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS, с использованием описательных статистик, сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента, двухфакторного дисперсионного анализа, корреляционного анализа по Пирсону, факторного анализа методом главных компонент и пошагового регрессионного анализа.

Результаты

Сравнительный анализ психологического благополучия российских и китайских юношей и девушек выявил значимые различия (табл. 1).

Среди компонентов психологического благополучия наиболее высокие средние значения получены у российских девушек по шкалам: автономность, личностный рост, позитивные отношения и общий показатель ($p \leq 0{,}007$). Среднее значение смысла в жизни наиболее высокое у российских юношей, а наиболее низкое у российских девушек (эффект взаимодействия $F = 4{,}501$; $p = 0{,}035$). В целом уровень показателей благополучия находится в области средней выраженности.

Результаты изучения компонентов романтических отношений российских и китайских юношей и девушек представлены в табл. 2.

Получены достаточно высокие средние значения по параметрам любви методик Рубина и Стернберга, причем наиболее высокие — у российских юношей. Среди стилей любви наиболее высокий показатель по стилю «Прагма» у китайских девушек ($p = 0{,}02$), а «Агапэ» и «Эрос» — у российских юношей ($p < 0{,}05$). По типу любви «Сторге» у российских юношей выше среднее значение, чем у девушек ($T = 2{,}186$; $p = 0{,}031$), а у китайцев, наоборот, выше у девушек, чем у юношей ($T = -2{,}782$; $p = 0{,}006$). По стилю

Таблица 1. **Средние значения показателей психологического благополучия российских и китайских юношей и девушек, M (SD)**

Шкалы	Россияне		Китайцы	
	юноши (*n* = 50)	**девушки (*n* = 50)**	**юноши (*n* = 50)**	**девушки (*n* = 50)**
Автономность	27,38 (4,26)	**29,80** (4,59)	28,16 (4,10)	27,74 (3,39)
Компетентность	27,88 (4,75)	28,84 (5,62)	28,20 (4,67)	26,92 (4,44)
Личностный рост	29,14 (4,38)	**32,44** (6,02)	29,50 (3,99)	29,28 (5,37)
Позитивные отношения	27,68 (5,29)	**31,98** (6,24)	28,60 (4,97)	28,92 (5,61)
Жизненные цели	29,72 (4,49)	30,98 (6,41)	29,76 (4,64)	29,64 (4,25)
Самопринятие	30,64 (4,80)	32,08 (5,58)	29,14 (4,29)	29,18 (4,61)
Психологическое благополучие	172,44 (21,7)	**186,12** (26,8)	173,36 (21,6)	171,68 (20,4)
Смысл в жизни	**26,54** (5,07)	23,57 (5,12)	25,09 (4,15)	24,84 (3,60)
Удовлетворенность жизнью	25,64 (6,55)	23,38 (5,33)	23,26 (5,56)	23,42 (5,57)

Примечание: Наибольшие средние значения для каждого показателя отмечены полужирным шрифтом.

Таблица 2. **Средние значения показателей романтических отношений с партнером российских и китайских юношей и девушек, M (SD)**

Шкалы	Россияне		Китайцы	
	юноши (*n* = 50)	**девушки (*n* = 50)**	**юноши (*n* = 50)**	**девушки (*n* = 50)**
Любовь	**22,26** (4,48)	20,42 (5,00)	21,76 (3,21)	21,96 (3,40)
Симпатия	**23,30** (4,00)	20,68 (4,67)	21,40 (3,88)	21,96 (3,48)
Интимность	**7,53** (1,41)	6,60 (1,91)	6,85 (1,34)	7,01(1,17)
Страсть	**7,21** (1,25)	6,34 (1,81)	6,64 (1,15)	6,73 (1,14)
Обязательства	**7,45** (1,58)	6,43 (2,08)	6,82 (1,27)	6,95 (1,24)
Агапэ	**3,96** (0,68)	3,39 (0,89)	3,60 (0,58)	3,60 (0,60)
Мания	3,26 (0,76)	2,85 (0,88)	3,23 (0,56)	3,11 (0,59)
Прагма	3,57 (0,81)	3,16 (0,85)	3,55 (0,55)	**3,65** (0,62)
Сторге	3,79 (0,77)	3,41 (0,96)	3,46 (0,57)	3,77 (0,54)
Людус	3,36 (0,63)	3,03 (0,70)	3,27 (0,50)	3,33 (0,56)
Эрос	**4,12** (0,62)	3,31 (0,80)	3,73 (0,59)	3,76 (0,54)

Примечание: Наибольшие средние значения для каждого показателя отмечены полужирным шрифтом.

любви «Людус» наиболее высокий показатель у российских юношей, а низкий — у российских девушек (эффект взаимодействия $F = 5{,}192$; $p = 0{,}024$).

Для снижения размерности и определения особенностей романтических отношений студенческой молодежи был использован факторный анализ. В группе россиян выявлено два сходных фактора у юношей (73 %) и девушек (76 %). В факторы вошли одни и те же компоненты романтических отношений, но с разными весами (табл. 3).

Таблица 3. **Факторы и факторные нагрузки, полученные на выборке российских юношей и девушек**

Российские юноши			**Российские девушки**		
шкалы	**фактор 1 (55 %)**	**фактор 2 (18 %)**	**шкалы**	**фактор 1 (43 %)**	**фактор 2 (33 %)**
Обязательства	0,944	–	Обязательства	0,882	–
Страсть	0,928	–	Страсть	0,879	–
Интимность	0,919	–	Интимность	0,832	–
Любовь	0,909	–	Эрос	0,811	–
Симпатия	0,820	–	Симпатия	0,779	–
Агапэ	0,809	–	Любовь	0,774	–
Эрос	0,745	–	Агапэ	0,764	–
Сторге	0,723	–	Сторге	0,681	–
Прагма	–	0,818	Людус	–	0,744
Людус	–	0,799	Мания	–	0,599
Мания	–	0,528	Прагма	–	0,584

Фактор 1, названный нами «Зрелая любовь», объединил компоненты методики Стернберга: обязательства, страсть, интимность. Высокие показатели по этим параметрам соответствуют концепции зрелой гармоничной любви, где партнеры сочетают глубокую эмоциональную связь с взаимной поддержкой и стабильностью. Дополнительные шкалы, включенные в этот фактор, подчеркивают целостность отношений, где физическое влечение («Эрос») дополняется осознанным вниманием к потребностям партнера и эмоциональной вовлеченностью («Агапэ» и «Сторге»).

Фактор 2 объединил три стиля любви: «Прагма», «Людус» и «Мания». Прагматичная модель фокусируется на практической выгоде и удобстве партнерства. Людус проявляется как склонность к флирту и поверхностным связям, где важна игривость, азарт и внимание к собственной персоне. Маниакальный стиль выражается в чрезмерной зависимости от партнера, чье наличие становится основой для высокой самооценки. Объединяющей чертой этих стилей является эгоцентричная динамика, что позволило назвать фактор «эгоистичной, или незрелой, любовью».

На группе китайских студентов тоже получено по два схожих фактора для юношей (70 %) и девушек (69 %). В них вошли сходные шкалы с разными весами (табл. 4).

Таблица 4. **Факторы и факторные нагрузки, полученные на выборке китайских юношей и девушек**

Китайские юноши			Китайские девушки		
шкалы	**фактор 1 (52 %)**	**фактор 2 (18 %)**	**шкалы**	**фактор 1 (50 %)**	**фактор 2 (19 %)**
Интимность	0,955	–	Интимность	0,928	–
Обязательства	0,952	–	Страсть	0,907	–
Страсть	0,925	–	Обязательства	0,905	–
Симпатия	0,875	–	Симпатия	0,846	–
Эрос	0,803	–	Любовь	0,833	–
Любовь	0,740	–	Эрос	0,831	–
Прагма	0,607	–	Сторге	0,677	–
Сторге	0,607	–	Прагма	0,440	–
Агапэ	0,553	0,533	Мания	–	0,822
Людус	–	0,857	Агапэ	0,401	0,700
Мания	–	0,781	Людус	–	0,684

Получены сходные факторы на китайской выборке. Основное отличие в том, что в первый фактор «Зрелая любовь» вошел еще стиль «Прагма», а стиль «Агапэ» вошел в оба фактора, при этом для юношей практически с равным весом, а для девушек — с бóльшим весом во второй фактор. Если учесть, что стиль «Прагма» более свойственен китайцам, чем россиянам, можно сказать, что прагматическая составляющая зрелой любви важна для китайцев.

Во второй фактор вошли «Людус», «Мания» и «Агапэ». Нестабильность и несбалансированность отношений — эти характеристики любви объединяют данные стили. Каждый стиль вносит свой вклад в дисбаланс: «Людус» — через избегание обязательств, «Мания» — через навязчивую зависимость, а «Агапэ» — через чрезмерную жертвенность, что в совокупности создает отношения, колеблющиеся между интенсивными взлетами и болезненными падениями. Этот фактор говорит о будоражащих чувствах и одержимости отношениями в сочетании с отсутствием глубинной эмоциональной безопасности, что может приводить к эмоциональному истощению. Этот фактор мы назвали «истощающая, или незрелая, любовь».

Для решения второй задачи был проведен корреляционный анализ Пирсона полученных факторов романтических чувств с показателями психологического благополучия, отдельно в группах российских и китайских юношей и девушек. В табл. 5 представлены полученные значения (r) и уровень значимости (p).

Анализ показал сходную картину взаимосвязей для российских и китайских юношей и китайских девушек. Фактор 1 «Зрелая любовь» положительно связан с удовлетворенностью, осмысленностью жизни и психологическим благополучием, причем для китайской молодежи со всеми компонентами благополучия, а для российских юношей — с компетентностью, личностным ростом и жизненными

Таблица 5. **Показатели корреляций факторов романтических чувств со шкалами психологического благополучия**

Шкалы		F1 Зрелая любовь				F2 Незрелая любовь			
		юноши		девушки		юноши		девушки	
		россияне	китайцы	россияне	китайцы	россияне	китайцы	россияне	китайцы
Автономность	*r*	0,121	0,496**	–0,080	0,082	–0,484**	–0,273	–0,080	0,037
	p	0,402	< 0,001	0,582	0,572	< 0,001	0,055	0,582	0,801
Компетентность	*r*	0,337*	0,299*	–0,080	0,280*	–0,369**	–0,412**	–0,080	–0,186
	p	0,017	0,035	0,581	0,049	0,008	0,003	0,581	0,195
Личностный рост	*r*	0,400**	0,350*	–0,020	0,455**	–0,327*	–0,333*	–0,020	–0,105
	p	0,004	0,013	0,890	0,001	0,021	0,018	0,890	0,469
Позитивные отношения	*r*	0,162	0,309*	–0,076	0,394**	–0,404**	–0,396**	–0,076	–0,286*
	p	0,261	0,029	0,598	0,005	0,004	0,004	0,598	0,044
Жизненные цели	*r*	0,314*	0,487**	0,001	0,320*	–0,313*	–0,259	0,001	–0,139
	p	0,026	< 0,001	0,993	0,023	0,027	0,069	0,993	0,335
Самопринятие	*r*	0,046	0,505**	–0,171	0,466**	–0,473**	–0,267	–0,171	0,092
	p	0,753	< 0,001	0,234	0,001	0,001	0,061	0,234	0,526
Психологическое благополучие	*r*	0,293*	0,500**	–0,088	0,474**	–0,509**	–0,402**	–0,088	–0,149
	p	0,039	< 0,001	0,543	0,001	< 0,001	0,004	0,543	0,302
Смысл в жизни	*r*	0,553**	0,763**	0,215	0,690**	0,349*	0,150	0,048	0,293*
	p	< 0,001	< 0,001	0,134	< 0,001	0,013	0,298	0,739	0,039
Удовлетворенность жизнью	*r*	0,573**	0,454**	–0,092	0,401**	–0,116	–0,006	–0,092	0,077
	p	< 0,001	0,001	0,527	0,004	0,424	0,966	0,527	0,597

Примечания: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя). ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

целями. Фактор 2 «Незрелая любовь» у юношей отрицательно связан с психологическим благополучием, причем для российских юношей со всеми компонентами, а для китайских — с компетентностью, личностным ростом и позитивными отношениями; нет связей с удовлетворенностью жизнью. У российских юношей есть связь с осмысленностью жизни, что отличает их от китайских юношей. У китайских девушек есть связи фактора 2 «Незрелая любовь» со смыслом в жизни и отрицательные — с позитивными отношениями. В группе россиянок взаимосвязей факторов любви с показателями благополучия не выявлено.

Для изучения вклада различных по качеству романтических чувств в психологическое благополучие был проведен регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных выступили показатели психологического благополучия, смысла в жизни и удовлетворенности жизнью, а в качестве предикторов взяты выявленные факторы — зрелая и незрелая любовь. Полученные модели представлены в табл. 6.

Таблица 6. **Результаты анализа вклада факторов «Зрелая любовь» (1) и «Незрелая любовь» (2) в показатели психологического благополучия**

Зависимые переменные	R^2	Предикторы	Бета	Уровень значимости
Российские юноши				
Психологическое благополучие	0,35	Фактор 2	–0,509	< 0,001
		Фактор 1	0,293	0,017
Смысл в жизни	0,43	Фактор 1	0,553	< 0,001
		Фактор 2	0,349	0,003
Удовлетворенность жизнью	0,33	Фактор 1	0,573	< 0,001
Китайские юноши				
Психологическое благополучие	0,41	Фактор 1	0,500	< 0,001
		Фактор 2	–0,402	0,001
Смысл в жизни	0,58	Фактор 1	0,763	< 0,001
Удовлетворенность жизнью	0,21	Фактор 1	0,454	0,001
Китайские девушки				
Психологическое благополучие	0,23	Фактор 1	0,474	0,001
Смысл в жизни	0,42	Фактор 1	0,690	< 0,001
		Фактор 2	0,293	0,004
Удовлетворенность жизнью	0,16	Фактор 1	0,401	0,004

Модели раскрывают вклад чувств любви в психологическое благополучие, осмысленность жизни и удовлетворенность жизнью. Психологическое благополучие юношей описывается регрессионной моделью, объясняющей 35 % общей дисперсии для российских и 41 % для китайских юношей. Выявлено два предиктора: с положительным знаком «Зрелая любовь», а с отрицательным — «Незрелая любовь». Для китаянок фактор зрелой любви оказался единственным предиктором психологического благополучия (R^2=0,23). Для китайских юношей зрелая любовь оказался единственным предиктором смысла в жизни (R^2=0,58). А для китайских девушек и российских юношей наряду с более сильным предиктором — зрелая любовь — незрелая любовь тоже оказалась положительным предиктором осмысленности жизни. Зрелая любовь способствует удовлетворенности жизнью, она оказалась единственным, хотя и слабым ее предиктором.

Для российских девушек не выявлено ни одной подобной модели.

Обсуждение и выводы

В кросс-культурном исследовании приняли участие российские и китайские юноши и девушки в возрасте от 18 до 28 лет со стажем романтических отношений от полугода до года. Анализ психологического благополучия показал, что для молодежи характерен достаточно высокий уровень психологического благополучия,

удовлетворенности жизнью и осмысленности жизни. У российских девушек наиболее высокие показатели психологического благополучия, а у российских юношей — наличия смысла в жизни.

Анализ романтических отношений показал, что в целом респонденты испытывают достаточно сильное чувство любви. При этом у российских юношей наиболее выражена эротическая, преданная и ответственная любовь. По сравнению с россиянами для китайской молодежи, особенно для китайских девушек, более важна прагматичная сторона любви.

Проведенный анализ позволяет дифференцировать романтические чувства на зрелые и незрелые. Зрелая любовь представляет собой гармоничное единство эмоциональной близости и осознанной ответственности за партнерство. Что касается незрелой любви, то здесь наблюдается культурно обусловленная специфика: в российской выборке незрелая любовь проявляется в преобладании прагматичного и эгоцентричного начала. В китайской группе та же категория характеризуется высокой степенью эмоциональной напряженности и нестабильности.

В целом чувства зрелой любви усиливают ощущение психологического благополучия, осмысленности и удовлетворенности жизнью студенческой молодежи. Важность позитивных романтических чувств в поддержании психологического благополучия соотносится с данными М. Джошанлу (Joshanloo, 2023) о том, что межличностная эмоциональная поддержка выступает значимым предиктором ощущения благополучия.

Одним из наиболее интригующих результатов стало отсутствие связи между романтическими чувствами и психологическим благополучием у российских девушек. На первый взгляд, это противоречит самой идее о значимости близких отношений в молодости. Однако такой результат может объясняться спецификой гендерной социализации в российской культуре, где традиционно сильна установка на «служение» и эмоциональную поддержку партнера. Как следует из данных Е. Г. Трошихиной, благополучие российских замужних женщин не столько связано с собственными романтическими чувствами, сколько зависит с психологическим благополучием супруга (Трошихина, 2024). Иными словами, их ощущение благополучия опосредовано успешностью отношений как социального проекта, а не интенсивностью внутренних переживаний любви.

Интересна и обратная сторона этого феномена: незрелая, эгоцентричная и напряженная любовь снижает благополучие юношей в обеих культурах, но не девушек. Это позволяет предположить, что девушки психологически более устойчивы к эмоциональным издержкам отношений или склонны интерпретировать бурные чувства как признак их подлинности, знак глубины уникальной драмы, романтизируя страдания.

Наиболее отчетливо значимость качества романтических чувств проявилась у китайских юношей: у них лишь зрелая гармоничная любовь усиливает ощущение осмысленности жизни. Этот факт может указывать на высокую интернализацию традиционных конфуцианских ценностей, где отношения должны вести к стабильности и порядку, а не к хаосу. Эмоциональная нестабильность (незрелая любовь) для китайского юноши, вероятно, вступает в конфликт с социальной ролью «носителя стабильности», тогда как для российского юноши и китайской девушки сам факт вступления в отношения и реализация возрастной задачи уже дает ощущение осмысленности, даже если отношения неидеальны. Эти данные уточняют выводы

К. Белльюмера с соавторами: качество отношений предсказывает осмысленность жизни только в тех культурно-гендерных группах, где стабильность является приоритетной ценностью (Bellehumeur et al., 2022).

Заключение

Результаты проведенного исследования расширяют существующие данные о специфике романтических переживаний в студенческой среде. Для представителей молодежи обоих полов важным аспектом становится построение партнерских отношений, фундаментом которых выступают взаимное доверие, эмоциональная близость и ответственность. Исследование показало, что качество романтических чувств к партнеру существенно сказывается на психологическом благополучии, чувстве цели в жизни и общей удовлетворенности. Дальнейшими перспективными направлениями исследований может стать поиск закономерностей развития отношений молодежи с акцентом на выявлении неучтенных ранее детерминант, их стабильности и позитивного влияния на психологическое благополучие и качество жизни. В последующих работах имеет смысл уделить внимание взаимовлиянию этнокультурной специфики, субъективного восприятия качества романтических отношений и благополучия сквозь призму вызовов современности.

Литература/References

Aleshina, Yu. E., Gozman, L. Ya., Dubovskaya, E. M. (1987). *Socio-psychological methods of studying marital relations*. Moscow, Moscow University Press. (In Russian)

Bellehumeur, C. R., Bilodeau, C., Kam, C. (2022). Integrating positive psychology and spirituality in the context of climate change. *Frontiers in Psychology,* 9, 1–7. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.970362

Brown, J. L. D., Potter, S. (2024). Integrating the philosophy and psychology of well-being: An opinionated overview. *Journal of Happiness Studies,* 25 (50), 2–28. https://doi.org/10.1007/s10902-024-00763-6

Busseri, M. A., Erb, E. M. (2023). The happy personality revisited: Re-examining associations between Big Five personality traits and subjective well-being using meta-analytic structural equation modeling. *Journal of Personality*, 92 (4), 968–984. https://doi.org/10.1111/jopy.12862

Caprara, G. V., Cervone, D. (2003). A conception of personality for a psychology of human strengths: Personality as an agentic, self-regulating system. In: L. G. Aspinwall, U. M. Staudinger (eds). *A Psychology of Human Strengths: Fundamental Questions and Future Directions for a Positive Psychology* (pp. 61–74). https://doi.org/10.1037/10566-005

Erikson, E. H. (1963). *Childhood and society* (2nd ed., rev. and enl.). Norton.

Govind, B. D., Steephen, D. C. (2024). Correlates between spiritual well being and psychological well being among adolescent college students on the basis of gender and socio economic status. *Migration Letters*, 21 (52), 1318–1325. Available at: https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/7409 (accessed: 05.10.2024).

Hasanah, M., Haris, A. (2023). Spirituality and subjective well being in Tahfidz students in Islamic boarding school. *Munaddhomah. Jurnal Manajemen Pendidikan Islam*, 4, 2, 220–227. https://doi.org/10.31538/munaddhomah.v4i2.380

Joshanloo, M. (2023). Thirteen years of subjective well-being: Within-person association between positive affect, negative affect, and life satisfaction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Available at: https://doi.org/10.1007/s11469-023-01223-7 (accessed: 05.10.2024).

Koburtay, T., Jamali, D., Aljafari, A. (2023). Religion, spirituality, and well-being: A systematic literature review and futuristic agenda. *Business Ethics, the Environment and Responsibility*, 32 (1), 341–357. https://doi.org/10.1111/beer.12478

Kubzansky, L. D., Kim, E. S., Boehm, J. K., Davidson, R. J., Huffman, J. C., Loucks, E. B., Lyubomirsky, S., Picard, R. W., Schueller, S. M., Trudel-Fitzgerald, C., VanderWeele, T. J., Warran, K., Yeager, D. S.,

Yeh, C. S., Moskowitz, J. T. (2023). Interventions to modify psychological well-being: Progress, promises, and an agenda for future research. *Affective Science*, 4 (1), 174–184. https://doi.org/10.1007/s42761-022-00167-w

Kushlev, K., Radosic, N., Diener, E. (2022). Subjective well-being and prosociality around the globe: Happy people give more of their time and money to others. *Social Psychological and Personality Science*, 13 (4), 849–861. https://doi.org/10.1177/19485506211043379

Park, C. L., Kubzansky, L. D., Chafouleas, S. M., Davidson, R. J., Keltner, D., Parsafar, P., Wang, K. H. (2023). Emotional well-being: What it is and why it matters. *Affective Science*, 4 (1), 10–20. https://doi.org/10.1007/s42761-022-00163-0

Ryff, C. D. (2023). The integrative science of eudaimonic wellbeing, past progress and the road ahead. In: E. Rieger, R. Costanza, I. Kubiszewski, P. Dugdale (eds). *Toward an Integrated Science of Wellbeing* (pp. 19–48). Oxford, Oxford University Press.

Sonnentag, S., Tay, L., Nesher Shoshan, H. (2023). A review on health and well-being at work: More than stressors and strains. *Personnel Psychology,* 76 (2), 473–510. https://doi.org/10.1111/peps.12572

Troshikhina, E. G. (2024). Married couples: The significance of psychological wellbeing and subjective loneliness for feelings of love. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 14 (1), 113–127. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.107 (In Russian)

Tse, D. C. K., Nakamura, J., Csikszentmihalyi, M. (2022). Flow experiences across adulthood: Preliminary findings on the continuity hypothesis. *Journal of Happiness Studies*, 23 (6), 2517–2540. https://doi.org/10.1007/s10902-022-00514-5

Статья поступила в редакцию 9 октября 2025 г.;
рекомендована к печати 2 апреля 2026 г.
Received: October 9, 2025
Accepted: April 2, 2026

Контактная информация:

Трошихина Евгения Германовна — канд. психол. наук; https://orcid.org/0000-0001-5739-2963, e.troshikhina@gmail.com
Чжан Хаожань — аспирант; https://orcid.org/0009-0005-8336-3214, st097853@student.spbu.ru

Authors' information:

Evgenia G. Troshikhina — PhD in Psychology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0001-5739-2963, e.troshikhina@gmail.com
Zhang Haoran — Postgraduate Student; https://orcid.org/0009-0005-8336-3214, st097853@student.spbu.ru

УДК 159.91 Вестник СПбГУ. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3

Психофизиологическая модель переживания психотравматического опыта

А. О. Алимова[1a], *С. А. Игумнов*[1,2], *М. М. Главатских*[1]

[1] Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

[2] Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова, Российская Федерация, 117513, Москва, ул. Островитянова, 1

Для цитирования: *Алимова А. О., Игумнов С. А., Главатских М. М.* Психофизиологическая модель переживания психотравматического опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 483–494. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.307

Настоящая статья посвящена обоснованию психофизиологической модели переживания психотравматического опыта. Данная работа нацелена на устранение существующих пробелов в унифицированном понимании этиопатогенеза посттравматического стрессового расстройства, что определяет высокую научную и практическую актуальность исследуемой проблематики. Предлагаемый подход базируется на интеграции актуальных нейробиологических данных, касающихся структурно-функциональных изменений в мозговых структурах, с положениями современных когнитивных теорий. Основной целью статьи является всесторонний анализ нейроанатомических, нейрофизиологических и когнитивных изменений, индуцированных переживанием психотравматического опыта. Эти изменения рассматриваются в контексте обоснования междисциплинарного исследовательского подхода. В основе модели лежат выявленные структурные и функциональные изменения в ключевых областях мозга: гиперактивация миндалины, снижение активности префронтальной коры и дисфункция гиппокампа. Данные модификации, последовательно подтверждаемые в существующих литературных источниках, подвергнутых комплексному анализу, служат детерминантами нарушений в сферах эмоциональной регуляции, мнестических функций и процессов внимания. Особое внимание уделено дисфункции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы, а также развитию дезадаптивных паттернов вегетативной регуляции. Интегрированная модель демонстрирует выраженную корреляцию между нейробиологическими дисфункциями и когнитивными нарушениями, манифестирующимися в виде гипербдительности, когнитивных трудностей при концентрации внимания и парадоксального характера памяти. Существенное значение в работе придается эмпирическому обоснованию нейробиологических данных в рамках когнитивных теорий. Центральное место в анализе занимает теория двойной репрезентации, акцентирующая внимание на роли нарушения интегративных процессов между вербальными и сенсорно-эмоциональными компонентами травматического события. Согласно предложенной модели, именно указанный когнитивный дефицит формирует патогенетическую основу для симптоматического комплекса посттравматического стрессового расстройства. Разработанная модель предоставляет собой теоретическую платформу для понимания многоуровневой природы этого расстройства, усиливая позиции когнитивных теорий в объяснении

[a] Автор для корреспонденции.

© А. О. Алимова, С. А. Игумнов, М. М. Главатских, 2026

данного патологического состояния. Одновременно подчеркивается императивная необходимость интеграции нейробиологических и когнитивных данных для разработки высокоэффективных терапевтических стратегий.

Ключевые слова: психотравматический опыт, посттравматическое стрессовое расстройство, гиппокамп, миндалевидное тело, гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая система, когнитивные нарушения, когнитивная теория.

Psychophysiological model of traumatic experience

A. O. Alimova[1a], *S. A. Igumnov*[1,2], *M. M. Glavatskikh*[1]

[1] Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, ul. Aleksandra Nevskogo, Kaliningrad, 236041, Russian Federation
[2] Pirogov Russian National Research Medical University,
1, ul. Ostrovityanova, Moscow, 117513, Russian Federation

For citation: Alimova A. O., Igumnov S. A., Glavatskikh M. M. Psychophysiological model of traumatic experience. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 483–494. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.307 (In Russian)

This article is dedicated to substantiating a psychophysiological model of traumatic experience. The work aims to address existing gaps in the unified understanding of the etiopathogenesis of PTSD, thereby establishing the high scientific and practical relevance of the investigated problem. The proposed approach is grounded in the integration of current neurobiological data concerning alterations in brain structures with the tenets of modern cognitive theories. The primary objective is a comprehensive analysis of the neuroanatomical, neurophysiological, and cognitive changes induced by the experience of traumatic events. These modifications are examined within the framework of justifying an interdisciplinary research paradigm. Identified changes in key brain regions, corroborated by comprehensive literature review, are central to the developed model, determining dysregulation in emotional control, mnemonic functions, and attentional processes. Attention is paid to the dysfunction of the hypothalamic-pituitary-adrenal axis and the development of maladaptive patterns of autonomic regulation. The integrated model demonstrates a pronounced correlation between neurobiological dysfunctions and cognitive impairments with attention and memory. Significant emphasis is placed on the empirical validation of neurobiological data within the context of cognitive theories. The analysis centrally features the Dual Representation Theory, underscoring the role of impaired integrative processes between the verbal and sensorimotor-emotional components of a traumatic event. According to the proposed model, this specific cognitive deficit forms the pathogenetic basis for the symptomatic complex of PTSD. This model offers a theoretical platform for understanding PTSD's multifaceted nature, reinforcing cognitive explanations and underscoring the imperative of integrating neurobiological and cognitive data for effective therapeutic strategies.

Keywords: psychotraumatic experience, post-traumatic stress disorder, hippocampus, amygdala, hypothalamic-pituitary-adrenal axis, cognitive impairments, cognitive theory.

Введение

Психическая травма определяется как экстремальное событие с мощным негативным воздействием, требующее от индивида экстраординарных усилий для совладания с ним. В рамках данного исследования посттравматическое стрессовое

[a] Author for correspondence.

расстройство (ПТСР) будет интерпретироваться не как обособленный диагностический конструкт, а как спектр симптоматических проявлений, возникающих в ответ на переживание психотравматического события. Основная цель — представить модель, интегрирующую различные аспекты влияния травматического опыта на личность, и обосновать необходимость междисциплинарного подхода к ее пониманию.

Переживание травматического события затрагивает не только психику, но и глубинные нейробиологические механизмы, а также оказывает существенное влияние на психофизиологическое состояние индивида. Именно поэтому очевидна необходимость интегративного подхода, который объединяет нейробиологические, психофизиологические и когнитивные линии исследования и обеспечивает более полное понимание механизмов развития и проявления ПТСР.

Нейроанатомия и нейрофизиология переживания психотравматического опыта

Нейробиологическая модель. Нейробиологическая модель акцентирует внимание на структурных и функциональных изменениях в миндалевидном теле (амигдале), вентромедиальной префронтальной коре и гиппокампе. Амигдала играет ключевую роль в оборонительном поведении и формировании эмоциональной памяти, при этом она позволяет мгновенно формировать долговременные следы памяти на эмоционально окрашенные события, связанные с угрозами. Эмоции, возникающие при активации амигдалы, коррелируют с другими физиологическими проявлениями (Черноризов и др., 2024).

Вентромедиальная префронтальная кора и передняя поясная кора отвечают за контроль эмоций и регуляцию внимания. У пациентов с ПТСР уменьшается объем нервной ткани и активность в вентромедиальной префронтальной коре и передней поясной коре, в то время как активность амигдалы увеличивается, что указывает на ослабление нисходящих тормозных влияний неокортекса на подкорковые структуры (Mintie, Stapler, 2018). В МРТ-исследовании, проведенном в США Л. Шин (L. Shin) и др., обнаружено, что по сравнению с нормой у ветеранов войны во Вьетнаме с диагнозом ПТСР снижены объем и активность передней части поясной извилины (Shin et al., 2001).

Наряду с этим дисфункция гиппокампа выявляется как ключевой фактор, способствующий возникновению симптомов ПТСР (Malivoire et al., 2018), включая трудности с воспоминаниями о травматических событиях и чрезмерное обобщение страха (Цейликман и др., 2017). Задняя часть гиппокампа участвует в восстановлении памяти, в то время как передняя часть связана с миндалевидным телом и может влиять на запоминание эмоционально окрашенной информации (Chaposhloo et al., 2023). Наблюдается отрицательная корреляция между тяжестью симптомов ПТСР и объемом гиппокампа (Mintie, Stapler, 2018).

Особенности функционирования гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы. Острые стрессовые реакции в ответ на переживание психотравматического опыта представляют собой нормальный ответ организма на однократные или повторяющиеся чрезвычайные воздействия. Однако из-за дефицита ресурсов адаптации этот процесс принимает патологический характер, что сопровождает-

ся чрезмерной активацией гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (ГГНС) и симпатоадреналовой систем, приводящей к физиологическому перевозбуждению и манифестации симптомов ПТСР (Cool, Zappetti, 2019; Сапольски, 2020). В условиях хронического стресса длительное повышение уровня кортизола приводит к нейродегенеративным изменениям в гиппокампе, играющем существенную роль в отрицательной обратной связи при ответе ГГНС на стресс, инсулинорезистентности и гипергликемии, негативно влияя на когнитивные функции. На наш взгляд, особенно значимо то, что нарушение механизма отрицательной обратной связи не только поддерживает высокий уровень стресса, но и снижает адаптационные возможности организма.

К дополнительным факторам формирования гиперглюкокортизолизма относится десинхронизация мозговой системы регуляции циркадианных ритмов, при которой нарушается серотонин-мелатониновая активность, в норме ограничивающая действие кортизола (Kino, Chrousos, 2011).

Дезадаптивная вегетативная регуляция. Повышенный симпатический ответ является ключевым фактором поведенческих и физиологических нарушений (Schneider, Schwerdtfeger, 2020). Это сопровождается увеличением системных уровней провоспалительных цитокинов, хроническим воспалением и снижением противовоспалительных цитокинов (Michopoulos et al., 2017), в то время как в другом исследовании описано значительное повышение уровня циркулирующих воспалительных белков (Koirala et al., 2023).

Исследования показывают, что у людей, переживших психотравматический опыт, наблюдается сочетание симпатического возбуждения с парасимпатическим торможением, что может рассматриваться как нарушение вегетативной адаптации, проявляющееся в несоответствии физиологического состояния требованиям окружающей среды (Williamson et al., 2015).

Поливагальная теория, объясняющая взаимосвязь между вегетативным состоянием и поведением, подчеркивает роль парасимпатической нервной системы и блуждающих нейронов в защитных стратегиях, реактивности и восстановлении, что позволяет лучше понять поведенческие и физиологические особенности людей, переживших психотравматический опыт (Porges, 1995).

Модель переживания психотравматического опыта как система показателей

Когнитивная сфера. Теории переработки информации рассматривают влияние психотравматического опыта через призму формирования устойчивых паттернов снижения когнитивной эффективности, делая акцент на специфических особенностях репрезентации и переработки информации о травме. А. Б. Шмуклер к когнитивным нарушениям относит расстройства внимания, краткосрочной и долговременной памяти, скорости обработки информации и исполнительной функции (Шмуклер, 2016).

Внимание. Когнитивные исследования посттравматических состояний выявляют направленность внимания на связанные с травмой стимулы, что указывает на состояние сверхбдительности (Ely et al., 2023) и нарушение концентрации внимания. Недавний систематический обзор нейропсихологических

исследований предполагает, что поведенческий дефицит внимания, связанный с ПТСР, сохраняется даже в нейтральных условиях без эмоциональных стимулов (Punski-Hoogervorst et al., 2023). У лиц с ПТСР наблюдается специфическая направленность внимания на травматическую информацию, а не на негативно окрашенную информацию в целом. Доминирование симпатической нервной системы, результатом которой является повышенная бдительность, направленная на поиск угроз, истощает ресурсы внимания, делая его неэффективным для нейтральных задач.

Симптомы ПТСР связаны с ухудшением ориентировки во внимании, возможно, из-за меньшего использования пространственных ориентиров (Block et al., 2020), неоптимальной эффективности устойчивого внимания (Evans et al., 2022) и/или общего нарушения внимания (Esterman et al., 2020).

Память. Травматический опыт нарушает аффективно-когнитивные процессы, необходимые для интеграции опыта в структуры памяти, что приводит к диссоциации и отщеплению части опыта от сознания (Kopf, 2009).

Нарушения памяти проявляются в двойственном характере симптоматики, что может быть связано с гипо- или гиперактивацией гиппокампа. Характерной особенностью нарушений памяти при ПТСР является склонность к так называемым флешбэкам, вплоть до сенсорных ощущений. Навязчивые воспоминания отражают гиперактивацию миндалевидного тела и попытку мозга «доработать» незавершенную реакцию на угрозу. Снижение активности в префронтальной коре ослабляет когнитивный контроль, затрудняя подавление нежелательных воспоминаний и способствуя их вторжению в сознание. Фрагментарная амнезия связывается с диссоциативными механизмами и дисфункцией гиппокампа (Вартанов, 2009). Ключевую роль играют нарушения переработки информации и нарративной интеграции: травматический опыт остается диссоциированным, а формирование когерентного нарратива о травме затруднено.

Мышление и интеллект. Данные о влиянии ПТСР на интеллект разнообразны: низкий IQ является предиктором развития ПТСР (Hart et al., 2008); само воздействие травмы оказывает малое влияние на IQ или не оказывает его вовсе

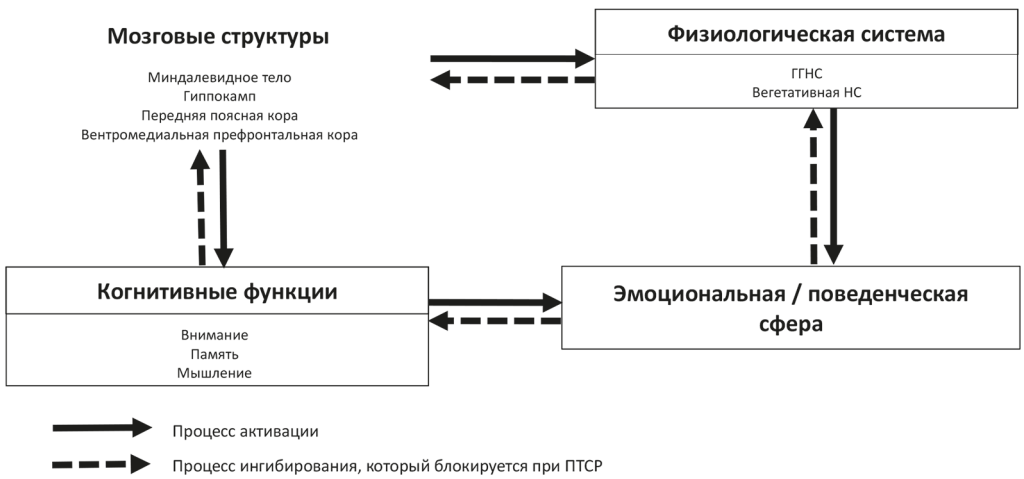

Рис. Психофизиологическая модель переживания психотравматического опыта

(Gilbertson et al., 2006); связь интеллекта и посттравматического стресса опосредована уровнем нейротизма (Падун, Лочехина, 2009).

Переработка эмоциональной информации. Согласно Теории когнитивного действия (Chemtob et al., 1988), люди с ПТСР испытывают повторные переживания и демонстрируют высокий уровень возбуждения под воздействием стимулов, связанных с опасностью, что приводит к перманентной активации сетей страха и убеждений о неизбежности опасного события, формируя симптомы вторжения и усиливая ощущение угрозы. Индивид функционирует в режиме постоянной опасности, что нарушает повседневную жизнь, а повторное переживание травматических ощущений подкрепляет избегание эмоциогенных стимулов (Jones, Barlow, 1990). Когнитивные искажения, такие как интерпретация нейтральных стимулов как угрожающих, и использование дисфункциональных когнитивных копинг-стратегий, таких как избегание, подавление и руминация, также удлиняют период выздоровления.

Поведенческая сфера. Поведенческие проявления ПТСР формируются под влиянием когнитивных нарушений и включают устойчивые дезадаптивные паттерны. Двойственность поведения при ПТСР проявляется либо в поведенческой гиперактивности, либо в истощении и инертности. Повышенная бдительность, раздражительность и импульсивные реакции типа «бей или беги» противопоставлены избеганию, снижающему тревогу в краткосрочной перспективе, но препятствующему переработке травматического опыта. Нарушение вегетативной регуляции препятствует гибкой перестройке организма, поддерживая состояние тревоги и напряжения.

Также наблюдаются ритуализация и социальная изоляция. Важно отметить, что эти стратегии, изначально выполнявшие защитную функцию, со временем укрепляют патологический круг ПТСР. Это является следствием нарушенной нарративной интеграции и усугубляет дезадаптивные поведенческие паттерны.

Психофизиологическая модель переживания психотравматического опыта (см. рисунок) является следствием анализа комплекса психофизиологических и нейробиологических механизмов, задействованных в реакции на травму.

Гиперактивация ГГНС под воздействием мозговых структур совместно с нейродегенерацией гиппокампа приводит к нарушению тормозящей функции и неспособности интегрировать травматический опыт в связный нарратив. Одновременно дисфункция префронтальной коры нарушает когнитивный контроль, препятствуя подавлению дезадаптивных реакций и дальнейшей интеграции травматической информации. Эти нейрокогнитивные нарушения проявляются в затруднении переключаемости внимания и парадоксальных феноменах памяти, свидетельствующих о сохранении невербальных репрезентаций. Данные нарушения, будучи следствием конфликта стратегий выживания, способствуют формированию неадаптивных копинг-стратегий, в первую очередь избегания, которое блокирует процесс переработки и интеграции травматического опыта, что в свою очередь сказывается на эмоциональной и поведенческой сферах.

Ключевая идея данной схемы заключается в объяснении того, что психотравматический опыт запускает сложную цепь патологических реакций в мозговых структурах. В зависимости от индивидуальных особенностей происходит либо процесс переработки травматической информации за счет реактивации тормозя-

щих механизмов и соответствующей регуляции, либо, напротив, эти механизмы игнорируются или не запускаются. В последнем случае травма остается непереработанной, что создает условия для формирования и поддержания ПТСР. Однако это требует отдельного анализа и изучения.

Критический анализ данных позволяет сформулировать ряд существенных выводов. ПТСР не сводится к воспоминаниям о травме, а представляет собой многоуровневое расстройство, где когнитивные нарушения выступают не только симптомами, но и механизмами поддержания патологии. Двойственность памяти отражает фундаментальный конфликт между стремлением психики защититься и потребностью мозга завершить реакцию на угрозу. Поведенческие стратегии, изначально адаптивные, при хронизации расстройства становятся дезадаптивными, формируя замкнутый цикл: травма → когнитивный дисбаланс → неадаптивное поведение → усиление симптомов. Индивидуальные различия существенно влияют на исход травматического опыта. Нейрокогнитивные механизмы создают биологическую основу симптомов, но их влияние опосредовано психологическими факторами.

Когнитивная теория переживания психотравматического опыта

Отсутствие единой теоретической модели, полностью объясняющей этиопатогенез ПТСР, стимулирует развитие интегративных подходов (Рупперт, Банцхаф, 2019). Современная клиническая психология, отходя от медико-биологического редукционизма, ориентируется на биопсихосоциальные модели.

В рамках когнитивных теорий ПТСР при нарушении когнитивной переработки и нарративной интеграции акцентируется внимание на дефиците когнитивных процессов. Тесно связанный с ним нарративный подход рассматривает ПТСР как следствие неспособности субъекта к структурированному изложению травматического опыта. Фрагментарность и некогерентность травматического нарратива отражают нарушение когнитивной обработки.

Социально-когнитивные теории фокусируются на роли базисных убеждений и атрибутивных стилей в формировании посттравматических переживаний (Поляков, 2020). Когнитивно-поведенческий и гуманистический подходы акцентируют внимание на копинг-стратегиях как сознательных адаптивных усилиях личности, направленных на преодоление последствий травмы (Зудина, 2023).

Попытка интеграции когнитивных и социально-когнитивных подходов была предпринята в интегративных моделях ПТСР, среди которых особое внимание заслуживает теория двойной репрезентации (Brewin et al., 1996). Она постулирует существование двух типов репрезентаций травматического опыта: когнитивной (вербально структурированная информация, нарратив) и эмпирической (сенсорно-эмоциональные фрагменты, образы, ощущения).

Когнитивная переработка понимается как процесс осмысления и интеграции травматического опыта в связный, вербально выраженный нарратив, придающий событию личностный смысл. Нарративная интеграция — конечный результат, который не вызывает вторичной травматизации. Это отличается от гуманистического подхода, который фокусируется на раскрытии внутреннего потенциала и самопринятии индивида, не выделяя специфические механизмы когнитивной

обработки как отдельный терапевтический мишени. Когнитивные теории, напротив, акцентируют внимание на дефиците когнитивных процессов и нарушениях в формировании связного нарратива, что ведет к неспособности субъекта к структурированному изложению травматического опыта. Отличие от социально-когнитивных теорий заключается в том, что последние делают акцент на роли базисных убеждений и атрибутивных стилей, в то время как наша модель фокусируется на нейробиологических коррелятах.

Наша психофизиологическая модель объясняет, как эти процессы нарушаются на нейробиологическом уровне. Гиперактивация ГГНС препятствует интеграции как когнитивных, так и эмпирических репрезентаций. Флешбэки (эмпирическая репрезентация) и фрагментарность воспоминаний возникают из-за невозможности гиппокампа интегрировать информацию, а трудности вербализации обусловлены как невербальной природой эмпирических репрезентаций, так и снижением когнитивного контроля вследствие ослабления префронтальной коры, что препятствует нарративной интеграции.

Когнитивная парадигма в изучении ПТСР обладает существенными преимуществами, прежде всего благодаря концепции двойной репрезентации, создавая основу для разработки психотерапевтических техник, нацеленных на модификацию когнитивных и эмпирических репрезентаций травматического опыта. Вместе с тем когнитивный подход имеет ряд ограничений: чрезмерный акцент на процессах когнитивной обработки чреват недооценкой роли социальных факторов, контекста травматического события и индивидуальных биопсихологических особенностей.

В связи с этим клиническая практика настоятельно требует интегративного подхода, который позволяет разрабатывать более гибкие и индивидуализированные стратегии лечения. С практической точки зрения терапия должна включать несколько ключевых компонентов: коррекцию когнитивных искажений и реформулирование травматического нарратива, применение техник снижения гиперактивации нервной системы и регуляции эмоциональных реакций, формирование адаптивных копинг-стратегий и укрепление социальных ресурсов, а также обязательный учет биопсихосоциальных и культурно-специфических особенностей пациента.

Заключение

Психотравматический опыт вызывает комплексные нейробиологические и когнитивные изменения, являющиеся основой патогенеза расстройств. Ключевым нейробиологическим звеном выступает дисрегуляция амигдалы и гиппокампа, приводящая к нарушениям эмоциональной регуляции. Нарушение функционирования гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и циркадных ритмов усугубляет когнитивные дефициты и препятствует интеграции травматического опыта. Вегетативные дисфункции и поведенческие изменения дополняют клиническую картину.

Данные хорошо согласуются с когнитивной теорией переживания психотравматического опыта, в частности с теорией двойной репрезентации, которая подчеркивает важность интеграции имплицитной и эксплицитной памяти для успеш-

ной переработки травматического опыта. Именно нарушения когнитивной переработки информации, такие как трудности в формировании когерентного нарратива о травме и дисфункциональные убеждения, формируют замкнутый круг поддержания симптомов ПТСР. Для понимания и эффективного лечения последствий психотравматического опыта необходим комплексный подход, интегрирующий нейробиологические и когнитивные перспективы.

Литература

Вартанов А. В., Козловский С. А., Скворцова В. Б., Созинова Е. В., Пирогов Ю. А., Анисимов Н. В., Куприянов Д. А. Память человека и анатомические особенности гиппокампа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2009. № 4. С. 3–16.

Зудина Ф. Г. Теоретическое исследование копинг-стратегий совладания со страхом смерти // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2023. № 5. С. 102–110.

Падун М. А., Лочехина Л. И. Связь интеллекта и посттравматического стресса у ветеранов боевых действий с различным уровнем нейротизма // Психология человека в современном мире / отв. ред. А. Л. Журавлев, И. А. Джидарьян, В. А. Барабанщиков, В. В. Селиванов, Д. В. Ушаков. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. Т. 2. С. 373–379.

Поляков Е. А. Рилив-терапия. Глубинная психотерапия: монография. М.: Академический проект, 2020.

Рупперт Ф., Банцхаф Х. Мое тело, моя травма, мое я: сб. ст. / пер. с нем. В. В. Серова, О. А. Свирепо. М.: Меридиан-С, 2019.

Сапольски Р. Психология стресса. СПб.: Питер, 2020.

Черноризов А. М., Шкуринов А. П., Исайчев С. А., Пилечева А. В., Ожередов И. А., Петров А. В., Манаенков А. Е. (2024). Психофизиология посттравматического стрессового расстройства: механизмы, диагностика, нейрореабилитация // Национальный психологический журнал. 2024. № 19 (4). С. 215–228. https://doi.org/10.11621/ npj.2024.0415

Цейликман В. Э., Шевелев О. Б., Хоцкин Н. В., Доценко А. С., Концевая Г. В., Лапшин М. С., Мошкин М. П., Комелькова М. В., Фекличева И. В., Цейликман О. Б., Дременков И. В., Завьялов Е. Л. Магнитно-резонансная спектроскопия нейрометаболитов гиппокампа и стриатума при синдроме посттравматических стрессорных расстройств // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2017. Т. 21, № 7. С. 783–787. https://doi.org/10.18699/VJ17.293

Шмуклер А. Б. Когнитивные нарушения в структуре депрессивного синдрома // Социальная и клиническая психиатрия. 2016. Т. 26, № 1. С. 72–76.

Block S. R., Weissman D. H., Sripada C., Angstadt M., Duval E. R., King A. P., Liberzon I. Neural mechanisms of spatial attention deficits in trauma // Biological Psychiatry Cognitive Neuroscience and Neuroimaging. 2020. Vol. 5. P. 991–1001. https://doi.org/10.1016/j.bpsc.2019.05.014

Brewin C. R., Dalgleish T., Joseph S. A dual representation-theory of post traumatic-stress-disorder // Psychological Review. 1996. Vol. 103, no. 4. P. 670–686.

Chaposhloo M., Nicholson A. A., Becker S., McKinnon M. C., Lanius R., Shaw S. B. Altered Resting-State functional connectivity in the anterior and posterior hippocampus in post-traumatic stress disorder: The central role of the anterior hippocampus // Neuroimage: Clinical. 2023. Vol. 38. Art. 103417.

Chemtob C., Roitblat H. L., Hamada R., Carlson J. G., Twentyman C. T. A cognitive action theory of post-traumatic stress disorder // Journal of Anxiety Disorders. 1988. Vol. 2. P. 253–275.

Cool J., Zappetti D. The Physiology of Stress. Medical Student Well-Being: An essential guide. Cham: Springer, 2019.

Ely S. L., Zundel C. G., Gowatch L. C., Evanski J. M., Bhogal A., Carpenter C., Shampine M., Marusak H. Attention, attention! Posttraumatic stress disorder is associated with altered attention-related brain function // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2023. Vol. 17. Art. 1244685. https://doi.org/10.3389/fnbeh.2023.1244685

Esterman M., Stumps A., Jagger-Rickels A., Rothlein D., Degutis J., Fortenbaugh F., Romer A., Milberg W., Marx B., McGlinchey R. Evaluating the evidence for a neuroimaging subtype of posttraumatic stress disorder // Science Translational Medicine. 2020. 4 Nov., vol. 12, no. 568. https://doi.org/568.10.1126/scitranslmed.aaz9343

Evans T. C., Alonso M. R., Jagger-Rickels A., Rothlein D., Zuberer A., Bernstein J., Fortier C. B., Fonda J. R., Villalon A., Jorge R., Milberg W., McGlinchey R., DeGutis J., Esterman M. PTSD symptomatology is selectively associated with impaired sustained attention ability and dorsal attention network synchronization // Neuroimage: Clinical. 2022. Vol. 36. Art. 103146. https://doi.org/10.1016/j.nicl.2022.103146

Gilbertson M. W., Paulus L. A., Williston S. K., Gurvits T. V., Lasko N. B., Shenton M. E. Neurocognitive function in monozygotic twins discordant for combat exposure: Relationship to posttraumatic stress disorder // Journal of Abnormal Psychology. 2006. Vol. 115. P. 484–495.

Hart J. J., Kimbrell T., Fauver P., Cherry B. J., Pitcock J., Booe L. Q., Tillman G., Freeman T. W. Cognitive dysfunctions associated with PTSD: Evidence from World War II prisoners of war // Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neuroscience. 2008. Vol. 20, no. 3. P. 309–316.

Jones J. C., Barlow D. H. The etiology of posttraumatic stress disorder // Clinical Psychology Review. 1990. Vol. 10. P. 299–328.

Kino T., Chrousos G. P. Circadian CLOCK-Mediated Regulation of Target-Tissue Sensitivity to Glucocorticoids: Implications for cardiometabolic diseases // Endocrine Development. 2011. Vol. 20. P. 116–126. https://doi.org/10.1159/000321232

Koirala R., Aass H. C. D., Søegaard E. G. I., Dhakal H. P., Ojha S. P., Hauff E., Thapa S. B. Association of pro-inflammatory cytokines with trauma and post-traumatic stress disorder visiting a tertiary care hospital in Kathmandu // PLOS One. 2023. Vol. 18, no. 2. Art. e0281125. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0281125

Kopf M. Trauma, narrative and the art of witnessing // Hähnel B., Ulz M. (eds). Slavery in Contemporary Art. Trauma, Memory and Visuality. Berlin: LIT Verlag, 2009. P. 41–58.

Malivoire B. L., Girard T. A., Patel R., Monson C. M. Functional connectivity of hippocampal subregions in PTSD: relations with symptoms // BMC Psychiatry. 2018. Vol. 18. P. 129. https://doi.org/10.1186/s12888-018-1716-9

Michopoulos V., Powers A., Gillespie C. F., Ressler K. J., Jovanovic T. Inflammation in fear- and anxiety-based disorders: PTSD, GAD, and beyond // Neuropsychopharmacology. 2017. Vol. 42. P. 254–270. https://doi.org/10.1038/npp.2016.146

Mintie D., Staples J. K. Reclaiming Life after Trauma: Healing PTSD with Cognitive-Behavioral Therapy and Yoga. New York: Simon and Schuster Publ., 2018.

Porges S. W. Orienting in a defensive world: mammalian modifications of our evolutionary heritage. A polyvagal theory // Psychophysiology. 1995. Vol. 32. P. 301–318. https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1995.tb01213.x

Punski-Hoogervorst J. L., Engel-Yeger B., Avital A. Attention deficits as a key player in the symptomatology of posttraumatic stress disorder: A review // Journal of Neuroscience Research. 2023. Vol. 101. P. 1068–1085. https://doi.org/10.1002/JNR.25177

Schneider M., Schwerdtfeger A. Autonomic dysfunction in posttraumatic stress disorder indexed by heart rate variability: A meta-analysis // Psychological Medicine. 2020. Vol. 50. P. 1937–1948. https://doi.org/10.1017/S003329172000207X

Shin L. M., Whalen P. J., Pitman R. K., Bush G., Macklin M. L., Lasko N. B., Orr S. P., McInerney S. C., Rauch S. L. An fMRI study of anterior cingulate function in posttraumatic stress disorder // Biological Psychiatry. 2001. Vol. 50, no. 12. P. 932–942. https://doi.org/10.1016/s0006-3223(01)01215-x

Williamson J. B., Porges E. C., Lamb D. G., Porges S. W. Maladaptive autonomic regulation in PTSD accelerates physiological aging // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 5. Art. 1571. https://doi.org/ 10.3389/fpsyg.2014.01571

Статья поступила в редакцию 26 декабря 2025 г.;
рекомендована к печати 9 апреля 2026 г.

Контактная информация:

Алимова Анна Олеговна — аспирант, ассистент; https://orcid.org/0009-0007-2838-0403, alimovaanna38@gmail.com
Игумнов Сергей Александрович — д-р мед. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0003-3582-9751, sa.igumnov@gmail.com
Главатских Марианна Михайловна — канд. психол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0003-3185-217X, MGlavatskikh@kantiana.ru

References

Block, S. R., Weissman, D. H., Sripada, C., Angstadt, M., Duval, E. R., King, A. P., Liberzon, I. (2020). Neural mechanisms of spatial attention deficits in trauma. *Biological Psychiatry. Cognitive Neuroscience and Neuroimaging,* 5, 991–1001. https://doi.org/10.1016/j.bpsc.2019.05.014

Brewin, C. R., Dalgleish, T., Joseph, S. (1996). A dual representation-theory of post traumatic-stress-disorder. *Psychological Review*, 103 (4), 670–686.

Chaposhloo, M., Nicholson, A. A., Becker, S., McKinnon, M. C., Lanius, R., Shaw, S. B., Alzheimer's Disease Neuroimaging Initiative (2023). Altered Resting-State functional connectivity in the anterior and posterior hippocampus in Post-traumatic stress disorder: The central role of the anterior hippocampus. *Neuroimage: Clinical*, 38, 103417 https://doi.org/10.1016/j.nicl.2023.103417

Chemtob, C., Roitblat, H. L., Hamada, R., Carlson, J. G., Twentyman, C. T. (1988). A cognitive action theory of post-traumatic stress disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 2, 253–275.

Chernorizov, A. M., Shkurinov, A. P., Isaychev, S. A., Pilecheva, A. V., Ozheredov, I. A., Petrov, A. V., Manaenkov, A. E. (2024). Psychophysiology of post-traumatic stress disorder: Mechanisms, diagnostics, neurorehabilitation. *National Psychological Journal*, 19 (4), 215–228. https://doi.org/10.11621/npj.2024.0415 (in Russian)

Cool, J., Zappetti, D. (2019). The physiology of stress. In *Medical Student Well-Being: An Essential Guide.* Cham, Springer.

Ely, S. L., Zundel, C. G., Gowatch, L. C., Evanski, J. M., Bhogal, A., Carpenter, C., Shampine, M., Marusak, H. (2023). Attention, attention! Posttraumatic stress disorder is associated with altered attention-related brain function. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 17, 1244685. https://doi.org/10.3389/fnbeh.2023.1244685

Esterman, M., Stumps, A., Jagger-Rickels, A., Rothlein, D., Degutis, J., Fortenbaugh, F., Romer, A., Milberg, W., Marx, B., McGlinchey, R. (2020). Evaluating the evidence for a neuroimaging subtype of posttraumatic stress disorder. *Science Translational Medicine*, 12 (568), https://doi.org/10.1126/scitranslmed.aaz9343

Evans, T. C., Alonso, M. R., Jagger-Rickels, A., Rothlein, D., Zuberer, A., Bernstein, J., Fortier, C. B., Fonda, J. R., Villalon, A., Jorge, R., Milberg, W., McGlinchey, R., DeGutis, J., Esterman, M. (2022). PTSD symptomatology is selectively associated with impaired sustained attention ability and dorsal attention network synchronization. *Neuroimage: Clinical,* 36, 103146. https://doi.org/10.1016/j.nicl.2022.103146

Gilbertson, M. W., Paulus, L. A., Williston, S. K., Gurvits, T. V., Lasko, N. B., Shenton, M. E. (2006). Neurocognitive function in monozygotic twins discordant for combat exposure: Relationship to posttraumatic stress disorder. *Journal of Abnormal Psychology,* 115, 484–495.

Hart, J. J., Kimbrell, T., Fauver, P., Cherry, B. J., Pitcock, J., Booe, L. Q., Tillman, G., Freeman, T. W. (2008). Cognitive dysfunctions associated with PTSD: Evidence from World War II prisoners of war. *Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neuroscience*, 20 (3), 309–316.

Jones, J. C., Barlow, D. H. (1990). The etiology of posttraumatic stress disorder. *Clinical Psychology Review,* 10, 299–328.

Kino, T., Chrousos, G. P. (2011). Circadian CLOCK-mediated regulation of target-tissue sensitivity to glucocorticoids: Implications for cardiometabolic diseases. *Endocrine Development*, 20, 116–126. https://doi.org/10.1159/000321232

Koirala, R., Aass, H. C. D., Søegaard, E. G. I., Dhakal, H. P., Ojha, S. P., Hauff, E., Thapa, S. B. (2023). Association of pro-inflammatory cytokines with trauma and post-traumatic stress disorder visiting a tertiary care hospital in Kathmandu. *PLOS One*, 18 (2), e0281125 https://doi.org/10.1371/journal.pone.0281125

Kopf, M. (2009). Trauma, narrative and the art of witnessing. In: B. Hähnel, M. Ulz (eds). *Slavery in Contemporary Art. Trauma, Memory and Visuality (pp. 41–58)*. Berlin, LIT Verlag.

Malivoire, B. L., Girard, T. A., Patel, R., Monson, C. M. (2018). Functional connectivity of hippocampal subregions in PTSD: Relations with symptoms. *BMC Psychiatry,* 18, 129 https://doi.org/10.1186/s12888-018-1716-9

Michopoulos, V., Powers, A., Gillespie, C. F., Ressler, K. J., Jovanovic, T. (2017). Inflammation in fear- and anxiety-based disorders: PTSD, GAD, and beyond. *Neuropsychopharmacology*, 42, 254–270. https://doi.org/10.1038/npp.2016.146

Mintie, D., Staples, J. K. (2018). *Reclaiming Life after Trauma: Healing PTSD with Cognitive-Behavioral Therapy and Yoga*. New York, Simon and Schuster Publ.

Padun, M. A., Lochekhina, L. I. (2009). The relationship between intelligence and post-traumatic stress in combat veterans with different levels of neuroticism. In A. L. Zhuravlev, I. A. Dzhidaryan, V. A. Barabanshchikov, V. V. Selivanov, D. V. Ushakov (eds). *Human Psychology in the Modern World* (vol. 2, pp. 373–379). Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)

Polyakov, E. A. (2020). *Relief therapy. Deep psychotherapy: monograph*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)

Porges, S. W. (1995). Orienting in a defensive world: Mammalian modifications of our evolutionary heritage. A Polyvagal Theory. *Psychophysiology*, 32, 301–318. https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1995.tb01213.x

Punski-Hoogervorst, J. L., Engel-Yeger, B., Avital, A. (2023). Attention deficits as a key player in the symptomatology of posttraumatic stress disorder: A review. *Journal of Neuroscience Research*, 101, 1068–1085. https://doi.org/10.1002/JNR. 25177

Ruppert, F., Banzhaf, H. (2019). *My body, my trauma, my-self: A collection of articles*. Moscow, Meridian-S Publ. (In Russian)

Sapolsky, R. (2020). *Psychology of stress*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)

Schneider, M., Schwerdtfeger, A. (2020). Autonomic dysfunction in posttraumatic stress disorder indexed by heart rate variability: A meta-analysis. *Psychological Medicine*, 50, 1937–1948. https://doi.org/10.1017/S003329172000207X

Shin, L. M., Whalen, P. J., Pitman, R. K., Bush, G., Macklin, M. L., Lasko, N. B., Orr, S. P., McInerney, S. C., Rauch, S. L. (2001). An fMRI Study of Anterior Cingulate Function in Posttraumatic Stress Disorder. *Biological Psychiatry*, 50 (12), 932–942. https://doi.org/10.1016/s0006-3223(01)01215-x

Shmukler, A. B. (2016). Cognitive im pairments in the structure of depressive syndrome. *Sotsial'naia i klinicheskaia psikhiatriia,* 26, 1, 72–76. (In Russian)

Tseilikman, V. E., Shevelev, O. B., Khotskin, N. V., Dotsenko, A. S., Kontsevaya, G. V., Lapshin, M. S., Moshkin, M. P., Komelkova, M. V., Feklicheva, I. V., Tseilikman, O. B., Dremencov, E., Zavjalov, E. L. (2017). Magnetic resonance spectroscopy of hippocampal and striatal neurome tabolites in experimental PTSD rat modeling. *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*, 21 (7), 783–787. https://doi.org/10.18699/VJ17.293 (In Russian)

Vartanov, A. V., Kozlovsky, S. A., Skvortsova, V. B., Sozinova, E. V., Pirogov, Yu. A., Anisimov, N. V., Kupriyanov, D. A. (2009). Human memory and anatomical features of the hippocampus. *Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology,* 4, 3–16. (In Russian)

Williamson, J. B., Porges, E. C., Lamb, D. G., Porges, S. W. (2015). Maladaptive autonomic regulation in PTSD accelerates physiological aging. *Frontiers in Psychology,* 5, 1571. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01571

Zudina, F. G. (2023). Theoretical study of coping strategies for coping with the fear of death. *Psychology and Pedagogy in Crimea: Ways of Development*, 5, 102–110. (In Russian)

Received: December 26, 2025
Accepted: April 9, 2026

Authors' information:

Anna O. Alimova — Postgraduate Student, Assistant; https://orcid.org/0009-0007-2838-0403, alimovaanna38@gmail.com
Sergei A. Igumnov — Dr. Sci. in Medicine, Professor; https://orcid.org/0000-0003-3582-9751, sa.igumnov@gmail.com
Marianna M. Glavatskikh — PhD in Psychology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0003-3185-217X, MGlavatskikh@kantiana.ru

УДК 159.9 Вестник СПбГУ. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3

Переживание посттравматического стресса в период ранней взрослости в зависимости от давности воздействия и типа стрессора*

Е. А. Никитина[a], Н. Е. Харламенкова, А. А. Барц, Н. Е. Шаталова

Институт психологии РАН,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1

Для цитирования: *Никитина Е. А., Харламенкова Н. Е., Барц А. А., Шаталова Н. Е.* Переживание посттравматического стресса в период ранней взрослости в зависимости от давности воздействия и типа стрессора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 495–509. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.308

В работе ставилась задача выявить последствия переживания психотравмирующее событие в период ранней взрослости в зависимости от типа и давности такого события. В исследовании приняли участие 123 респондента в возрасте от 18 до 24 лет (M = 20,2, SD = 0,4), давшие ответы на вопросы методик PCL-5 и SCL-90-R, оценивающих симптомы психотравматизации, а также опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф. Показано, что опыт переживания молодыми людьми травматических событий разных типов, таких как собственное заболевание или травма, утрата члена семьи или опасная для жизни болезнь близкого, приводит к развитию специфической симптоматики. Самые тяжелые последствия наблюдаются в случае тяжелого заболевания близкого человека, которое с большой вероятностью может привести к его смерти — симптомы посттравматического стресса и психопатологическая симптоматика выражены сильнее, чем для других типов травмы, их снижения со временем не обнаружено. Угроза потери близкого часто сопровождается переживаниями (например, чувствами вины и гнева), нарушает привычную иерархию семейных отношений, вынуждает перераспределять ролевые обязанности и зоны ответственности и совершать скачок в развитии чувства взрослости. Утрата близкого человека переживается респондентами острее, чем собственное заболевание, при этом зафиксирована значимая отрицательная связь выраженности симптомов вторжения, избегания и возбудимости и времени, прошедшего с момента события. Собственное заболевание оказывает менее психотравмирующее воздействие на человека, что может быть связано как с меньшей клинической тяжестью пережитых заболеваний, так и с проявлением действия защитных механизмов, оберегающих молодых людей от мыслей о возможности своей смерти. Значимых различий в общем уровне психологического благополучия и его отдельных показателей у молодых людей, переживших травмы описанных выше типов, не выявлено.

Ключевые слова: посттравматический стресс, категории стрессоров, психопатологическая симптоматика, давность травмы, психологическое благополучие.

Temporal indicators of experience of posttraumatic stress in early adulthood:

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00366; https://rscf.ru/project/25-18-00366/

[a] Автор для корреспонденции.

© Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова, А. А. Барц, Н. Е. Шаталова, 2026

Delay and retire of exposure to different stressors*

E. A. Nikitina[a], *N. E. Kharlamenkova, A. A. Barts, N. E. Shatalova*

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Building 1, 13, ul. Yaroslavskaya, Moscow, 129366, Russian Federation

For citation: Nikitina E. A., Kharlamenkova N. E., Barts A. A., Shatalova N. E. Temporal indicators of experience of posttraumatic stress in early adulthood: Delay and retire of exposure to different stressors. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 495–509. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.308 (In Russian)

The objective of this study was to identify the consequences of experiencing a psychotraumatic event among respondents of young adult age, depending on the type and recency of such an event. The study involved 123 respondents (18–24 years, M = 20.2, SD = 0.4), who completed the PCL-5 and SCL-90-R questionnaires assessing psychotraumatization symptoms, and Ryff Scales of Psychological Well-Being. It is shown that young people's experience of different types of traumatic events, such as personal illness or injury, loss of a family member, or a life-threatening illness of a close person, leads to the development of specific symptomatology. The most severe consequences are observed in the case of a serious illness of a close person — symptoms of post-traumatic stress are more pronounced than for other traumas, and no decrease over time was found. The threat of losing a close person is often accompanied by negative feelings (guilt and anger), it disrupts the hierarchy of family relationships, forces a redistribution of responsibility areas, and necessitates to grow up faster. The loss of a close person demonstrates a negative correlation between the stress symptoms and the time elapsed since the event. Personal illness has a less psychotraumatic impact on an individual, which may be associated with the lesser clinical severity of the illnesses and with the operation of defense mechanisms that protect young people from thoughts about the possibility of their own death. No significant differences in psychological well-being were found between young people who had experienced any type of trauma.

Keywords: post-traumatic stress, categories of stressors, psychopathological symptomatology, time since trauma, psychological well-being.

Введение

Известно, что время, прошедшее с момента воздействия на человека интенсивного стрессора, не может не оказывать значимого влияния на его психическое состояние, при этом сомнительной видится возможность описания связи давности травмы и сопряженного с ней посттравматического стресса в соответствии с житейским и давно устоявшимся правилом — «время лечит».

В многочисленных публикациях показано, что в период, следующий за травматическим событием, наблюдается заметная вариативность и нелинейность траекторий переживания стресса. У 10–15 % респондентов регистрируются хронические, наблюдаемые в течение десяти и более лет, проявления ПТСР, у 15–20 % диагностируется выраженная симптоматика, которая со временем снижается, примерно у половины людей отсутствуют клинически значимые проявления заболевания

* The study was funded by the Russian Science Foundation project no. 25-18-00366; https://rscf.ru/project/25-18-00366/.

[a] Author for correspondence.

(Galatzer-Levy et al., 2018), при этом часть респондентов демонстрирует признаки посттравматического роста (Chen et al., 2022; Poandl et al., 2026).

Считалось, что ПТСР развивается в первые месяцы после травматического события, однако результаты исследований начала 2000-х гг. показали, что в 20–30 % случаев проявления, соответствующие диагностическим критериям ПТСР, могут быть отсрочены на шесть и более месяцев, при этом бессимптомное начало развития ПТСР встречалось довольно редко; чаще выявлялось обострение или реактивация предшествующих симптомов в ответ на новый стресс, выступающий в роли триггера (Andrews et al., 2007). Динамика травматического стресса как процесса, характеризуемого сменой периодов рецидива и ремиссии, отмечается в работах Н. Е. Харламенковой (Харламенкова, 2025).

Метаанализ, выполненный скандинавскими исследователями, продемонстрировал наличие разнообразия в сопряженности давности травмы и интенсивности стресса для стрессоров, относящихся к разным категориям: посттравматическая реакция на такие психотравмирующие события, как участие в боевых действиях и несчастные случаи, возникает позднее по сравнению с переживанием по поводу угрожающего жизни заболевания или серьезной физической травмы (Utzon-Frank et al., 2014). Авторы полагают, что наиболее тяжелые травматические стрессоры, прежде всего антропогенного характера, могут приводить и к более высокому риску развития симптомов ПТСР.

Установлено, что в случае фальсификации гипотезы об однозначной связи типа травматического события и интенсивности посттравматического стресса дальнейшая проверка предположения должна строиться на основе учета ряда дополнительных переменных — уровня тревожности, стратегий регуляции эмоций (в частности установки на их подавление), половых различий и др. (Quale et al., 2009). Не менее важен и вклад когнитивных факторов в развитие хронического ПТСР. В лонгитюдном исследовании Е. Бирл (E. Beierl) с коллегами на большой по объему выборке респондентов ($n = 828$), переживших дорожно-транспортное происшествие или физическое насилие, то есть участников исследования, имеющих телесные повреждения, выявлено, что развитие посттравматической симптоматики через шесть месяцев после инцидента предсказывалось негативными оценками и несистематизированными (диффузными) воспоминаниями о событии, влияние типа травмы и пола было опосредовано когнитивными факторами (Beierl et al., 2019).

Данные зарубежных коллег подтверждают тот факт, что при отсутствии адекватной профессиональной помощи негативные убеждения, связанные с психической травмой, имеют тенденцию со временем ухудшаться (Dunmore et al., 2001; O'Donnell et al., 2007; Dekel et al., 2013). В работе М. О'Доннела (M. O'Donnell) с коллегами, проведенной на выборке респондентов, получивших физическую травму, обнаружены усиливающиеся со временем когнитивные нарушения, прямо и косвенно предсказывающие тяжесть симптомов ПТСР (O'Donnell et al., 2007).

Лонгитюдное исследование Е. Виссер (E. Visser) с коллегами подтвердило стабильность траекторий посттравматического функционирования 267 респондентов в возрасте от 38 до 70 лет (Visser et al., 2022). Выявлено, что при замерах в 3, 6, 9 и 12 месяцев после травмы 36,1 % пациентов демонстрировали симптомы ПТСР на протяжении всего периода обследования. Важно при этом отметить, что устойчивость и нарастание симптоматики ПТСР может быть связано с высокой тревожно-

стью и депрессией, а ее снижение — с благополучием и качеством жизни (Karchoud et al., 2024), а также с жизнестойкостью (Camargo et al., 2025).

Вопрос о давности воздействия травматического события, то есть о том, когда оно произошло, является оборотной стороной вопроса об отсроченности во времени симптоматики ПТС, ответ на который может быть дан в том числе со ссылкой на детские и отроческие годы (Алексеева, 2022). Многочисленные эмпирические исследования показывают, что уже в период ранней взрослости психотравмирующий опыт, пережитый в детстве, может провоцировать развитие физических (онкозаболевания, бронхиальная астма и др.) и психических заболеваний, аутоагрессивного поведения (Блинова и др., 2020; Алматова, Каражанова, 2021) химических (нарко- и алкозависимость) и поведенческих (интернет-зависимость) аддикций (Макеева, Свешникова, 2025; Tong et al., 2024), служить причиной искажения образа мира, когнитивных нарушений и формирования иррациональных установок (Петрова, 2017).

В то же время в исследованиях психической травматизации рассматривается медиаторный эффект психологического благополучия во временно*й* перспективе (Ala et al., 2024), отмечается значимый вклад психологического благополучия в посттравматический рост индивида (Bhatia, 2025).

При этом понятно, что устойчивость симптоматики ПТСР может быть тесно связана и с давностью, и с типом события (утратой близкого, угрожающим жизни заболеванием, природными и техногенными катастрофами и др.) (de Vries, Olff, 2009).

Представляется, что сравнение уровня дистресса и сопутствующей психопатологической симптоматики с учетом давности событий, таких как утрата близкого человека, угрожающее жизни заболевание, тяжелая болезнь родственника или друга, критически нарушающих устойчивость и целостность представлений о себе, привязанность к значимым объектам, могут дать ответ на поставленные нами вопросы, что и является целью настоящего исследования.

Методики

Методика Posttraumatic Stress Disorder Checklist (PCL-5) — русскоязычная версия адаптирована в 2017 г. в Институте психологии РАН (Тарабрина и др., 2017), представляет собой опросник, позволяющий выявить наличие и выраженность симптомов, соответствующих критериям DSM-5, по четырем шкалам: «Вторжение», «Избегание», «Негативные изменения когнитивных процессов и настроения» и «Возбудимость».

Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-r-Revised, SCL-90-R) в русскоязычной адаптации (Тарабрина и др., 2007) состоит из 90 вопросов, позволяющих диагностировать наличие отдельных психопатологических симптомов, а также определить общий индекс тяжести симптомов и индекс наличного симптоматического дистресса.

Опросник «Шкала психологического благополучия» (The scales of psychological well-being) К. Рифф (C. Ryff) в адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной (2011) включает 54 пункта, объединенных в шесть шкал: «Положительные отношения с другими», «Автономия», «Управление окружением», «Личностный рост», «Цель в жизни», «Самопринятие». Общее количество баллов позволяет определить также общий показатель психологического благополучия.

Различия между выделенными группами выявлялись с помощью U-критерия Манна — Уитни, связи между переменными — с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Выборка

Участниками исследования стали жители разных регионов России (Москвы, Казани, Донецка, Читы и др.). Различия в результатах респондентов при их сравнении по переменной «место проживания» выявлены не были, что позволило рассматривать данные без учета этого показателя. Первоначальный объем выборки составил 309 человек, указавших на наличие психотравмирующего события в предшествующей жизни. Такие события можно было отнести к одной из десяти содержательных категорий, например к бытовому стрессу (семейные ссоры), профессиональному стрессу (высокая ответственность стоящих задач, их решения, выгорание), сексуальному насилию, нахождению в зоне СВО и др. Для решения задач исследования были отобраны результаты 123 человек в возрасте от 18 до 24 лет (M = 20,2, SD = 0,4), 96 женщин и 27 мужчин, переживших психотравмирующее событие одной из трех категорий: утрату близкого (в результате болезни или травмы), перенесенное заболевание, представлявшее, с точки зрения респондента, опасность для его жизни, и угрожающее жизни заболевание близкого человека. Большинство респондентов — 114 человек (92,68 %) не состоят в браке, замужем — 8 человек, 1 респондент в разводе; 25 человек имеет среднее образование, 6 — среднее специальное, 77 — неоконченное высшее образование.

В соответствии с указанными психотравмирующими событиями выборка была разделена на три группы: 1 — утрата близкого (смерть родителей и прародителей) (n = 70 чел.), 2 — собственное заболевание (соматические заболевания и травмы) (n = 25 чел., 36 % указали на переломы и спортивные травмы, 48 % — хронические заболевания, чаще легких, сердца и ЖКТ, 16 % — подозрения на онкологию), 3 — болезнь близкого, угрожающая его жизни (онкологические, сердечно-сосудистые и др. заболевания) (n = 28 чел.). В каждой из трех групп давность психотравмирующего события составляла от 0,5 до 11 лет, средний срок давности составил от 4,6 до 5,2 лет.

Результаты

Наиболее тяжелым событием, часто вызывающим выраженный посттравматический стресс, является утрата близкого, которая, в зависимости от ряда особенностей — внезапности потери, характера смерти (естественная или насильственная), утраты родителем ребенка и др., определяет комплексность и вариативность эмоциональных реакций человека. Переживание утраты может меняться в зависимости от периода взросления и опыта тяжелых потерь, типа привязанности.

Понятно, что при нормативных социальных условиях жизни взрослые люди в возрасте 20–30 лет уже имеют опыт воздействия психотравмирующих стрессоров, но по своей насыщенности он отличается от опыта переживания подобных событий представителями старших поколений. Следует также допустить, что в период ранней взрослости случай утраты может стать первым эпизодом потери, который обычно воспринимается крайне остро.

Тяжелое, угрожающее жизни заболевание близкого, а также собственное опасное заболевание переживаются амбивалентно: с одной стороны, как реальная опасность, которая может стать причиной смерти, вызывая чувства тревоги, интенсивного страха, ужаса, а с другой — как событие, вселяющее надежду на выздоровление, на преодоление стресса и на совладание с ним. Представляется, что собственное заболевание оказывает менее психотравмирующее воздействие на человека по сравнению с заболеванием близкого. Аутентичный страх смерти, объясняющий стремление человека к самосохранению, наиболее глубоко переживаемый в детстве, юности и ранней взрослости, однако, не достигает уровня стресса, вызванного угрозой потери объекта привязанности, и может быть менее травматичным по сравнению с переживанием за близкого человека. Представления о меньшей летальности даже серьезных заболеваний в молодости оберегают респондентов от негативных мыслей о смерти.

Приведенные нами доводы позволяют сформулировать следующую гипотезу: по сравнению с собственным заболеванием, которое в период ранней взрослости чаще всего вызвано травматизмом и острыми хирургическими патологиями, утрата и опасная для жизни болезнь близкого человека способствуют развитию более тяжелых переживаний — выраженного посттравматического стресса, который редуцируется со временем давности травмы, и сопряженной с ним психопатологической симптоматики.

Для проверки первой части гипотезы представим данные методики PCL-5, используемой для оценки симптомов посттравматического стресса (ПТС) (табл. 1–3).

Данные, приведенные в табл. 1, демонстрируют наличие значимых различий между симптомами ПТС, а именно между вторжением и возбудимостью, вызванными утратой и собственным заболеванием; на уровне тенденции наблюдается повышение симптоматики избегания в группе респондентов, переживающих потерю близкого человека (отца, матери, прародителей), что частично подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Сравнение данных двух групп респондентов, указавших в качестве наиболее психотравмирующего события угрожающее жизни заболевание — собственную болезнь или травму либо болезнь близкого (табл. 2), дает основание полагать, что в период ранней взрослости тяжелое заболевание значимого для субъекта человека, которое с большой вероятностью может завершиться смертью, сопровождается глубоко психотравмирующими переживаниями: интрузией, изменением настроения (например, выраженными чувствами вины и гнева), снижением памяти, изменением других когнитивных процессов, гипербдительностью и реактивностью. Угроза потери близкого нарушает привычную иерархию семейных отношений, вынуждает перераспределять ролевые обязанности и зоны ответственности, а также совершать вынужденный скачок в развитии чувства взрослости. В отличие от проблем со здоровьем близких людей, собственная болезнь 18–24-летнего человека фиксирует привычные ролевые ожидания, закрепляя сложившиеся ранее обязанности и ответственность старшего поколения за выздоровление и психологическое благополучие молодых.

Данные табл. 3 подтверждают наличие наибольшего сходства между утратой и болезнью близкого, показывая при этом, что по отдельным симптомам угроза

Таблица 1. **Симптомы ПТС и значимые различия между ними в группах «Утрата» и «Собственное заболевание»**

Симптомы посттравматического стресса	Утрата, $n = 70$		Собственное заболевание, $n = 25$		Значение критерия U Манна — Уитни	p
	среднее	медиана	среднее	медиана		
Вторжение	4,92	4,0	3,48	2,0	641,00	0,047*
Избегание	2,19	2,0	1,40	1,0	664,50	0,068
Изменения когнитивных процессов и настроения	4,43	2,0	3,44	2,0	706,00	0,146
Возбудимость и реактивность	3,24	3,0	1,72	0,0	582,50	0,012*
Общий балл	14,79	12,0	10,04	4,0	602,50	0,021*

Примечание: * различия значимы на уровне 0,05.

Таблица 2. **Симптомы ПТС и значимые различия между ними в группах «Болезнь близкого» и «Собственное заболевание»**

Симптомы посттравматического стресса	Болезнь близкого, $n = 28$		Собственное заболевание, $n = 25$		Значение критерия U Манна — Уитни	p
	среднее	медиана	среднее	медиана		
Вторжение	6,96	6,5	3,48	2,0	210,50	0,012*
Избегание	2,21	1,5	1,40	1,0	281,50	0,207
Изменения когнитивных процессов и настроения	6,11	4,0	3,44	2,0	210,00	0,012*
Возбудимость и реактивность	6,04	4,5	1,72	0,0	174,00	0,001**
Общий балл	21,32	21,0	10,04	4,0	198,50	0,007**

Примечания: * различия значимы на уровне 0,05; ** на уровне 0,01.

Таблица 3. **Симптомы ПТС и значимые различия между ними в группах «Утрата» и «Болезнь близкого»**

Симптомы посттравматического стресса	Утрата, $n = 70$		Болезнь близкого, $n = 28$		Значение критерия U Манна — Уитни	p
	среднее	медиана	среднее	медиана		
Вторжение	4,92	4,0	6,96	6,5	753,00	0,073
Избегание	2,19	2,0	2,21	1,5	961,00	0,879
Изменения когнитивных процессов и настроения	4,43	2,0	6,11	4,0	752,00	0,071
Возбудимость и реактивность	3,24	3,0	6,04	4,5	689,50	0,021*
Общий балл	14,79	12,0	21,32	21,0	745,50	0,065

Примечание: * зазличия значимы на уровне 0,05.

смерти вызывает более сильные по интенсивности переживания (возбудимость и реактивность), чем совершившаяся утрата.

Сформулированная нами гипотеза частично подтверждается при сопоставлении данных опросника SCL-90-R (табл. 4–6).

Таблица 4. **Психопатологическая симптоматика в группах «Утрата» и «Собственное заболевание»**

Психопатологическая симптоматика	Утрата, $n = 70$		Собственное заболевание, $n = 25$		Значение критерия U Манна — Уитни	p
	среднее	медиана	среднее	медиана		
Соматизация	0,63	0,5	0,53	0,4	784,50	0,443
Обсессивность-компульсивность	0,80	0,6	0,67	0,5	796,50	0,571
Межличностная сензитивность	0,67	0,4	0,54	0,2	701,50	0,140
Депрессия	0,78	0,6	0,71	0,5	782,50	0,493
Тревожность	0,60	0,4	0,50	0,3	833,00	0,721
Враждебность	0,54	0,5	0,38	0,2	741,50	0,253
Фобическая тревожность	0,37	0,1	0,25	0,1	788,50	0,440
Паранойяльные симптомы	0,47	0,3	0,35	0,2	773,00	0,376
Психотизм	0,29	0,1	0,31	0,2	793,50	0,477
PST	30,17	29,5	25,80	24,0	766,00	0,357
GSI	0,59	0,5	0,49	0,4	765,00	0,352
PSDI	1,57	1,4	1,52	1,4	813,50	0,982

Примечания: PST — общее количество симптомов; GSI — индекс тяжести симптомов; PSDI — индекс наличного симптоматического дистресса. Эти же обозначения использованы в табл. 5 и 6.

Примечательно, что переживание травматических событий «Утрата» и «Собственное заболевание» не различаются по уровню психопатологической симптоматики (табл. 4), но каждый из этих стрессоров отличается от травматического события «Болезнь близкого» (табл. 5 и 6).

По сравнению с переживанием утраты болезнь близкого сопровождается повышенной межличностной сензитивностью, подозрительностью, то есть неуверенностью в возможности построения равных отношений с другими людьми, в своей привлекательности для них, в способности быть ими принятым, которая, как мы полагаем, компенсируется фиксацией на навязчивых мыслях и повторяющихся действиях (табл. 5).

Аналогично различиям в выраженности симптомов посттравматического стресса получены данные о наибольшей уязвимости респондентов, переживших событие, связанное с тяжелой болезнью близкого человека, по сравнению с теми, кто сам получил серьезную травму или перенес угрожающее жизни заболевание

Таблица 5. **Психопатологическая симптоматика в группах «Утрата» и «Болезнь близкого»**

Психопатологическая симптоматика	Утрата, $n = 70$		Болезнь близкого, $n = 28$		Значение критерия U Манна — Уитни	p
	среднее	медиана	среднее	медиана		
Соматизация	0,63	0,5	0,99	0,7	750,00	0,070
Обсессивность-компульсивность	0,80	0,6	1,24	1,2	671,00	0,019*
Межличностная сензитивность	0,67	0,4	1,04	0,8	674,50	0,016*
Депрессия	0,78	0,6	1,06	0,9	794,00	0,170
Тревожность	0,60	0,4	0,91	0,7	748,00	0,067
Враждебность	0,54	0,5	0,83	0,7	740,50	0,057
Фобическая тревожность	0,37	0,1	0,43	0,4	827,50	0,323
Паранойяльные симптомы	0,47	0,3	0,74	0,6	758,50	0,076
Психотизм	0,29	0,1	0,48	0,3	706,50	0,027*
PST	30,17	29,5	40,93	41,5	734,00	0,053
GSI	0,59	0,5	0,89	0,8	717,00	0,039*
PSDI	1,57	1,4	1,74	1,8	710,50	0,051*

Примечание: * различия значимы на уровне 0,05.

(табл. 6). Кроме межличностной сензитивности и обсессивности-компульсивности, усиливаются симптомы враждебности и паранойяльности. С большой вероятностью могут проявлять себя соматизация и тревожность.

В проведенном нами исследовании выявлена специфика связи симптомов ПТС и давности травматического события (табл. 7). Важно отметить, что наибольший разброс в характере связей между этими показателями наблюдается при оценке коэффициента корреляции в группе «Болезнь близкого»; такой же результат получен при оценке давности и параметров психологического благополучия, которое мы рассматриваем как буфер развития симптомов ПТС. Отсутствие значимых корреляций между давностью события, ПТС и психологическим благополучием указывает на большое разнообразие сопряженности этих показателей, то есть на необходимость учета дополнительных переменных — близость эмоциональных связей, тип привязанности, угроза рецидива болезни и др. (Müller et al., 2013; Харламенкова, 2025).

Симптомы ПТС, вызванные собственным заболеванием, прежде всего когнитивные дисфункции и настроение, могут быть по истечении времени снижены, при этом снижается и компетентность (rS = –0,460, $p = 0,036$), а в тенденции — личностный рост (rS = –0,408, $p = 0,06$) (опросник «Шкала психологического благополучия»), что, как мы полагаем, существенно сужает спектр ресурсов совладания со стрессом.

Давность утраты наиболее тесно связана с переживанием травматического события, а именно с симптомами вторжения, избегания, возбудимости и с общим показателем ПТС по принципу редукции остроты стресса со временем;

Таблица 6. **Психопатологическая симптоматика в группах «Болезнь близкого» и «Собственное заболевание»**

Симптом	Болезнь близкого, $n = 28$		Собственное заболевание, $n = 25$		Значение критерия U Манна — Уитни	p
	среднее	медиана	среднее	медиана		
Соматизация	0,99	0,7	0,53	0,4	248,50	0,070
Обсессивность-компульсивность	1,24	1,2	0,67	0,5	217,00	0,018*
Межличностная сензитивность	1,04	0,8	0,54	0,2	182,00	0,003**
Депрессия	1,06	0,9	0,71	0,5	254,00	0,087
Тревожность	0,91	0,7	0,50	0,3	250,00	0,074
Враждебность	0,83	0,7	0,38	0,2	216,00	0,016*
Фобическая тревожность	0,43	0,4	0,25	0,1	250,00	0,095
Паранойяльные симптомы	0,74	0,6	0,35	0,2	240,00	0,044*
Психотизм	0,48	0,3	0,31	0,2	269,50	0,146
PST	40,93	41,5	25,80	24,0	220,50	0,021*
GSI	0,89	0,8	0,49	0,4	231,00	0,034*
PSDI	1,74	1,8	1,52	1,4	218,00	0,030*

Примечания: * различия значимы на уровне 0,05; ** на уровне 0,01.

Таблица 7. **Связь симптомов посттравматического стресса и давности воздействия травматического события по критерию r_s Спирмена**

Симптомы ПТС	Давность травматичного события					
	утрата		болезнь близкого		собственное заболевание	
	r_s	p	r_s	p	r_s	p
Вторжение	–0,561**	0,001	–0,111	0,641	–0,104	0,654
Избегание	–0,443**	0,001	–0,123	0,606	–0,119	0,608
Изменения когнитивных процессов и настроения	–0,127	0,357	–0,139	0,558	**–0,459***	**0,036**
Возбудимость	–0,405**	0,002	0,185	0,436	–0,15	0,517
Общий балл	–0,438**	0,001	–0,036	0,88	–0,26	0,255

Примечания: * корреляция значима на уровне 0,05; ** на уровне 0,01.

связь давности с показателями психологического благополучия отсутствует. Характер связи между ПТС и давностью утраты указывает на то, что гипотеза верифицирована.

Очевидные различия в переживании утраты и болезни близкого в период ранней взрослости позволяют сформулировать новые исследовательские задачи, ожидающие своего решения в ближайшей перспективе.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования указывают на специфичность воздействия на первый взгляд схожих травматичных событий.

В случае утраты близкого выявлено последовательное угасание посттравматической симптоматики со временем, что не соответствует нашей гипотезе, предположительно, в связи с тем, что для этого стрессора не характерна рецидивирующая травматизация, в отличие от травм, связанных с угрожающим жизни заболеванием. Полученные данные согласуются с результатами лонгитюдного исследования А. И. Грековой-Кононовой, выявившего положительную динамику образа мира по шкалам легкости, радости, простоты и жизнерадостности у респондентов, переживших утрату близкого (Грекова-Кононова, 2024).

Наибольшая тяжесть воздействия выявлена у стрессора «Болезнь близкого», что, вероятнее всего, связано с латентным протеканием симптоматики посттравматического стресса. Болезнь близкого может приобретать характер пролонгированного события, что способствует подавлению и, в сущности, сохранению состояния дистресса. Кроме того, забота о больном родственнике часто существенно снижает степень свободы в удовлетворении своих потребностей, выступая в качестве причины личностного конфликта, тем самым способствуя увеличению тяжести переживания ПТС. Эти предположения подтверждаются результатами диагностики психопатологической симптоматики, которая наиболее выражена в группе респондентов, указавших в качестве тяжелого жизненного события болезнь родственника. Идентификация с больным, интроекция переживаний близкого на себя, а также проекция страхов, связанных с собственной уязвимостью, менее осознанные когнитивные стратегии способствуют, как мы думаем, латентному течению симптоматики ПТС. Отсутствие связи между уровнем ПТС и давностью травмы свидетельствует о более сложной картине развития симптомов психотравматизации при переживании угрожающего жизни заболевания близкого. Вероятная положительная связь между переменными свидетельствует о травме болезни близкого, которая произошла в детстве и совпала с осознанием ребенком факта собственной смертности, а отрицательная связь — о когнитивной и эмоциональной переработке этого опыта с возрастом.

В целом следует отметить, что психотравмирующее событие, связанное с опасной для жизни болезнью близкого человека, проявляет себя комплексом тесно сопряженных признаков посттравматического стресса и психопатологической симптоматики, которые создают неблагоприятные психологические условия для развития личности в период ранней взрослости. Потеря уверенности в ресурсности значимых для человека материнской и отцовской фигур, в эмоциональной и инструментальной поддержке прародителей и других близких родственников может негативно повлиять на решение задач взросления на последующих этапах онтогенеза.

Выводы

1. Показано, что воздействие событий разного типа — собственного угрожающего жизни заболевания, смерти или опасной для жизни болезни близкого — сопряжено с разными психологическими последствиями их влияния. Наиболее значимые различия стресса выявляются при сопоставлении последствий тяжелого

заболевания близкого человека и своей собственной болезни или травмы, в соответствии с которыми собственная болезнь воспринимается молодым человеком как менее травматичная и по симптомам посттравматического стресса, и по психопатологической симптоматике.

2. Утрата близкого человека переживается респондентами острее, чем собственное заболевание, что связано с высокими значениями по признакам вторжения, возбудимости и реактивности, общему показателю посттравматического стресса; различий по психопатологической симптоматике не выявлено.

3. Сопряженность давности травматического события и интенсивности посттравматического стресса по принципу обратной связи выявлена при переживании утраты близкого и лишь частично — при переживании по поводу собственного заболевания. Отсутствие связи симптомов ПТС с давностью травматического события — угрожающего жизни заболевания близкого, свидетельствует о более сложной картине сопряженности этих показателей.

Литература

Алексеева С. А. Предрасполагающая роль детских психических травм при иммуновоспалительных ревматических заболеваниях и психических расстройствах // Научно-практическая ревматология. 2022. Т. 60, № 4. С. 438–444. https://doi.org/10.47360/1995-4484-2022-438-444

Алматова А. Б., Каражанова А. С. Оценка влияния неблагоприятного детского опыта на формирование аутоагрессивного поведения онкологических больных // Вопросы продуктивного взаимодействия в процессе обмена знаниями: сб. науч. тр. Казань: СитИвент, 2021. С. 228–232.

Блинова К. А., Пчелинцева Е. В., Лапочкина Н. П. Клинический случай сочетанной коррекции детского психотравмирующего опыта и дистресса при развитии онкологического заболевания // Исследования и практика в медицине. 2020. Т. 7, № 1. С. 75–82. https://doi.org/10.17709/2409-2231-2020-7-1-8

Грекова-Кононова А. И. Динамика образа мира личности в ситуации утраты близкого человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, вып. 2. С. 260–277. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.204

Макеева Н. Ю., Свешникова Л. М. Анализ травматичного детского опыта и личностных особенностей у лиц с алкогольной зависимостью // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2025. № 2 (71). С. 101–110. https://doi.org/10.26456/vtpsyped/2025.2.101

Петрова Е. А. Влияние детского психотравматического опыта на формирование иррациональных установок взрослых // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 1. С. 44–48.

Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макарчук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.

Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Ин-т психологии РАН, 2017.

Харламенкова Н. Е. Посттравматический стресс: рецидивирующий или латентный характер проявления признаков // Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, Ю. В. Быховец (ред.). Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика. М.: Ин-т психологии РАН, 2025. С. 109–115.

Ala S., Ramos-Campos F., Relva I. C. Symptoms of post-traumatic stress and mental health in a sample of university students: The mediating role of resilience and psychological well-being // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. 2024. Vol. 14, no. 8. P. 2262–2281.

Andrews B., Brewin C. R., Philpott R., Stewart L. Delayed-onset posttraumatic stress disorder: A systematic review of the evidence // American Journal of Psychiatry. 2007. Vol. 164, no. 9. P. 1319–1326. https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.06091491

Beierl E. T., Böllinghaus I., Clark D. M., Glucksman E., Ehlers A. Cognitive paths from trauma to posttraumatic stress disorder: A prospective study of Ehlers and Clark's model in survivors of assaults or road traffic collisions // Psychological Medicine. 2019. Vol. 50, no. 13. P. 1–10. https://doi.org/10.1017/S0033291719002253

Bhatia S. The Impact of Mental Well-Being on Trauma Recovery // International Journal of Interdisciplinary Approaches in Psychology. 2025. Vol. 3, no. 5. P. 432–443.

Camargo A., Casiraghi L. P., Vargas R., Trujillo M. Psychological resilience and post-traumatic stress disorder: a systematic review and meta-analysis of the effects of intentional and unintentional trauma before the COVID-19 pandemic // Middle East Current Psychiatry. 2025. Vol. 32. Art. 35. https://doi.org/10.1186/s43045-025-00528-8

Chen Z. J., Bechara A. O., Cowden R. G., Worthington Jr. E. L. Perceived posttraumatic growth after interpersonal trauma and subsequent well-being among young Colombian adults: A longitudinal analysis // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. 993609.

Dekel S., Peleg T., Solomon Z. The relationship of PTSD to negative cognitions: A 17-year longitudinal study // Psychiatry. 2013. Vol. 76, no. 3. P. 241–255. https://doi/org/10.1521/psyc.2013.76.3.241

de Vries G. J., Olff M. The lifetime prevalence of traumatic events and posttraumatic stress disorder in the Netherlands // Journal of Traumatic Stress. 2009. Vol. 22. P. 259–267.

Dunmore E., Clark D. M., Ehlers A. A prospective investigation of the role of cognitive factors in persistent posttraumatic stress disorder (PTSD) after physical or sexual assault // Behaviour Research and Therapy. 2001. Vol. 39, no. 9. P. 1063–1084. https://doi/org/10.1016/S0005-7967(00)00088-7

Galatzer-Levy I. R., Huang S. H., Bonanno G. A. Trajectories of resilience and dysfunction following potential trauma: A review and statistical evaluation // Clinical Psychology Review. 2018. Vol. 63. P. 41–55.

Karchoud J. F., Haagsma J., Karaban I., Hoeboer C., van de Schoot R., Olff M., van Zuiden M. Long-term PTSD prevalence and associated adverse psychological, functional, and economic outcomes: A 12–15-year follow-up of adults with suspected serious injury // European Journal Psychotraumatol. 2024. Vol. 15, no. 1. Art. 2401285. https://doi/org/10.1080/20008066.2024.2401285

Müller R., Rauch A., Cieza A., Geyh S. Social support and functioning in a patient with spinal cord injury: the role of social skills // International Journal of Rehabilitation Research. 2013. Vol. 36, no. 3. P. 236–245.

O'Donnell M. L., Elliott P., Wolfgang B. J., Creamer M. Post-traumatic appraisals in the development and persistence of posttraumatic stress symptoms // Journal of Traumatic Stress. 2007. Vol. 20, no. 2. P. 173–182. https://doi/org/10.1002/jts.20198

Poandl M. M., Gutierrez D., Kitching E. Posttraumatic growth following interpersonal trauma: The roles of social desirability, spiritual bypass, and optimism // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2026. Vol. 35, iss. 4. P. 519–537. https://doi.org/10.1080/10926771.2026.2646521

Quale A. J., Schanke A. K., Frøslie K. F., Røise O. Severity of injury does not have any impact on posttraumatic stress symptoms in severely injured patients // Injury. 2009. Vol. 40, no. 5. P. 498–505. https://doi/org/10.1016/j.injury.2008.11.006

Tong L., Kuzminskaite E., Hovens J., Jeuring H. W., Krause-Utz A., Vinkers C. H., Penninx B. W. J. H. The influence of childhood trauma on multiple unhealthy lifestyle behaviors in adulthood // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2024. Vol. 33, no. 6. P. 776–796. https://doi.org/10.1080/10926771.2024.2307380

Utzon-Frank N., Breinegaard N., Bertelsen M., Borritz M., Eller N. H., Nordentoft M., Olesen K., Rod N. H., Rugulies R., Bonde J. P. Occurrence of delayed-onset post-traumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis of prospective studies // Scandinavian Journal of Work, Environment and Health. 2014. Vol. 40, no. 3. P. 215–229. https://doi/org/10.5271/sjweh.3420

Visser E., Den Oudsten B. L., Lodder P., Gosens T., De Vries J. Psychological risk factors that characterize acute stress disorder and trajectories of posttraumatic stress disorder after injury: A study using latent class analysis // European Journal of Psychotraumatology. 2022. Vol. 13, no. 1. Art. 2006502. https://doi/org/10.1080/20008198.2021.2006502

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2025 г.;
рекомендована к печати 8 апреля 2026 г.

Контактная информация:

Никитина Елена Альфредовна — канд. психол. наук, вед. науч. сотр.; https://orcid.org/0000-0001-8609-2281, nikitinaea@ipran.ru
Харламенкова Наталья Евгеньевна — д-р психол. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0002-0508-4157, harlamenkovane@ipran.ru
Барц Алена Александровна — мл. науч. сотр.; https://orcid.org/0009-0008-2110-9626, barts.alyona313@mail.ru
Шаталова Надежда Евгеньевна — вед. науч. сотр.; https://orcid.org/0000-0003-1413-7529, shatalovane@ipran.ru

References

Ala, S., Ramos-Campos, F., Relva, I. C. (2024). Symptoms of post-traumatic stress and mental health in a sample of university students: The mediating role of resilience and psychological well-being. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*, 14 (8), 2262–2281.

Alekseeva, S. A. (2022). Predisposing role of childhood mental trauma in immunoinflammatory rheumatic diseases and mental disorders. *Nauchno-prakticheskaia revmatologiia*, 60 (4), 438–444. https://doi.org/10.47360/1995-4484-2022-438-444 (In Russian)

Almatova, A. B., Karazhanova, A. S. (2021). Assessment of the influence of adverse childhood experience on the formation of autoaggressive behavior in cancer patients. In *Voprosy produktivnogo vzaimodeistviia v protsesse obmena znaniiami: sbornik nauchnykh trudov* (pp. 228–232). Kazan, SitIvent Publ. (In Russian)

Andrews, B., Brewin, C. R., Philpott, R., Stewart, L. (2007). Delayed-onset posttraumatic stress disorder: A systematic review of the evidence. *American Journal of Psychiatry*, 164 (9), 1319–1326. https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.06091491

Beierl, E. T., Böllinghaus, I., Clark, D. M., Glucksman, E., Ehlers, A. (2019). Cognitive paths from trauma to posttraumatic stress disorder: A prospective study of Ehlers and Clark's model in survivors of assaults or road traffic collisions. *Psychological Medicine*, 50 (13), 1–10. https://doi.org/10.1017/S0033291719002253

Bhatia, S. (2025). The impact of mental well-being on trauma recovery. *International Journal of Interdisciplinary Approaches in Psychology*, 3 (5), 432–443.

Blinova, K. A., Pchelintseva, E. V., Lapochkina, N. P. (2020). Clinical case of combined correction of childhood psychotraumatic experience and distress in the development of oncological disease. *Issledovaniia i praktika v meditsine*, 7 (1), 75–82. https://doi.org/10.17709/2409-2231-2020-7-1-8 (In Russian)

Camargo, A., Casiraghi, L. P., Vargas, R., Trujillo, M. (2025). Psychological resilience and post-traumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis of the effects of intentional and unintentional trauma before the COVID-19 pandemic. *Middle East Current Psychiatry*, 32, 35. https://doi.org/10.1186/s43045-025-00528-8

Chen, Z. J., Bechara, A. O., Cowden, R. G., Worthington Jr., E. L. (2022). Perceived posttraumatic growth after interpersonal trauma and subsequent well-being among young Colombian adults: A longitudinal analysis. *Frontiers in Psychology*, 13, 993609.

Dekel, S., Peleg, T., Solomon, Z. (2013). The relationship of PTSD to negative cognitions: A 17-year longitudinal study. *Psychiatry*, 76 (3), 241–255. https://doi.org/10.1521/psyc.2013.76.3.241

de Vries, G. J., Olff, M. (2009). The lifetime prevalence of traumatic events and posttraumatic stress disorder in the Netherlands. *Journal of Traumatic Stress*, 22, 259–267.

Dunmore, E., Clark, D. M., Ehlers, A. (2001). A prospective investigation of the role of cognitive factors in persistent posttraumatic stress disorder (PTSD) after physical or sexual assault. *Behaviour Research and Therapy*, 39 (9), 1063–1084. https://doi.org/10.1016/S0005-7967(00)00088-7

Galatzer-Levy, I. R., Huang, S. H., Bonanno, G. A. (2018). Trajectories of resilience and dysfunction following potential trauma: A review and statistical evaluation. *Clinical Psychology Review*, 63, 41–55.

Grekova-Kononova, A. I. (2024). Dynamics of the personality's world image in the situation of loss of a loved one. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 14 (2), 260–277. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.204 (In Russian)

Karchoud, J. F., Haagsma, J., Karaban, I., Hoeboer, C., van de Schoot, R., Olff, M., van Zuiden, M. (2024). Long-term PTSD prevalence and associated adverse psychological, functional, and economic outcomes: A 12–15-year follow-up of adults with suspected serious injury. *European Journal of Psychotraumatology*, 15 (1), 2401285. https://doi.org/10.1080/20008066.2024.2401285

Kharlamenkova, N. E. (2025). Posttraumatic stress: Recurrent or latent nature of symptom manifestation. In: D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, A. V. Makhnach, N. E. Kharlamenkova, Yu. V. Bykhovets (eds). *Psikhologiia posttravmaticheskogo stressa: metodologiia, teoriia, praktika* (pp. 109–115). Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)

Makeeva, N. Yu., Sveshnikova, L. M. (2025). Analysis of traumatic childhood experience and personality traits in persons with alcohol dependence. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia. Pedagogika i psikhologiia*, 2 (71), 101–110. https://doi.org/10.26456/vtpsyped/2025.2.101 (In Russian)

Müller, R., Rauch, A., Cieza, A., Geyh, S. (2013). Social support and functioning in a patient with spinal cord injury: The role of social skills. *International Journal of Rehabilitation Research*, 36 (3), 236–245.

O'Donnell, M. L., Elliott, P., Wolfgang, B. J., Creamer, M. (2007). Post-traumatic appraisals in the development and persistence of posttraumatic stress symptoms. *Journal of Traumatic Stress*, 20 (2), 173–182. https://doi.org/10.1002/jts.20198

Petrova, E. A. (2017). Influence of childhood psychotraumatic experience on the formation of irrational attitudes in adults. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 44-48. (In Russian)

Poandl, M. M., Gutierrez, D., Kitching, E. (2026). Posttraumatic growth following interpersonal trauma: The roles of social desirability, spiritual bypass, and optimism. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 35, 4, 519–537. https://doi.org/10.1080/10926771.2026.2646521

Tarabrina, N. V., Agarkov, V. A., Bykhovets, Yu. V., Kalmykova, E. S., Makarchuk, A. V., Padun, M. A., Udachina, E. G., Khimchyan, Z. G., Shatalova, N. E., Shchepina, A. I. (2007). *Practical guide to the psychology of post-traumatic stress*. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Press. (In Russian)

Tarabrina, N. V., Kharlamenkova, N. E., Padun, M. A., Khazhuev, I. S., Kazymova, N. N., Bykhovets, Yu. V., Dan, M. V. (2017). *Intensive stress in the context of psychological security*. Moscow, Institute of Psychology RAN Press. (In Russian)

Tong, L., Kuzminskaite, E., Hovens, J., Jeuring, H. W., Krause-Utz, A., Vinkers, C. H., Penninx, B. W. J. H. (2024). The influence of childhood trauma on multiple unhealthy lifestyle behaviors in adulthood. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 33 (6), 776–796. https://doi.org/10.1080/10926771.2024.2307380

Quale, A. J., Schanke, A. K., Frøslie, K. F., Røise, O. (2009). Severity of injury does not have any impact on posttraumatic stress symptoms in severely injured patients. *Injury*, 40 (5), 498–505. https://doi.org/10.1016/j.injury.2008.11.006

Utzon-Frank, N., Breinegaard, N., Bertelsen, M., Borritz, M., Eller, N. H., Nordentoft, M., Olesen, K., Rod, N. H., Rugulies, R., Bonde, J. P. (2014). Occurrence of delayed-onset post-traumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis of prospective studies. *Scandinavian Journal of Work, Environment and Health*, 40 (3), 215–229. https://doi.org/10.5271/sjweh.3420

Visser, E., Den Oudsten, B. L., Lodder, P., Gosens, T., De Vries, J. (2022). Psychological risk factors that characterize acute stress disorder and trajectories of posttraumatic stress disorder after injury: A study using latent class analysis. *European Journal of Psychotraumatology*, 13 (1), 2006502. https://doi.org/10.1080/20008198.2021.2006502

Received: November 21, 2025
Accepted: April 8, 2026

Authors' information:

Elena A. Nikitina — PhD in Psychology, Leading Researcher; https://orcid.org/0000-0001-8609-2281, nikitinaea@ipran.ru
Natalya E. Harlamenkova — Dr. Sci. in Psychology, Professor; https://orcid.org/0000-0002-0508-4157, harlamenkovane@ipran.ru
Alena A. Barts — Junior Researcher; https://orcid.org/0009-0008-2110-9626, barts.alyona313@mail.ru
Nadezhda E. Shatalova — Leading Researcher; https://orcid.org/0000-0003-1413-7529, shatalovane@ipran.ru

Investigating the association between session quality and nonverbal synchrony in psychological counseling*

S. D. Sukhorukov[1a], G. V. Oreshina[2], M. A. Zhukova[3], I. V. Golovanova[1,4]

[1] Sirius University of Science and Technology,
1, Olimpiysky pr., Sirius Federal Territory, 354340, Russian Federation
[2] HSE University,
16, ul. Soyuza Pechatnikov, St. Petersburg, 190121, Russian Federation
[3] The University of Texas Health Science Center at Houston,
7000, Fannin St., Houston, 77030, United States of America
[4] St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sukhorukov S. D., Oreshina G. V., Zhukova M. A., Golovanova I. V. Investigating the association between session quality and nonverbal synchrony in psychological counseling. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 510–523.
https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.309

Session quality is one of the key process variables in psychotherapy and counseling. It is often assessed via self-reports by clients and counselors. Concurrently, nonverbal synchrony — the temporal coordination of body movements — has been suggested as an objective behavioral indicator of relational attunement. However, the findings regarding its correlation with session quality remain inconclusive. The study aimed to examine the association between different measures of nonverbal synchrony and session quality ratings provided by clients and counselors in a naturalistic counseling setting. Full-length video recordings of 23 individual counseling sessions conducted by 4 trained counselors were analyzed. Nonverbal synchrony was quantified using motion energy analysis, followed by two time series analysis methods: windowed cross-lagged regression with peak-picking algorithm and windowed cross-lagged correlation. Session quality was independently rated by clients and counselors using the Session Evaluation Questionnaire. Bayesian nonparametric Spearman correlation was used for the statistical analysis. It was found that different nonverbal synchrony metrics were associated with different aspects of client-rated session quality. Interval-based synchrony demonstrated positive associations with session Smoothness, whereas continuous synchrony was negatively associated with session Depth. No associations were found with counselor-rated session quality. Therefore, the relationship between nonverbal synchrony and session quality appears to depend on the synchrony quantification method (windowed cross-lagged regression with peak-picking algorithm or windowed cross-lagged correlation), the evaluator's perspective (client or counselor), and the assessed dimension of session quality (Depth or Smoothness). In addition, the potential practical implications of this study are discussed.

Keywords: session quality, session impact, nonverbal synchrony, movement synchrony, counseling, psychotherapy.

* The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement 075-10-2021-093, Project COG-RND-2104).

[a] Author for correspondence.

© S. D. Sukhorukov, G. V. Oreshina, M. A. Zhukova, I. V. Golovanova, 2026

Исследование взаимосвязи между качеством сессии и невербальной синхронизацией в психологическом консультировании*

С. Д. Сухоруков[1a], Г. В. Орешина[2], М. А. Жукова[3], И. В. Голованова[1,4]

[1] Научно-технологический университет «Сириус»,
Российская Федерация, 354340, Федеральная территория «Сириус», Олимпийский пр., 1
[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
[3] Техасский университет в Хьюстоне,
Соединенные Штаты Америки, 77030, Хьюстон, Фаннин-стрит, 7000
[4] Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Sukhorukov S. D., Oreshina G. V., Zhukova M. A., Golovanova I. V.* Investigating the association between session quality and nonverbal synchrony in psychological counseling // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 510–523. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.309

Качество сессии является одной из ключевых процессуальных переменных в психотерапии и консультировании. Оно часто оценивается через самоотчеты клиентов и консультантов. В то же время невербальная синхронизация — временна́я сонастройка движений тела — рассматривается как возможный объективный поведенческий индикатор межличностной сонастройки. Однако данные о ее связи с качеством сессии на данный момент остаются противоречивыми. Целью исследования было изучение взаимосвязи между различными показателями невербальной синхронизации и оценками качества сессии, полученными от клиентов и консультантов в естественных условиях консультирования. Были проанализированы полные видеозаписи 23 индивидуальных консультационных сессий, проведенных четырьмя консультантами. Невербальная синхронизация количественно оценивалась с использованием метода анализа двигательной энергии (motion energy analysis), после чего применялись два метода анализа временны́х рядов: оконная лаговая кросс-регрессия с алгоритмом выделения пиков и оконная лаговая кросс-корреляция. Для оценки качества сессии использовался Опросник оценки сессии (Session Evaluation Questionnaire). Статистическая проверка гипотез проводилась с помощью байесовского непараметрического корреляционного анализа Спирмена. Было установлено, что различные показатели невербальной синхронизации связаны с разными аспектами качества сессии в оценках клиентов. Интервальная синхронизация продемонстрировала положительную корреляцию с показателем плавности сессии (Smoothness), тогда как непрерывная синхронизация продемонстрировала отрицательную корреляцию с показателем глубины сессии (Depth). Связей между показателями невербальной синхронизации и оценками качества сессии консультантами обнаружено не было. Таким образом, взаимосвязь между невербальной синхронизацией и качеством сессии зависит от метода количественной оценки синхронизации (оконная лаговая кросс-регрессия с алгоритмом выделения пиков или оконная лаговая кросс-корреляция), позиции оценивающего (клиент или консультант), а также от рассматриваемого аспекта качества сессии (глубина или плавность). Кроме того, в работе обсуждаются возможные практические следствия полученных результатов.

Ключевые слова: качество сессии, оценка сессии, невербальная синхронизация, двигательная синхронизация, психологическое консультирование, психотерапия.

* Финансирование проекта осуществлялось Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение № 075-10-2021-093; Проект COG-RND-2104).

[a] Автор для корреспонденции.

Introduction

The quality of an individual counseling session is increasingly recognized as a key factor in psychotherapy effectiveness (Fiorentino et al., 2024). It is a multifaceted construct reflecting both counselor and client evaluations of the process and is distinct from session outcomes, which refer to changes in symptoms or functioning (Sukhorukov et al., 2024). Session quality can be meaningfully assessed even without immediate outcomes, as it often precedes and predicts therapeutic change (Lambert, 2013). Its ongoing assessment supports timely adjustments to the therapeutic approach, sustains client engagement, and strengthens the therapeutic alliance (Horvath et al., 2011). High-quality sessions are typically characterized by a trusting counselor — client relationship, associated with perceived depth, meaning, and comfort (Sukhorukov et al., 2024).

Session quality is commonly assessed using self-report questionnaires that capture subjective impressions. Key instruments include the Session Evaluation Scale, Individual Therapy Process Questionnaire, Session Impact Scale, and the Session Evaluation Questionnaire (SEQ) (Sukhorukov et al., 2024). The SEQ is the most widely used tool, valued for its brevity and use of bipolar adjective pairs (e. g., shallow — deep, bad — good). Most of the instruments include parallel client and counselor versions, allowing for perspective comparison.

In addition to subjective evaluations, session quality may also be reflected in observable behavioral indicators, such as nonverbal synchrony (NVS), defined as the coordination of body movements between interaction partners. NVS has been linked to inter-brain and mental attunement (Koole, Tschacher, 2016; Bowsher-Murray et al., 2022) and is associated with mutual understanding (Hoehl et al., 2021), cohesion (Bowsher-Murray et al., 2022), emotional sharing (Tzanaki, 2022), and social bonding (Páez et al., 2015).

Synchrony may involve simultaneous movements (absolute synchrony) or time-lagged patterns (e. g., leader — follower, mirroring). While mirroring is generally viewed as a spontaneous alignment fostering connection and empathy, in psychotherapy it may also function as an intentional clinical technique that can contribute to observed NVS consistent with the Rogerian approach (Koole, Tschacher, 2016).

Within the broader framework of interpersonal attunement, Koole and Tschacher conceptualized NVS in the InSyncTherapy model as a foundational level (Koole, Tschacher, 2016) enabling higher-order processes such as shared understanding, therapeutic alliance, empathy, and trust (Hoehl et al., 2021). These processes are central to how sessions are experienced and evaluated, suggesting that NVS may relate to process aspects of session quality. However, the evidence for its association with therapy outcomes remains inconsistent, as meta-analyses report mixed results (Ayache et al., 2021; Atzil-Slonim et al., 2023; Gregorini et al., 2025).

In psychotherapy research, NVS is typically examined using automated movement evaluation based on time series and motion energy analysis (Delaherche et al., 2012). One approach, originally developed by Boker and later modified by Altmann, treats synchrony as a discrete phenomenon, identifying peaks of coordination during interaction (Altmann, 2013). In contrast, Ramseyer and Tschacher conceptualize synchrony as a continuous process with varying intensity throughout the interaction (Ramseyer, Tschacher, 2011). These approaches are not mutually exclusive but rather offer complementary perspectives on the temporal structure of NVS (Schoenherr et al., 2019b; Altmann et al., 2022; Sukhorukov, 2025).

Fig. 1. Visualization of the camera view and participants' seating arrangement (staged with two members of the research team)

Despite growing interest, findings on the association between NVS and session quality remain inconsistent. One possible explanation is the heterogeneity of synchrony measurement. Although studies use different operationalizations, few have directly compared them within the same dataset, leaving it unclear whether discrepancies reflect true variability in interactions or methodological differences. In addition, most studies rely on a single evaluative perspective, typically either client or counselor, limiting understanding of whether these associations depend on perspective.

Unlike prior studies that relied on a single synchrony measure or a single perspective, the present study applies two conceptually distinct NVS approaches to the same naturalistic counseling sessions and examines their associations with multiple dimensions of session quality, independently rated by clients and counselors. This design allows for a direct test of whether differences in NVS operationalization contribute to inconsistent findings. By focusing on counseling dyads in Russia, the study also expands the cultural scope of NVS research. Based on prior literature, it was hypothesized that synchrony metrics are associated with session quality ratings.

Methods

Sample and Procedure. The study was conducted at a university-affiliated psychological counseling service. Participants were recruited via counselor referrals and an open call in a student messenger group. The final sample included 4 trained counselors (M age = 42.0, SD = 7.35; 3 female) and 23 clients (M age = 26.26, SD = 6.59; 15 female). Counselors were trained in Cognitive Behavioral Therapy (CBT) or Acceptance and Commitment Therapy (ACT), had at least 3 years of experience, and received regular supervision. Clients were eligible if they were 18 years or older, did not have severe mental illness requiring intensive psychiatric treatment, and were seeking or receiving counseling. All participants had at least

a bachelor's degree. The most common reasons for seeking counseling were self-exploration, interpersonal difficulties, anxiety, emotional overload, and academic or work-related stress. Each participant and counselor — client dyad was assigned a unique identifier. The study followed the Declaration of Helsinki and was approved by the university Bioethics Committee. All participants provided informed consent.

Sessions followed counselors' usual practice and were recorded on video. To ensure privacy, the research team left the room during the counseling process and did not manually review the recordings. A camera on a tripod captured both participants throughout the session (Fig. 1). If a participant stood up at any point, the counselor reported it to the research team, and those segments were excluded from the analysis. No additional instructions were given. Immediately after the session, participants independently completed the Session Evaluation Questionnaire (Stiles, 2002). All participants received a gift certificate for a bookstore.

Sessions (M duration = 57.52 min, SD = 8.97) were recorded using a GoPro HERO 10 Black. The setup followed prior recommendations (Ramseyer, Tschacher, 2011; Altmann, 2013) to ensure full visibility, stable lighting, and absence of visual artifacts. Videos were standardized to MP4 (1280 × 720 px, 25 fps, 4240 Kbps) using Movavi Video Converter 18.3.0 Premium.

Session Evaluation Questionnaire. The Session Evaluation Questionnaire (SEQ; Stiles, 2002) was used to assess session quality. It consists of 21 opposing adjective pairs rated on a 7-point scale, grouped into four scales: Depth (perceived power and value of the session), Smoothness (comfort and pleasantness), Positivity (post-session mood), and Arousal (post-session energy). In the present study, clients and counselors completed the Depth and Smoothness scales, yielding four measures: client-rated Depth (DepthCl), counselor-rated Depth (DepthCo), client-rated Smoothness (SmoothnessCl), and counselor-rated Smoothness (SmoothnessCo). These scales demonstrate high internal consistency (Cronbach α: Depth = 0.87, Smoothness = 0.93; Stiles, 2002).

The Russian version of the SEQ was developed using a translation-back-translation procedure. Although not formally validated, it showed acceptable internal consistency in the present sample (Cronbach α: Depth = 0.79, Smoothness = 0.79), supporting its use for research purposes.

Motion energy analysis. Movement activity of counselors and clients was extracted using Motion Energy Analysis (MEA), a frame-difference method detecting motion via pixel intensity changes. One region of interest (ROI) per participant was used, integrating head and body movement. MEA was conducted in MATLAB® v. R2023a using scripts developed by Altmann[1] . The motion detection threshold (99th percentile) was set to 6; background ROIs for noise filtering were 18×18 pixels.

Time series were preprocessed prior to NVS quantification in accordance with the established recommendations (Schoenherr et al., 2019a). Motion energy was normalized relative to ROI size and scaled to a 0–100 range. Data points were treated as missing and were linearly interpolated if background ROI motion exceeded 5 % or body ROI motion changed by more than 15 % between consecutive frames. The time series were smoothed using a five-frame moving median and logarithmic transformation.

[1] Motion Energy Analysis // github.com. Available at: https://github.com/10101-00001/MEA (accessed: 30.09.2024).

Quantification of Nonverbal Synchrony. NVS was quantified using two time series analysis methods: windowed cross-lagged regression (WCLR) (Altmann, 2013) and windowed cross-lagged correlation (WCLC) (Ramseyer, Tschacher, 2011).

WCLR assesses time-lagged relationships within overlapping windows using two regression models: Model 1 estimates autocorrelation, and Model 2 incorporates cross-lagged effects to evaluate how one participant's behavior predicts the other's. For each time lag, the proportion of explained variance (R^2) is calculated. A peak-picking algorithm identifies local maxima in R^2 across lags. Peaks with similar time lags across windows are merged into synchrony intervals. Weak correlations are filtered out using a predefined R^2 threshold (0.25 by default).

WCLR was computed in MATLAB using default parameters: a 5-second window, a 2 frame (0.08s) step size, a 5-second maximum lag, and $R^2 > 0.25$ threshold (Schoenherr et al., 2019a). Three measures were obtained: NVS frequency (WCLRF), defined as the proportion of session time occupied by synchrony intervals; synchrony strength within intervals (WCLRSW), defined as weighted mean R^2 within detected intervals; and overall synchrony strength (WCLRSO), defined as mean R^2 across the entire session.

In contrast, WCLC estimates cross-correlations across longer windows without peak detection, capturing broader synchrony trends. It was implemented in R (v. 4.5.1) using the rMEA package (v. 1.2.2) (Kleinbub, Ramseyer, 2021) with default parameters: a 60-second window, a 30-second step size, and a 5-second maximum lag. This yielded a single measure of average synchrony strength across all lags (WCLCS). Unlike WCLR, WCLC does not identify discrete synchrony intervals but provides a continuous estimate of synchrony strength over time. Therefore, a frequency-based measure analogous to WCLRF cannot be defined for WCLC.

Statistical analysis. The relationship between synchrony measures and session quality ratings was examined using Bayesian nonparametric Spearman correlations. Given the small sample size, normality tests were not performed due to their low power and increased risk of Type II errors. A nonparametric approach was chosen to avoid distributional assumptions, and the Bayesian framework was used to provide probabilistic estimates of association strength and direction.

The analysis was conducted in R (v. 4.5.1) using the correlation package (v. 0.8.8). The model employs a symmetric beta prior centered at zero, with the rscale parameter controlling prior width. A "wide" prior was selected to remain weakly informative, allowing the data to primarily determine posterior estimates.

The robustness of the results was assessed via sensitivity analysis. Bayes factors (BFs) were computed under different prior specifications (medium, narrow, ultrawide). Prior influence was evaluated using BF ratios, calculated as the ratio of BFs under alternative priors to those obtained with the wide prior.

Results

Descriptive statistics for all NVS measures and session quality ratings are presented in Table 1.

Associations between NVS measures and session quality ratings are summarized in Table 2 and Fig. 2. The strongest evidence was observed for a negative association between WCLCS and DepthCl ($\rho = -0.47$, BF = 7.39; Fig. 3). A positive association of similar strength was found between WCLRSO and SmoothnessCl ($\rho = 0.46$, BF = 6.04; Fig. 4).

Table 1. **Descriptive statistics for all measures**

Parameter	Mean	Median	Standard deviation	Minimum	Maximum
WCLRF	36.66	36.68	8.29	19.72	51.39
WCLRSW	0.39	0.38	0.01	0.36	0.41
WCLRSO	0.14	0.14	0.03	0.07	0.21
WCLCS	0.14	0.14	0.02	0.13	0.18
DepthCl	5.70	5.80	0.75	4.00	6.80
DepthCo	4.72	4.60	0.90	3.40	6.60
SmoothnessCl	5.34	5.20	1.09	2.60	7.00
SmoothnessCo	4.47	4.40	1.02	2.20	6.80

Note: For parameter definitions, see the "Methods" section.

Table 2. **Results of Bayesian correlation analysis between synchrony measures and session quality ratings**

Parameter 1	Parameter 2	ρ	CI_low	CI_high	pd_%	ROPE_%	BF
WCLRSW	DepthCl	–0.07	–0.46	0.30	62.33	35.83	0.37
WCLRSW	DepthCo	–0.01	–0.40	0.36	52.50	37.53	0.35
WCLRSW	SmoothnessCl	–0.08	–0.45	0.30	64.58	36.25	0.37
WCLRSW	SmoothnessCo	0.22	–0.16	0.55	87.60	21.40	0.67
WCLRSO	DepthCl	0.13	–0.24	0.52	73.15	32.13	0.42
WCLRSO	DepthCo	0.36	0.00	0.67	96.58	9.00	1.84
WCLRSO	**SmoothnessCl**	**0.46**	**0.14**	**0.75**	**99.43**	**2.33**	**6.04**
WCLRSO	SmoothnessCo	0.11	–0.26	0.48	70.53	33.38	0.41
WCLRF	DepthCl	0.09	–0.30	0.47	67.00	32.98	0.39
WCLRF	DepthCo	0.30	–0.05	0.64	94.55	11.78	1.24
WCLRF	**SmoothnessCl**	**0.40**	**0.02**	**0.69**	**97.33**	**6.58**	**2.87**
WCLRF	SmoothnessCo	0.06	–0.32	0.43	61.18	36.85	0.37
WCLCS	**DepthCl**	**–0.47**	**–0.75**	**–0.15**	**99.68**	**2.00**	**7.39**
WCLCS	DepthCo	–0.24	–0.56	0.15	89.45	17.30	0.76
WCLCS	SmoothnessCl	–0.07	–0.43	0.30	63.35	36.08	0.37
WCLCS	SmoothnessCo	–0.04	–0.41	0.34	58.98	38.33	0.36

Notes: ρ — Spearman's correlation; CI — credible interval; pd — probability of direction; ROPE — region of practical equivalence; BF — Bayes factor. See "Methods" for parameter definitions. Boldface indicates results with the strongest evidence according to the Bayes factor.

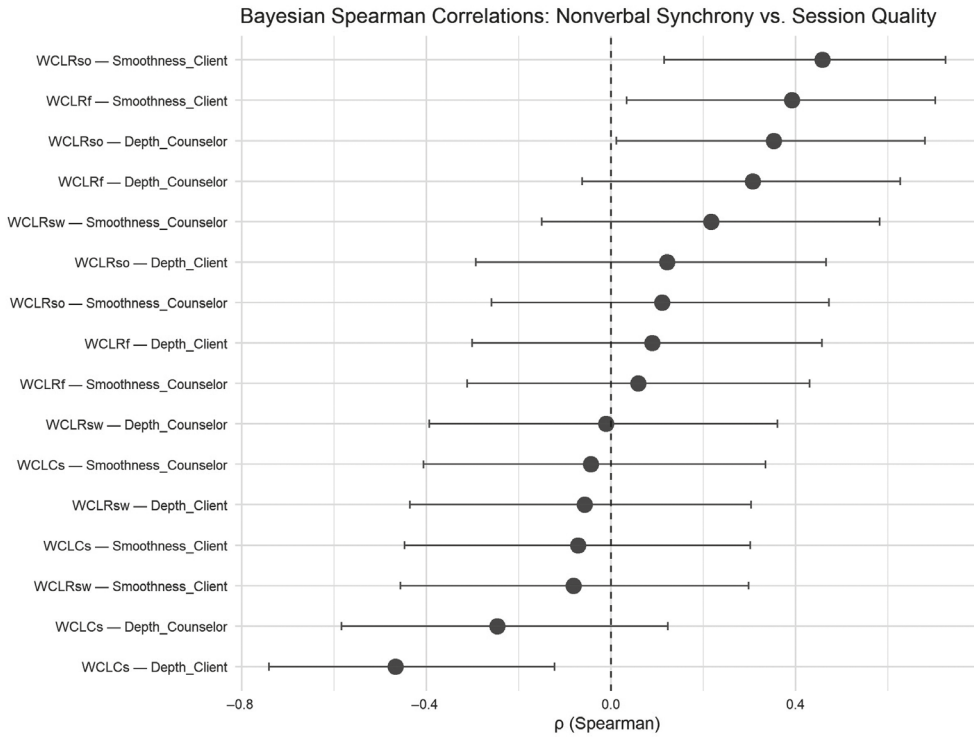

Fig. 2. Bayesian correlation estimates between nonverbal synchrony measures and session quality ratings (points represent median ρ; lines indicate 95 % credible intervals). Image source: R (v. 4.5.1)

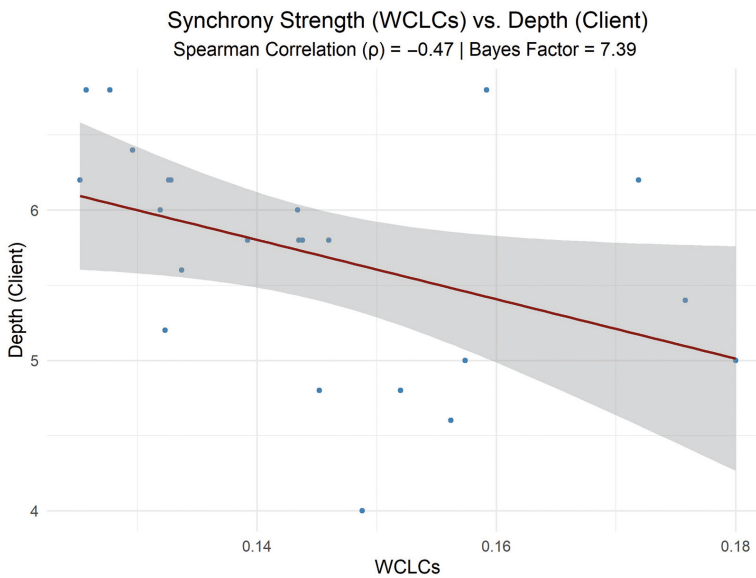

Fig. 3. Scatterplot of synchrony strength ($WCLC_S$) vs client-rated session Depth. Image source: R (v. 4.5.1)

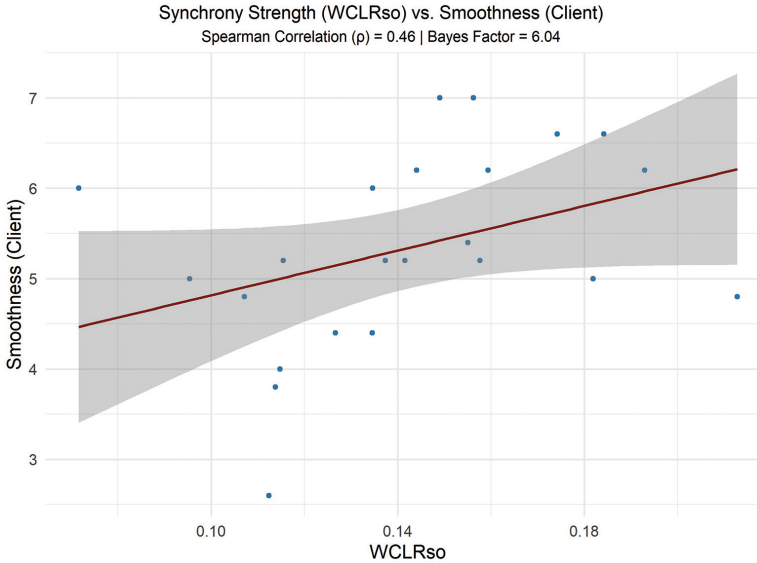

Fig. 4. Scatterplot of synchrony strength ($WCLR_{SO}$) vs client-rated session Smoothness. Image source: R (v. 4.5.1)

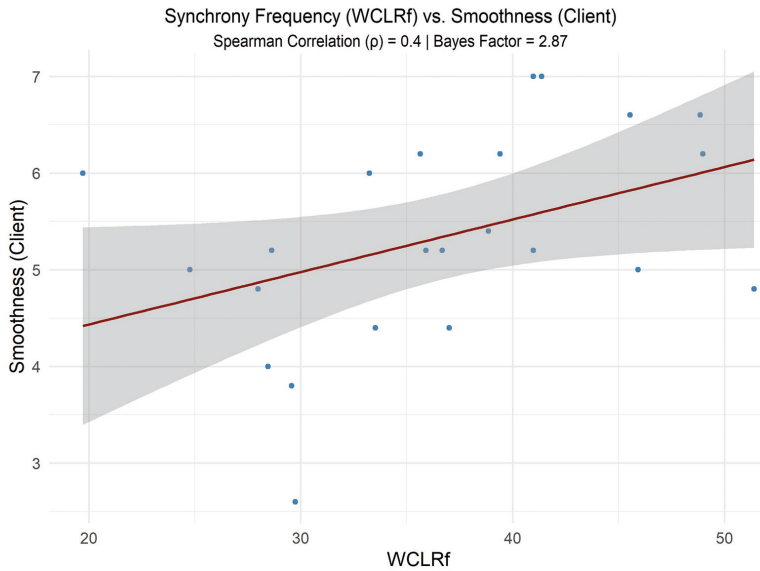

Fig. 5. Scatterplot of synchrony frequency ($WCLR_F$) vs client-rated session Smoothness. Image source: R (v. 4.5.1)

A third association with moderate evidence was observed between WCLRF and SmoothnessCl ($\rho = 0.40$, $BF = 2.87$; Fig. 5). Other associations showed smaller effects and greater uncertainty, indicating insufficient evidence for reliable conclusions.

The sensitivity analysis showed small Bayes factor ratios (0.62–1.34) across prior specifications. Results were consistent for narrow (0.62–1.21), medium (0.77–1.02), and ultrawide (1.11–1.34) priors. As all ratios fell within the 0.5–2 range, the findings can be considered robust to variation in prior width.

Discussion

This study examined the relationship between different measures of nonverbal synchrony (NVS) and session quality in a naturalistic counseling setting. Both positive and negative associations were observed depending on the synchrony metric and the dimension of session quality. Similar variability has been reported in prior research. For instance, Altmann et al. found that different NVS metrics applied to the same dataset were associated with depressive and anxiety symptoms in both positive and negative directions, with correlation coefficients ranging from –0.47 to 0.60 (Altmann et al., 2022). Likewise, Schoenherr et al. observed heterogeneous patterns in the associations between NVS and interpersonal problems (Schoenherr et al., 2019b).

By applying two complementary NVS measures, this study investigated how the operationalization of synchrony influences observed correlations. The findings suggest that inconsistencies in previous research may stem from methodological heterogeneity rather than an absence of meaningful associations. Furthermore, the results varied across session quality dimensions and differed between client and counselor perspectives.

Mixed associations and their interpretation. The strongest association was a negative correlation between WCLCS (overall synchrony strength rated by WCLC) and client-rated session Depth. In contrast, WCLRSO (overall synchrony strength rated by WCLR) and WCLRF (synchrony frequency) were positively associated with client-rated session Smoothness.

These seemingly contradictory results may reflect different underlying processes. Depth and Smoothness capture distinct aspects of session quality: Depth refers to perceived meaningfulness and power, whereas Smoothness reflects comfort and ease. Therefore, higher synchrony may promote flow and comfort, enhancing smoothness, but not necessarily depth, and in some cases may even constrain it if interaction becomes overly rigid.

From a psychological perspective, Depth may reflect deep emotional engagement or the exploration of difficult material, which may coincide with reduced or fluctuating NVS. Thus, lower or more variable synchrony may accompany moments perceived as challenging or transformative, whereas consistently high synchrony may not align with clients' perceptions of depth. At the same time, the positive associations with session Smoothness suggest that moderate or contextually appropriate NVS may support experiences of comfort and ease. However, these interpretations remain theoretical. Future studies should combine synchrony measures with content-based analyses or psychotherapy process coding systems to examine how specific counseling processes and tasks relate to synchrony patterns.

Furthermore, it is important to note that different NVS quantification methods capture distinct temporal aspects of coordination. Continuous metrics (e. g., WCLCS) reflect long-term coordination trends, but interval-based metrics (e. g., WCLRF, WCLRSO) capture brief episodes, intervals of alignment (Sukhorukov, 2025). The divergence in results may suggest that short-term synchrony bursts are experienced positively, while persistent synchrony may be less beneficial or even detrimental to perceived depth. This interpretation aligns with theoretical models proposing that flexible shifts between synchrony and asynchrony are more advantageous and favorable than sustained coordination (Mayo, Gordon, 2020; Zilcha-Mano, 2024), and may help explain mixed findings in prior research (Ayache et al., 2021; Altmann et al., 2022; Atzil-Slonim et al., 2023).

Synchrony may also serve different functions depending on interactional context. High continuous synchrony could reflect compensatory regulation during challenging moments or indicate tension and rigidity in interaction patterns (Jiang et al., 2021), which is consistent with evidence that therapists adjust nonverbal behavior in response to alliance ruptures (Høgenhaug et al., 2024). In contrast, moderate, naturally occurring synchrony peaks may reflect rapport or shared emotional states, contributing to perceived ease and connection (Mishina, 2010; Pugovkina, Holmogorova, 2011).

Divergence between clients and counselors. No associations were found between NVS metrics and counselor-rated session quality, whereas multiple associations were observed for client ratings. This divergence aligns with prior research suggesting that clients and counselors focus on different aspects of sessions when evaluating their quality (Stiles, Snow, 1984). Counselors tend to prioritize technical and strategic elements, such as goal progression and method application, while clients emphasize subjective emotional experience, including interpersonal connection and emotional flow.

Therefore, one possible explanation for the results is that clients are more sensitive to nonverbal synchrony than counselors are. Clients may be more responsive to subtle relational cues, including those that are outside of conscious awareness. Conversely, counselors' nonverbal behavior may be more automatic and influenced by professional norms, which reduces its role as an explicit basis for evaluation.

Practical implications. These findings have several implications for counseling practice. The positive associations between synchrony and client-rated Smoothness suggest that moments of nonverbal alignment may enhance clients' sense of comfort and relational ease, potentially strengthening the therapeutic alliance. At the same time, the negative association between continuous synchrony and Depth suggests that overly rigid or persistent coordination may diminish perceived session meaningfulness and power.

These results suggest that maintaining high synchrony throughout the session is not necessarily beneficial. Rather, its therapeutic relevance may depend on contextual and interactional factors. Temporary disruptions in NVS could be particularly important during emotionally challenging moments and periods of deep emotional processing. Brief intervals of increased synchrony may facilitate comfort and pleasantness, though this remains to be empirically tested. Consequently, counselors may benefit from attending to not only the presence of synchrony, but also to its dynamic fluctuations throughout the session.

Additionally, the fact that NVS was more strongly associated with client evaluations highlights the value of routinely collecting client feedback, including not only explicit goals and techniques, but also the interpersonal tone of the session. This could help counselors calibrate their nonverbal behavior more effectively, depending on the interactional context.

Conclusion

This study examined the relationship between nonverbal synchrony and session quality in naturalistic counseling sessions. The results indicate that different synchrony measures relate to different aspects of client-rated session quality. Interval-based synchrony was positively associated with clients' perceptions of comfort and pleasantness, whereas continuous synchrony showed a negative association with perceived value and meaning. No associations were found with counselors' ratings, suggesting an asymmetry in how nonverbal dynamics are experienced within the counseling dyads. These

findings underscore the importance of considering how synchrony is measured, whose perspective is assessed, and which dimension of session quality is examined.

Several directions for future research emerge from this study. Larger and more diverse samples are needed to assess generalizability of these findings. Future studies should examine potential moderators of the relationship between NVS and session quality. For example, attachment patterns may influence how synchrony is experienced, given its role in regulating interpersonal closeness and safety. Cultural background may also shape norms of nonverbal behavior and its interpretation. Counselor characteristics, such as experience and personality, may affect responsiveness and the use of nonverbal behavior. At the relational level, factors such as therapeutic alliance development and session number may also moderate these associations. Methodologically, systematic comparisons of NVS measurement approaches are needed, as different methods may capture distinct aspects of synchrony. Longitudinal experimental designs manipulating levels of synchrony could help clarify causal relationships between NVS and session quality and examine how synchrony patterns evolve over time.

Limitations

This study has several limitations. The relatively small sample size limits generalizability and statistical power, although Bayesian analysis partially mitigates this issue. The correlational design precludes causal conclusions about the relationship between NVS and session quality. The single-session design also limits our understanding of how synchrony patterns evolve over the course of counseling. Finally, while the use of two NVS quantification methods is a strength, it also increases analytic complexity and complicates the interpretation of the findings.

Acknowledgments

The authors team would like to thank Leonid V. Korostelev, Tatyana A. Kustova, for helping with questionnaire translation into Russian language and data collection; Elena Yu. Semenova, Alena R. Vodneva, Raisa S. Romanova for helping with questionnaire translation; Evgeniy G. Machnev and Vladilena S. Machneva for helping with the data collection.

References

Altmann, U. (2013). *Synchronisation nonverbalen Verhaltens*. Berlin, Springer VS. https://doi.org/10.1007/978-3-531-19815-6

Altmann, U., Strauss, B., Tschacher, W. (2022). Cross-correlation- and entropy-based measures of movement synchrony: Non-convergence of measures leads to different associations with depressive symptoms. *Entropy,* 24 (9), 1307. https://doi.org/10.3390/e24091307

Atzil-Slonim, D., Soma, C. S., Zhang, X., Paz, A., Imel, Z. E. (2023). Facilitating dyadic synchrony in psychotherapy sessions: Systematic review and meta-analysis. *Psychotherapy Research,* 33 (7), 898–917. https://doi.org/10.1080/10503307.2023.2191803

Ayache, J., Connor, A., Marks, S., Kuss, D. J., Rhodes, D., Sumich, A., Heym, N. (2021). Exploring the "dark matter" of social interaction: Systematic review of a decade of research in spontaneous interpersonal coordination. *Frontiers in Psychology,* 12, 718237. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.718237

Bowsher-Murray, C., Gerson, S., von dem Hagen, E., Jones, C. R. G. (2022). The components of interpersonal synchrony in the typical population and in autism: A conceptual analysis. *Frontiers in Psychology,* 13, 897015. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.897015

Delaherche, E., Chetouani, M., Mahdhaoui, A., Saint-Georges, C., Viaux, S., Cohen, D. (2012). Interpersonal synchrony: A survey of evaluation methods across disciplines. *IEEE Transactions on Affective Computing,* 3 (3), 349–365. https://doi.org/10.1109/T-AFFC.2012.12

Fiorentino, F., Gualco, I., Carcione, A., Lingiardi, V., Tanzilli, A. (2024). Exploring the outcomes of psychotherapy sessions: How do therapists' responsiveness and emotional responses to patients with personality disorders affect the depth of elaboration? *Frontiers in Psychology,* 15, 1390754. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1390754

Gregorini, C., De Carli, P., Parolin, L. A. L., Tschacher, W., Preti, E. (2025). Potential role of nonverbal synchrony in psychotherapy: A meta-analysis. *Counselling and Psychotherapy Research,* 25, e12885. https://doi.org/10.1002/capr.12885

Hoehl, S., Fairhurst, M., Schirmer, A. (2021). Interactional synchrony: Signals, mechanisms and benefits. *Social Cognitive and Affective Neuroscience,* 16 (1–2), 5–18. https://doi.org/10.1093/scan/nsaa024

Høgenhaug, S. S., Kongerslev, M. T., Kjaersdam Telléus, G. (2024). The role of interpersonal coordination dynamics in alliance rupture and repair processes in psychotherapy: A systematic review. *Frontiers in Psychology,* 14, 1291155. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1291155

Horvath, A. O., Del Re, A. C., Flückiger, C., Symonds, D. (2011). Alliance in individual psychotherapy. *Psychotherapy,* 48 (1), 9–16. https://doi.org/10.1037/a0022186

Jiang, J., Zheng, L., Lu, C. (2021). A hierarchical model for interpersonal verbal communication. *Social Cognitive and Affective Neuroscience,* 16 (1–2), 246–255. https://doi.org/10.1093/scan/nsaa151

Koole, S. L., Tschacher, W. (2016). Synchrony in psychotherapy: A review and an integrative framework for the therapeutic alliance. *Frontiers in Psychology,* 7, 862. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00862

Kleinbub, J. R., Ramseyer, F. T. (2021). rMEA: An R package to assess nonverbal synchronization in motion energy analysis time-series. *Psychotherapy Research,* 31 (6), 817–830. https://doi.org/10.1080/10503307.2020.1844334

Lambert, M. J. (2013). Outcome in psychotherapy: The past and important advances. *Psychotherapy,* 50 (1), 42–51. https://doi.org/10.1037/a0030682

Mayo, O., Gordon, I. (2020). In and out of synchrony: Behavioral and physiological dynamics of dyadic interpersonal coordination. *Psychophysiology,* 57 (6), e13574. https://doi.org/10.1111/psyp.13574

Mishina, E. V. (2010). Copresence phenomenon in the beginning of psychology counseling process. *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia,* 18 (2), 110–131. (In Russian)

Páez, D., Rimé, B., Basabe, N., Wlodarczyk, A., Zumeta, L. (2015). Psychosocial effects of perceived emotional synchrony in collective gatherings. *Journal of Personality and Social Psychology,* 108 (5), 711–729. https://doi.org/10.1037/pspi0000014

Pugovkina, O. D., Holmogorova, A. B. (2011). Therapeutic alliance in psychotherapy. *Sovremennaia terapiia psikhicheskikh rasstroistv,* 3, 14–21. (In Russian)

Ramseyer, F., Tschacher, W. (2011). Nonverbal synchrony in psychotherapy: Coordinated body-movement reflects relationship quality and outcome. *Journal of Consulting and Clinical Psychology,* 79 (3), 284–295. https://doi.org/10.1037/a0023419

Schoenherr, D., Paulick, J., Strauss, B. M., Deisenhofer, A. K., Schwartz, B., Rubel, J. A., Lutz, W., Stangier, U., Altmann, U. (2019a). Identification of movement synchrony: Validation of windowed cross-lagged correlation and regression with peak-picking algorithm. *PLOS One,* 14 (2), e0211494. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211494

Schoenherr, D., Paulick, J., Worrack, S., Strauss, B., Rubel, J. A., Schwartz, B. S., Deisenhofer, A.-K., Lutz, W., Stangier, U., Altmann, U. (2019b). Quantification of nonverbal synchrony using linear time series analysis methods: Lack of convergent validity and evidence for facets of synchrony. *Behavior Research Methods,* 51 (1), 361–383. https://doi.org/10.3758/s13428-018-1139-z

Stiles, W. B. (2002). Session evaluation questionnaire: Structure and use. *Journal of Clinical Psychology,* 58 (5), 535–546. Available at: https://wbstiles.net/session_evaluation_questionnaire.htm (accessed: 15.08.2025).

Stiles, W. B., Snow, J. S. (1984). Counseling session impact as viewed by novice counselors and their clients. *Journal of Counseling Psychology,* 31 (1), 3–12. https://doi.org/10.1037/0022-0167.31.1.3

Sukhorukov, S. D. (2025). A comparative analysis of automated methods for nonverbal synchrony quantification in psychological counseling. *Psikhologicheskie issledovaniia,* 18 (101), 7. https://doi.org/10.54359/qwjhwp46

Sukhorukov, S. D., Golovanova, I. V., Zhukova, M. A. (2024). Session quality in psychotherapy and counseling: A narrative review of assessment methods and main characteristics. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiia,* 13 (1), 21–32. https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130102

Tzanaki, P. (2022). The positive feedback loop of empathy and interpersonal synchronisation: Discussing a theoretical model and its implications for musical and social development. *Music & Science,* 5, 20592043221142715. https://doi.org/10.1177/20592043221142715

Zilcha-Mano, S. (2024). How getting in sync is curative: Insights gained from research in psychotherapy. *Psychological Review.* https://doi.org/10.1037/rev0000471

Received: August 18, 2025
Accepted: April 9, 2026
Статья поступила в редакцию 18 августа 2025 г.;
рекомендована к печати 9 апреля 2026 г.

Authors' information:

Sergey D. Sukhorukov — Postgraduate Student; https://orcid.org/0000-0002-1649-4135, serega.suhorukov2011@gmail.com
Galina V. Oreshina — Junior Researcher; https://orcid.org/0000-0002-5955-6471, oreshinagalina.kosm@gmail.com
Marina A. Zhukova — PhD in Psychology; https://orcid.org/0000-0002-3069-570X, zhukova.marina.spb@gmail.com
Irina V. Golovanova — PhD in Psychology, Senior Researcher; https://orcid.org/0000-0002-0826-6386, ir.golovanova@gmail.com

Контактная информация:

Сухоруков Сергей Дмитриевич — аспирант; https://orcid.org/0000-0002-1649-4135, serega.suhorukov2011@gmail.com
Орешина Галина Владимировна — мл. науч. сотр.; https://orcid.org/0000-0002-5955-6471, oreshinagalina.kosm@gmail.com
Жукова Марина Андреевна — канд. психол. наук, PhD; https://orcid.org/0000-0002-3069-570X, marina.zhukova@uth.tmc.edu
Голованова Ирина Валерьевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр.; https://orcid.org/0000-0002-0826-6386, ir.golovanova@gmail.com

Взгляд со стороны: разработка опросника диспозиционного самодистанцирования и проверка связи с системной рефлексией*

Д. С. Дроздов[a], *В. О. Димидов*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: *Дроздов Д. С., Димидов В. О.* Взгляд со стороны: разработка опросника диспозиционного самодистанцирования и проверка связи с системной рефлексией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 524–538.
https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.310

Согласно дифференциальной модели рефлексии Д. А. Леонтьева и А. Ж. Авериной, самодистанцирование — способность посмотреть на себя со стороны — выступает основой системной рефлексии. Однако проведенные эмпирические исследования не поддерживают данное теоретическое положение. Данная работа направлена на разрешение данного противоречия через создание и апробирование новой методики измерения самодистанцирования как диспозиции. Методика использована для проверки того, предсказывает ли диспозиционное самодистанцирование системную рефлексию. Разработан валидный инструмент измерения и скорректирована модель источников системной рефлексии. В исследовании участвовали 192 человека. Пункты опросника разработаны на основе экспериментальных данных о техниках самодистанцирования. Надежность и валидность методики оценивались с помощью ω Макдональда, анализа главных компонент и конфирматорного факторного анализа. Для проверки гипотез и конструктной валидности использовались Дифференциальный тест рефлексии, Шкала экзистенции и Опросник спонтанного самодистанцирования. Статистическая проверка гипотез была реализована с помощью коэффициента корреляции и регрессионного анализа. В статье представлен Опросник диспозиционного самодистанцирования, включающий три шкалы: временно́е, лингвистическое и социальное самодистанцирование. С помощью опросника исследована связь диспозиционного самодистанцирования с системной рефлексией. Опросник показал высокую надежность, а структура шкал соответствовала теоретической модели. Согласно регрессионному анализу, диспозиционное самодистанцирование, особенно один его аспект — временно́е самодистанцирование, предсказывает системную рефлексию. Корреляционный анализ показал, что самодистанцирование значимо положительно связано с интроспекцией и квазирефлексией. Самодистанцирование — обоснованный на эмпирических данных многомерный конструкт, связанный с системной рефлексией. Опросник диспозиционного самодистанцирования рекомендуется для оценки адаптивных рефлексивных стратегий. Ввиду значимых корреляций со всеми видами рефлексии предлагается в дальнейших исследованиях рассмотреть адаптивные и дезадаптивные функции самодистанцирования отдельно в позитивных и негативных ситуациях.

Ключевые слова: самодистанцирование, рефлексия, диспозиционное самодистанцирование, системная рефлексия, саморегуляция, адаптивная рефлексия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10174, https://rscf.ru/project/23-78-10174/.

[a] Автор для корреспонденции.

© Д. С. Дроздов, В. О. Димидов, 2026

View from the outside: Development of the Dispositional Self-Distancing Questionnaire and examination of its association with systemic reflection*

D. S. Drozdov[a], *V. O. Dimidov*

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Drozdov D. S., Dimidov V. O. View from the outside: Development of the Dispositional Self-Distancing Questionnaire and examination of its association with systemic reflection. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 524–538.
https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.310 (In Russian)

According to D. A. Leontiev and A. Zh. Averina's differential model of reflection, self-distancing — the capacity to view oneself from an external perspective — forms the foundation of systemic reflection. However, empirical studies have not supported this theoretical position. This work resolves this contradiction by developing and validating a new instrument for measuring dispositional self-distancing and testing whether it predicts systemic reflection. Development of a psychometrically validated instrument and refinement of the model of sources of systemic reflection. The study involved 192 participants. Questionnaire items were developed based on experimental data on self-distancing techniques. Reliability and validity were assessed using McDonald's ω, exploratory and confirmatory factor analysis. The Differential Test of Reflection, the Existence Scale, and the Spontaneous Self-Distancing Questionnaire were used to test hypotheses and assess construct validity. Hypotheses were tested via correlation and regression analysis. The Dispositional Self-Distancing Questionnaire is presented, comprising three subscales: temporal, linguistic, and social self-distancing. The Questionnaire examined the relationship between dispositional self-distancing and systemic reflection. It demonstrated high reliability, and subscale structure aligned with the theoretical model. Regression analysis showed that dispositional self-distancing, particularly its temporal component, predicts systemic reflection. Correlation analysis revealed self-distancing is significantly positively associated with introspection and quasi-reflection. Self-distancing is an empirically grounded multidimensional construct associated with systemic reflection. The Questionnaire is recommended for assessing adaptive reflective strategies. Given significant correlations with all types of reflection, future research should examine the adaptive and maladaptive functions of self-distancing separately in positive and negative situations.
Keywords: self-distancing, reflection, dispositional self-distancing, systemic reflection, self-regulation, adaptive reflection.

Введение

Рефлексия понимается учеными и философами как позитивный феномен, который позволяет человеку вести сознательную жизнь (Рубинштейн, 1997). Однако на практике в одних исследованиях рефлексия положительно связана с эффективностью процессов принятия решений, общими способностями и сложностью структурной организации личности (Карпов, Пономарева, 2000). А в других исследованиях феномен рефлексии крайне часто оказывается связан с неблагоприятными психологическими феноменами, такими как руминации и депрессия (Nolen-Hoeksema et al., 2008).

* The study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 23-78-10174; https://rscf.ru/project/23-78-10174/.

[a] Author for correspondence.

В дифференциальной модели рефлексии Д. А. Леонтьева и А. Ж. Авериной обозначенное выше противоречие разрешается выделением адаптивной формы рефлексии — системной рефлексии, наряду с выделением других, неадаптивных ее форм (интроспекции и квазирефлексии), которые объясняют взаимосвязи рефлексии с негативными феноменами (Леонтьев, Аверина, 2011). Согласно модели, системная рефлексия является адаптивной за счет того, что позволяет видеть одновременно полюс субъекта и полюс объекта. При этом, по мнению авторов, она основана на самодистанцировании, взгляде на себя со стороны.

Дифференциальная модель разрешает проблему неоднозначности рефлексии, но исследования при этом подходе пока не предлагают практических разработок для развития системной рефлексии, и вопрос об источнике адаптивности рефлексии остается открытым. Попытка выделения осознанности как основания системной рефлексии не нашла подтверждения в эмпирических исследованиях (Осин, Турилина, 2020). А остальная часть исследований системной рефлексии посвящена ее связи с позитивными феноменами (Деева, 2017; Свинина, 2017).

Ранее были получены данные о посреднической роли системной рефлексии между уровнем развития эго и открытостью опыту (Костенко, Леонтьев, 2016), что расширяет понимание источников системной рефлексии, но имеет ограниченную практическую значимость из-за слабой изменчивости черт личности Большой пятерки. Поэтому в фокусе настоящего исследования находится самодистанцирование, понимаемое как способность ко взгляду на себя со стороны.

Самодистанцирование как источник системной рефлексии

Мы обратили внимание именно на самодистанцирование по двум причинам. Во-первых, согласно дифференциальной модели рефлексии, самодистанцирование лежит в основе адаптивности системной рефлексии (Леонтьев, Аверина, 2011). Во-вторых, механизм самодистанцирования — более конкретный и ситуативный, чем механизм рефлексии и черта открытости опыту. За счет этого исследования самодистанцирования обладают высокой практической значимостью, склонность к самодистанцированию может быть более изменчивой, чем рефлексивность и открытость опыту.

Однако к настоящему моменту в эмпирических исследованиях значимой связи между самодистанцированием и системной рефлексией не было обнаружено (Ерофеева, 2019). Одна из возможных причин такого результата может лежать в особенности концептуализации самодистанцирования, заложенного в основание использованного психодиагностического инструмента. В опроснике А. Лэнгле (A. Längle) и К. Орглер (C. Orgler) (Кривцова, 2009; Längle et al., 2003), предложенном респондентам в исследовании, под этим конструктом понимается не действие или склонность к определенному действию, а способность.

Мы считаем, что концептуализация самодистанцирования как действия или диспозиции в большей степени репрезентирует то понимание этого феномена, которое описано в дифференциальной модели рефлексии. Самодистанцирование в таком понимании с большей вероятностью может быть источником системной рефлексии, которая также представляет собой диспозицию.

Самодистанцирование как техника регуляции эмоций

Концептуализация самодистанцирования, отличная от самодистанцирования в опроснике А. Лэнгле и К. Орглер, получила широкое распространение в ряде зарубежных исследований, предлагающих рассматривать самодистанцирование как конкретное действие — технику регуляции эмоций (Kross, Ayduk, 2017).

В этом направлении исследований самодистанцирование представлено в разных формах:

- как взгляд на ситуацию глазами стороннего наблюдателя;
- как взгляд на ситуацию глазами значимого человека или персонажа (социальное самодистанцирование);
- как размышление в словах от третьего лица (лингвистическое);
- как взгляд на ситуацию с точки зрения себя из будущего (временно́е);
- в качестве автоматической реакции на негативные воспоминания (спонтанное) (Kross, Ayduk, 2017).

Во всех перечисленных формах самодистанцирование приводило к позитивным эффектам: уменьшению депрессивных симптомов, тревожности, агрессивных реакций и др. (Kross, Ayduk, 2017).

Механизмами подобных эффектов могут являться снижение эмоциональной реактивности (White et al., 2019) и увеличение адаптивности рефлексии (Kross, 2009). Второе косвенно свидетельствует в пользу гипотезы о самодистанцировании как источнике продуктивных механизмов рефлексивной деятельности.

И. Гроссман (I. Grossmann) и И. Кросс (E. Kross) предположили, что самодистанцирование приводит к адаптивности рефлексии за счет повышения конструктивности внутреннего диалога и анализа переживаний. Это работает так же, как если бы вместо человека о его проблемах рассуждал его друг, рассуждал несколько отстраненно, «со стороны», и потому более адекватно (Grossmann, Kross, 2014).

Несмотря на то что данный феномен и его связи с рефлексией достаточно хорошо исследованы, остаются открытые вопросы. То, как связаны самодистанцирование (в понимании И. Кросса) и именно системная рефлексия (в понимании Д. А. Леонтьева), пока неизвестно. Кроме того, изучение самодистанцирования только как техники в исследованиях не позволяет понять его роль как устойчивой черты личности, которая проявляется в обыденной жизни вне экспериментов.

Самодистанцирование как диспозиция

Мы концептуализируем самодистанцирование как диспозицию, то есть склонность смотреть на себя со стороны. Мы считаем, что такой подход позволит рассматривать этот конструкт вне экспериментальных условий и изучить его связь с системной рефлексией. В данный момент среди отечественных и зарубежных методик нет релевантного инструмента измерения самодистанцирования, который бы оценивал этот феномен как склонность действовать определенным образом. Опросник «Спонтанного самодистанцирования» также не относится к релевантным инструментам, так как использовался исключительно в экспериментальных условиях (Kross, Ayduk, 2017) и не поддается проверке надежности.

По этим причинам целью данного исследования является разработка методики измерения диспозиционного самодистанцирования.

Гипотезы исследования: разработанный опросник диспозиционного самодистанцирования подтвердит свою психометрическую состоятельность; диспозиционное самодистанцирование подразделяется на отдельные формы; диспозиционное самодистанцирование может выступать значимым предиктором системной рефлексии.

Методы

Этапы разработки авторской методики. На основе теоретического анализа мы выявили, что самодистанцирование объединяет четыре связанные стратегии:

1. Самодистанцирование в позицию стороннего наблюдателя.
2. Самодистанцирование в позицию значимого.
3. Временно́е самодистанцирование.
4. Лингвистическое самодистанцирование.

Соответственно, каждая шкала методики разрабатывалась в соответствии с этими четырьмя видами самодистанцирования. Эмпирически подтверждено, что развитие одного вида самодистанцирования приводит к развитию другого (Kross, Ayduk, 2017), что в наших данных должно было выразиться в высокой взаимосвязи шкал между собой и в их объединении в общий фактор.

В первичной версии был разработан 81 пункт со шкалой ответов Ликерта из пяти вариантов («Никогда» / «Редко» / «Иногда» / «В большинстве случаев» / «Всегда»).

Методики

В данном исследовании был использован метод анкетирования с помощью самоотчетных опросников.

Помимо опросника диспозиционного самодистанцирования, применялись следующие методики:

1. Дифференциальный тест рефлексии (Леонтьев, Осин, 2014). Разработан Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиным, состоит из 30 пунктов. Тест измеряет выраженность следующих рефлексивных процессов: системной рефлексии, квазирефлексии и интроспекции.

2. Шкала экзистенции (Кривцова, 2009; Längle et al., 2003). Разработана в рамках экзистенциально-аналитической теории А. Лэнгле совместно с К. Орглер. Состоит из 46 пунктов и направлена на измерение экзистенциальной исполненности — субъективной наполненности жизни смыслом. Инструмент включает четыре субшкалы: самодистанцирование, самотрансценденция, свобода и ответственность.

3. Опросник спонтанного самодистанцирования Кросса и Айдук (Kross, Ayduk, 2017). Состоит из одного вопроса со шкалой ответа из семи пунктов. Оценивает степень, в которой человек при воспоминании о негативном событии спонтанно принимает самодистанцированную (7) или погруженную перспективу (1).

Содержание опросника в переводе на русский язык: «Вспомните любое негативное событие из вашего прошлого (конфликт, разочарование, поражение или т. п.). Подумайте о Ваших ощущениях в тот момент, порассуждайте о Вашем опыте.

Как Вы считаете, в какой степени во время рассуждений о событии Вы чувствовали себя сторонним наблюдателем происходящего, а не прямым участником события? В какой степени Вы вспоминали это, видя себя и оценивая со стороны? Или в какой степени Вы вспоминали это так, словно снова находились там и смотрели на все своими глазами?» Для ответа респондентам предоставлялась шкала от 1 до 7, где 1 — это погруженная перспектива, а 7 — это отстраненная перспектива.

Обработка результатов проводилась с помощью статистической программы Jamovi.

Выборка

Набор выборки осуществлялся с помощью распространения анкеты через социальные сети. Респонденты подписывали информированное согласие об участии и в качестве поощрения после прохождения анкеты получали ссылку на материалы о самодистанцировании.

При планировании исследования ожидался объем выборки 184 человека для достижения уровня эффекта 0,3 при мощности 0,99. В результате анкету заполнили 192 человека в возрасте от 18 до 64 лет (M = 31,9, SD = 10,9). 35,9 % выборки — мужчины, 1,37 % предпочли не указывать пол. У большинства респондентов было высшее образование — 58,9 %, неоконченное высшее — у 23,4 %, среднее профессиональное — у 9,4 %, два и более высших — у 7,8 %, среднее — у 6,8 %, ученая степень — у 2,6 %.

Результаты

Первичная апробация проводилась на 30 респондентах, собранных методом удобной выборки. После анализа частот и ROC-кривых (чувствительность-специфичность вопроса при предсказании итогового балла) список из 81 пункта сократился до 30 (см. Приложение).

Далее опросник диспозиционного самодистанцирования в составе анкеты заполнили 192 человека. По результатам анализа надежности было исключено четыре пункта опросника, так как они понижали надежность общего показателя (α Кронбаха).

По результатам анализа главных компонент с вращением облимин в качестве итоговой была выбрана структура опросника из 12 пунктов, сгруппированных в три шкалы. В табл. 1 приведены результаты анализа итоговой версии опросника из 12 пунктов с нумерацией. Объясненная дисперсия составила 59,6 %.

В первый фактор вошли вопросы 1, 3, 6, 10, все они относятся к самодистанцированию в значимого человека (социальное самодистанцирование). Вопросы лингвистического самодистанцирования (2, 7, 11, 12) объединились во втором факторе. В третий фактор вошли только утверждения временно́го самодистанцирования (4, 5, 8, 9).

Корреляции между шкалами опросника диспозиционного самодистанцирования находятся в диапазоне от 0,40 до 0,54, корреляции с интегральной шкалой от 0,74 до 0,83 (табл. 2).

Результаты также свидетельствуют о нормальности распределения шкал опросника: асимметрия от –0,83 до 0,49, эксцесс от –0,80 до 0,87.

Таблица 1. **Матрица факторных нагрузок теста**

№	Вопрос	1	2	3
1	Я задумываюсь о том, как бы отнесся к последствиям моих решений человек, которого я уважаю	**0,76**	0,08	–0,03
2	В своих мыслях я описываю происходящее, называя себя по имени	–0,19	**0,43**	–0,25
3	Я задумываюсь о том, что бы почувствовали люди, которых я знаю, если бы они узнали о происходящих со мной событиях	**0,72**	0,02	–0,11
4	Я смотрю на происходящее со мной с точки зрения самого себя из будущего	–0,12	0,13	**–0,75**
5	Я задумываюсь о том, как изменится мое восприятие событий со временем	0,15	–0,11	**–0,73**
6	Я думаю о том, что бы сказали о происходящем со мной значимые для меня люди	**0,82**	0,08	–0,08
7	Я думаю о своих чувствах по поводу ситуации, в которой я нахожусь, как если бы их испытывал какой-то персонаж	0,40	**0,58**	0,05
8	Я думаю о том, что я в будущем сказал бы о последствиях моих сегодняшних решений и действий	0,14	–0,001	**–0,77**
9	Я задумываюсь о том, что я буду чувствовать в будущем, вспоминая о происходящих со мной событиях в данный момент	0,12	–0,03	**–0,77**
10	Я размышляю о том, что бы подумал другой человек о происходящем	**0,63**	0,24	–0,17
11	В своих мыслях я говорю о своих чувствах отстраненно, как бы со стороны	0,02	**0,77**	0,08
12	В своей голове я описываю ситуацию, в которой я нахожусь, словно я автор автобиографии	0,09	**0,76**	–0,03

Примечание: Полужирным шрифтом выделены факторные нагрузки, которые вошли в соответствующий фактор из названия столбца.

Внутренняя структура и надежность шкал. Трехфакторная структура с корреляциями факторов хорошо соответствует данным согласно индексам: CFI = 0,987; TLI = 0,983; RMSEA = 0,031 (95 % CI от 0,000 до 0,056); SRMR = 0,043. Факторные нагрузки пунктов значимы при $p \leq 0{,}001$. Дисперсия факторов значима при $p \leq 0{,}05$. Дискриминантная валидность факторов подтверждена по критерию HTMT (Henseler et al., 2015): для F1–F2 0,692, для F1–F2 0,657, F1–F2 0,616 — все значения < 0,85.

Для обоснования двухуровневой структуры опросника была построена иерархическая модель. В модели был один общий и три частных фактора, соответствующие ранее эксплораторно полученным факторам. Индексы соответствия иерархической модели: $\chi^2 = 58{,}6$, df = 51, $p = 0{,}217$; CFI = 0,989; TLI = 0,986; RMSEA = 0,028 (95 % CI от 0,000 до 0,056); SRMR = 0,043. Эта модель (рис. 1) отлично соответствует данным (Hu, Bentler, 1999). Факторные нагрузки на общий фактор значимы при $p \leq 0{,}01$. Дисперсия общего фактора значима при $p \leq 0{,}001$.

Конструктная валидность: связи с рефлексией. В табл. 2 приведены результаты корреляционного анализа.

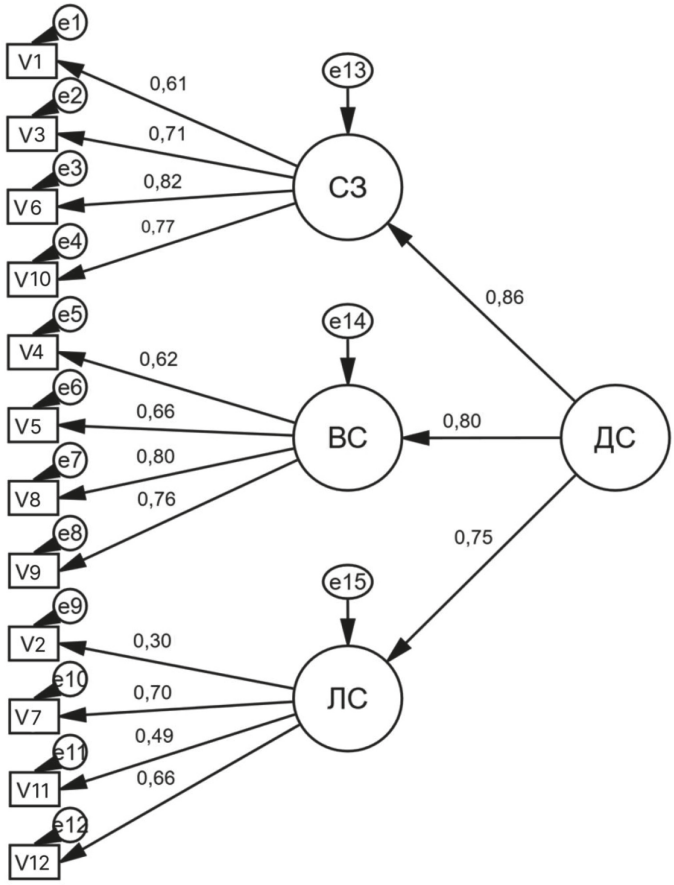

Рис. 1. Иерархическая модель опросника диспозиционного самодистанцирования

Примечания: СЗ — социальное самодистанцирование; ВС — временное самодистанцирование; ЛС — лингвистическое самодистанцирование; ДС — диспозиционное самодистанцирование.
Источник: IBM SPSS Amos, v. 26.

После коррекции на множественные сравнения по процедуре Бенджамини — Хохберга (Benjamini, Hochberg, 1995) статистически значимыми остались все выявленные корреляции, за исключением связи между самотрансценденцией и социальным самодистанципированием. В таблице отражены скорректированные значения.

Корреляционный анализ показал, что самодистанцирование тесно связано со всеми типами рефлексии — с системной рефлексией, квазирефлексией и интроспекцией.

Общий балл не коррелирует со спонтанным самодистанцированием и самодистанцированием из шкалы экзистенции.

Лингвистическое самодистанцирование было связано со спонтанным самодистанцированием, с системной рефлексией (слабее, чем с квазирефлексией). Социальное самодистанцирование положительно связано с интроспекцией, квазирефлексией и системной рефлексией. Временно́е самодистанцирование показывает

Таблица 2. **Корреляции шкал самодистанцирования и рефлексии**

№	Параметр	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Диспозиционное самодистанцирование	–								
2	Социальное самодистанцирование	0,83***	–							
3	Лингвистическое самодистанцирование	0,74***	0,40***	–						
4	Временное самодистанцирование	0,83***	0,54***	0,42***	–					
5	Спонтанное самодистанцирование	0,04	–0,03	0,22**	–0,07	–				
6	Самодистанцирование (шкала экзистенции)	–0,08	–0,08	–0,06	–0,05	0,22**	–			
7	Самотрансценденция	–0,17*	–0,15	–0,18*	–0,07	0,09	0,54***	–		
8	Системная рефлексия	0,45***	0,36***	0,27***	0,44***	0,04	0,01	0,12	–	
9	Интроспекция	0,37***	0,40***	0,23**	0,24***	–0,10	–0,40***	–0,52***	0,19**	–
10	Квазирефлексия	0,42***	0,34***	0,34***	0,33***	–0,07	–0,36***	–0,28***	0,34***	0,57***

Примечания: * $p < 0{,}05$; ** $p < 0{,}01$; *** $p < 0{,}001$.

самые высокие связи с системной рефлексией, а также умеренные связи с интроспекцией и квазирефлексией.

Роль самодистанцирования в рефлексии. Была построена регрессионная модель, где предиктором выступил общий показатель диспозиционного самодистанцирования, а зависимой переменной показатель системной рефлексии. При $R^2 = 0{,}204$ и $\beta = 0{,}451$ ($p < 0{,}001$) самодистанцирование может быть определено как значимый предиктор системной рефлексии (рис. 2).

Обсуждение результатов

Психометрические свойства опросника. Полученная факторная структура в целом соответствует теоретической модели и состоит из трех факторов: социального, лингвистического и временно́го самодистанцирования. Все шкалы демонстрируют хороший уровень надежности, кроме шкалы лингвистического самоди-

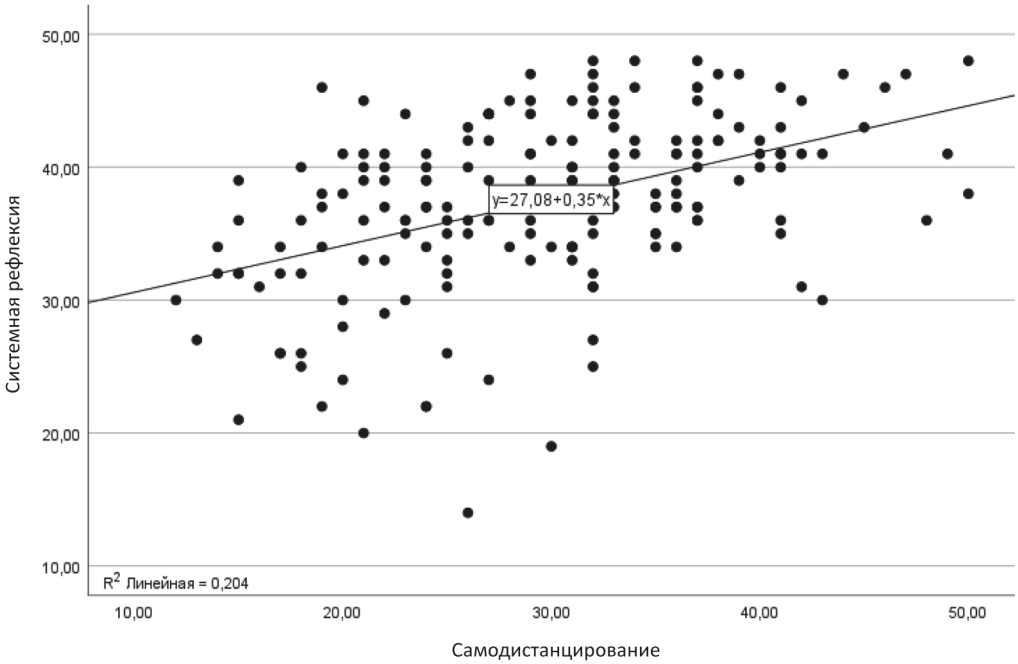

Рис. 2. График линейной регрессии предсказания системной рефлексии
Источник: IBM SPSS Statistics, v. 26

станцирования (невысокая надежность), что может объясняться малым количеством пунктов и специфичностью шкалы.

Теоретически обоснованные связи показателей самодистанцирования подтверждают конструктную валидность. Слабые связи с феноменами из шкалы экзистенции нуждаются в дополнительной проверке — вероятно, опросники измеряют разные аспекты конструкта.

Интересно, что при факторизации не была выделена шкала, которая бы отвечала за самодистанцирование в позицию стороннего наблюдателя. Это может говорить о том, что диспозиционное самодистанцирование возможно только в конкретный образ другого, как в самодистанцировании в значимого человека. Также возможно, что метод самоотчета не подходит для измерения самодистанцирования в позицию стороннего наблюдателя.

Три формы самодистанцирования. Социальное самодистанцирование в анализе проявило себя как неоднозначный феномен. Вероятно, влияет образ значимого другого и побочные переменные, например мотивационные. Близкий механизм в психологии мотивации — интроецированная мотивация (Sheldon et al., 2017). Она бывает позитивной (похвала, гордость) и негативной (вина, стыд).

Лингвистическое самодистанцирование связано со спонтанным самодистанцированием. Часть спонтанного, вероятно, проявляется лингвистически, но корреляция мала для уверенных выводов. Отрицательная связь с самотрансценденцией может указывать на неблагоприятные эффекты этого лингвистического самодистанцирования.

Временно́е самодистанцирование в сравнении с родственными конструктами показало себя позитивным феноменом. Вероятно, оно является источником системной рефлексии. Временное самодистанцирование может совмещать полюса субъекта и объекта: «будущий я» — это одновременно «я» и «некто вовне», поскольку это не непосредственный субъект, а «я» в будущем. Именно это сочетание лежит в основе системной рефлексии в дифференциальной модели рефлексии. Аргументы в пользу этой позиции видны в исследованиях мышления о будущем, которое считается позитивным и продуктивным аспектом сознания и связано с процессами рефлексии (Lalot et al., 2021).

Неоднозначность связи самодистанцирования с рефлексией. Существует вероятность, что самодистанцирование в структуре и динамике системной рефлексии следует рассматривать вкупе с самопогружением и различным отношением к ситуации. Тем не менее гипотеза о роли самодистанцирования в формировании и протекании системной рефлексии подтвердилась. Лучше всего на роль источника системной рефлексии подходит форма временно́го самодистанцирования.

Также связь диспозиционного самодистанцирования с системной рефлексией свидетельствует о конструктной валидности разработанного опросника.

Были получены положительные корреляции с двумя другими формами рефлексии, что отличает диспозиционное самодистанцирование от самодистанцирования по А. Лэнгле. В первом случае связи со всеми формами рефлексии были равномерными, а во втором системная рефлексия была вынесена за скобки, тогда как квазирефлексия и интроспекция были отрицательно связаны с самодистанцированием.

Почему наблюдаются такие различия? Мы предполагаем, что диспозиционное самодистанцирование связано с рефлексией за счет общей рефлексивности личности. В подходе А. Лэнгле можно усмотреть целенаправленность процесса самодистанцирования, тогда как общая склонность к этому формирует основу для всех процессов рефлексии.

Соответственно, диспозиционное самодистанцирование — это недискриминативный по отношению к качеству рефлексии феномен. Потенциал дальнейших исследований — в прояснении этого аспекта. Стоит концептуализировать самодистанцирование как двухмерный феномен, добавив измерение валентности. К примеру, можно изучать самодистанцирование в позитивных и негативных ситуациях, модерацию эффектов шкалами позитивного и негативного аффекта.

Из сравнения нашего подхода с подходом А. Лэнгле можно сделать практическую импликацию. Самодистанцирование как «трезвость, реалистичность, способность увидеть свою субъективную долю и отделить себя от другого» (Кривцова, 2009, с. 2) подходит для снижения неадаптивных форм рефлексии. Согласно полученным данным, развитие диспозиционного самодистанцирования на практике будет сопряжено с развитием общей рефлексивности человека. Отдельный интерес будут представлять результаты, которые бы совмещали оба подхода. Также в практике мы рекомендуем фокусироваться именно на развитии временно́го самодистанцирования.

Заключение

В ходе изучения механизмов адаптивной рефлексии мы разработали опросник диспозиционного самодистанцирования, который включает три ключевые шкалы: временно́е, лингвистическое и социальное самодистанцирование. Результаты анализа подтвердили его психометрическую надежность и валидность. Этот инструмент представляет ценность как для ученых, так и для практикующих специалистов, помогая глубже понять роль самодистанцирования в рефлексии и выявить иные механизмы, определяющие адаптивные и деструктивные процессы в рефлексии и сознании в целом. Практическая привлекательность опросника — в его компактности (12 пунктов), удобстве использования, умеренной взаимосвязи шкал, что делает каждую из них информативной, а также в установленной связи самодистанцирования с различными формами рефлексии, позиционируя его как ясную цель для психотерапии и психологического консультирования.

Литература

Деева Н. А. Системная рефлексия в процессе формирования профессионально важных качеств курсантов: проблемы и перспективы исследования // Формирование профессионально значимых качеств сотрудников полиции (20 апреля 2017 г) / под общ. ред. А. А. Таганова и др. Краснодар: Краснод. ун-т МВД России, 2017. С. 20–26.

Ерофеева М. С. «Самодистанцирование» и «системная рефлексия» — родственные ли понятия? // Психологические проблемы смысла жизни и акмэ: электр. сб. мат-лов XXIV Междунар. симп. (10–11 апреля 2019 г.) / отв. ред. Г. А. Вайзер и др. М.: Психол. ин-т РАО, 2019. С. 55–57.

Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. Ярославль: Диапресс, 2000.

Костенко В. Ю., Леонтьев Д. А. Взгляд на себя со стороны: роль рефлексии и самодетерминации в развитии личности // Мир психологии. 2016. № 3 (87). С. 97–108.

Кривцова С. В. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ: бюллетень. 2009. № 1. С. 141–170.

Леонтьев Д. А., Аверина А. Ж. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции // Психологические исследования. 2011. № 2 (16). С. 1–17. https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.860

Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4 (11). С. 110–135. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2014-4-110-135

Осин Е. Н., Турилина И. И. Краткосрочные эффекты от онлайн-практики медитации осознанности // Экспериментальная психология. 2020. № 1 (13). С. 51–62. https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130104

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Свинина Е. С. Взаимосвязь психологической готовности к саморазвитию и рефлексивности в период юности // Е. А. Лушина (ред.). Теоретическая и прикладная психология: традиции и перспективы (28 апреля 2017 г.). Чита: Забайкальск. гос. ун-т, 2017. С. 210–214.

Benjamini Yo., Hochberg Yo. Controlling the false discovery rate: A practical and powerful approach to multiple testing // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological). 1995. Vol. 57, no. 1. P. 289–300.

Grossmann I., Kross E. Exploring Solomon's paradox: Self-distancing eliminates the self-other asymmetry in wise reasoning about close relationships in younger and older adults // Psychological Science. 2014. Vol. 25, no. 825. P. 1571–1580. https://doi.org/10.1177/0956797614535400

Henseler J., Ringle C. M., Sarstedt M. A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling // Journal of the Academy of Marketing Science. 2015. Vol. 43, no. 1. P. 115–135. https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8

Hu L., Bentler P. M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 1999. Vol. 6, no. 1. P. 1–55. https://doi.org/10.1080/10705519909540118

Kross E. When the self becomes other: Toward an integrative understanding of the processes distinguishing adaptive self-reflection from rumination // Annals of the New York Academy of Sciences. 2009. Vol. 1167, no. 1 . P. 35–40. https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2009.04545.x

Kross E., Ayduk Ö. Self-distancing: Theory, research, and current directions // Advances in Experimental Social Psychology. Academic Press. 2017. No. 55. P. 81–136. https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2016.10.002

Lalot F., Ahvenharju S., Minkkinen M. Aware of the future?: Adaptation and refinement of the futures consciousness scale // Psychological Test Adaptation and Development. 2021. Vol. 2, no. 1. P. 102–110. https://doi.org/10.1027/2698-1866/a000014

Längle A., Orgler C., Kundi M. The existence scale: A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfillment // European Psychotherapy. 2003. Vol. 4, no. 1. P. 135–151.

Nolen-Hoeksema S., Wisco B. E., Lyubomirsky S. Rethinking rumination // Perspectives on Psychological Science. 2008. Vol. 3, no. 5. P. 400–424. https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2008.00088.x

Sheldon K. M., Osin E. N., Gordeeva T. O., Suchkov D. D., Sychev O. A. Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017. Vol. 43, no. 9. P. 1215–1238. https://doi.org/10.1177/0146167217711915

White R. E., Kuehn M. M., Duckworth A. L., Kross E., Ayduk Ö. Focusing on the future from afar: Self-distancing from future stressors facilitates adaptive coping // Emotion. 2019. Vol. 19, no. 5. P. 903–916. https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/emo0000491

Статья поступила в редакцию 2 августа 2025 г.;
рекомендована к печати 20 апреля 2026 г.

Контактная информация:

Дроздов Данила Сергеевич — аспирант; https://orcid.org/0009-0007-2940-813X, Drozdov.D.S@hse.ru
Димидов Владимир Олегович — аспирант; https://orcid.org/0000-0002-5124-9194, 13daidn13@gmail.com

Reference

Benjamini, Yo., Hochberg, Yo. (1995). Controlling the false discovery rate: A practical and powerful approach to multiple testing. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological),* 57 (1), 289–300.

Deeva, N. A. (2017). Systemic reflexion in the process of formation of professionally important qualities of cadets: problems and prospects of research. In: *Formirovanie professional'no znachimykh kachestv sotrudnikov politsii* (pp. 20–26). Krasnodar, Krasnodar University of MIA of Russia Press. (In Russian)

Erofeeva, M. S. (2019). "Self-distance" and "systemic reflexion" are related concepts? In: G. A. Weiser, T. A. Popova, N. V. Kiselnikova (eds). *Psihologicheskie problemy smysla zhizni i akme: Elektronnyi sbornik materialov XXIV Mezhdunarodnogo simpoziuma* (p. 55–57). Moscow, Psychological Institute of the RAE Press. (In Russian)

Grossmann, I., Kross, E. (2014). Exploring Solomon's paradox: Self-Distancing eliminates the self-other asymmetry in wise reasoning about close relationships in younger and older adults. *Psychological Science*, 25 (8), 1571–1580. https://doi.org/10.1177/0956797614535400

Henseler, J., Ringle, C. M., Sarstedt, M. (2015). A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 43 (1), 115–135. https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8

Hu, L., Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6 (1), 1–55. https://doi.org/10.1080/10705519909540118

Karpov, A. V., Ponomareva, V. V. (2000). *The psychology of reflexive control mechanisms*. Moscow, Dia-Press. (In Russian)
Kostenko, V. Yu., Leontiev, D. A. (2016). Self-view from the outside: The role of reflection and self-determination in personal development. *Mir psikhologii*, 3, 97–108. (In Russian)
Krivtsova, S. V. (2009). The existence scale (Existenzskala) by A. Längle and K. Orgler. *Ekzistentsial'nyi analiz. Biulleten'*, 1, 141–170. (In Russian)
Kross, E. (2021). Does distanced self-talk facilitate emotion regulation across a range of emotionally intense experiences? *Clinical Psychological Science*, 9 (1), 68–78. https://doi.org/10.1177/2167702620951539
Kross, E. (2009). When the self becomes other: Toward an integrative understanding of the processes distinguishing adaptive self-reflection from rumination. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1167 (1), 35–40. https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2009.04545.x
Kross, E., Ayduk, Ö. (2017). Self-Distancing. In *Advances in Experimental Social Psychology* (vol. 55, pp. 81–136). Berlin, Elsevier. https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2016.10.002
Lalot, F., Ahvenharju, S., Minkkinen, M. (2021). Aware of the future?: Adaptation and refinement of the futures consciousness scale. *Psychological Test Adaptation and Development*, 2 (1), 102–110.https://doi.org/10.1027/2698-1866/a000014
Längle, A., Orgler, C., Kundi, M. (2003). The existence scale: A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfillment. *European Psychotherapy*, 4 (1), 135–151.
Leontiev, D., Averina, A. (2011). The phenomenon of reflexion in the context of the problem of self-regulation. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 4 (16). https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.860 (In Russian)
Leontiev, D. A., Osin, E. N. (2014). Reflexion "good" and "bad": From explanatory model to differential diagnosis. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 11 (4). (In Russian)
Nolen-Hoeksema, S., Wisco, B. E., Lyubomirsky, S. (2008). Rethinking rumination. *Perspectives on Psychological Science*, 3 (5), 400–424. https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2008.00088.x
Rubinstein, S. L. (1997). *Man and the world*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
Svinina, E. S. (2017). The relationship between psychological readiness for self-development and reflexivity in the period of adolescence. In: *Teoreticheskaia i prikladnaia psikhologiia: traditsii i perspektivy* (pp. 210–214). (In Russian)
Sheldon, K. M., Osin, E. N., Gordeeva, T. O., Suchkov, D. D., Sychev, O. A. (2017). Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43 (9), 1215–1238. https://doi.org/10.1177/0146167217711915
White, R. E., Kuehn, M. M., Duckworth, A. L., Kross, E., Ayduk, Ö. (2019). Focusing on the future from afar: Self-distancing from future stressors facilitates adaptive coping. *Emotion*, 19 (5), 903–916. https://doi.org/10.1037/emo0000491

Received: August 2, 2025
Accepted: April 20, 2026

Authors' information:

Danila S. Drozdov — Postgraduate Student; https://orcid.org/0009-0007-2940-813X, Drozdov.D. S@hse.ru
Vladimir O. Dimidov — Postgraduate Student; https://orcid.org/0000-0002-5124-9194, 13daidn13@gmail.com

Нормы по шкалам опросника ОСД и интерпретация результатов

Шкала	M (средняя сумма баллов)	SD
Социальное самодистанцирование	11,6	3,64
Временно́е самодистанцирование	9,8	3,62
Лингвистическое самодистанцирование	8,3	3,19
Диспозиционное самодистанцирование	29,7	8,45

Интерпретация результатов опросника

Диспозиционное самодистанцирование (общий балл) (сумма пунктов: 1, 4, 5, 8, 13, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 28)

Высокий (выше среднего +1 SD): человек часто смотрит на свои события и чувства как бы со стороны.

Низкий (ниже среднего –1 SD): человек обычно полностью погружен в происходящее и видит все «изнутри».

Социальное самодистанцирование (сумма пунктов: 1, 5, 16, 22)

Высокий: часто задумывается, как события выглядят в глазах значимых людей (что они подумают, почувствуют, скажут).

Низкий: почти не учитывает перспективу других людей при осмыслении ситуаций.

Лингвистическое самодистанцирование (сумма пунктов: 4, 18, 24, 28)

Высокий: в мыслях называет себя с использованием местоимений от третьего лица и имени и занимает позицию автора в описании ситуации.

Низкий: в мыслях называет себя с использованием местоимений от первого лица и занимает позицию непосредственного участника ситуации.

Временно́е самодистанцирование (сумма пунктов: 8, 13, 19, 21)

Высокий: часто смотрит на настоящее с позиции «себя из будущего» и представляет, как события будут восприниматься позже.

Низкий: почти не думает о будущем взгляде на текущие события, остается со своей точкой зрения в настоящем.

УДК 159.99 Вестник СПбГУ. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3

Научное наследие А. Л. Свенцицкого в контексте развития социальной психологии и психологии управления в России

С. Д. Гуриева[a], *С. Н. Костромина, Н. В. Гришина*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Гуриева С. Д., Костромина С. Н., Гришина Н. В.* Научное наследие А. Л. Свенцицкого в контексте развития социальной психологии и психологии управления в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 539–549. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.311

Статья посвящена анализу творческого пути, научного и практического наследия почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, заведующего кафедрой социальной психологии (1989–2015), основателя российской психологической школы управления Анатолия Леонидовича Свенцицкого. Одним из основных достижений ученого является научное обоснование нового направления в отечественной психологии — психологии управления организациями и индустриальной социальной психологии. В работе обобщен и систематизирован вклад А. Л. Свенцицкого в развитие отечественной социальной психологии. Выделяются и описываются ключевые этапы его профессионального пути и академической деятельности. Первый этап (1962–1980) связан с важными вехами в развитии социальной психологии: открытием лаборатории социальной психологии (1962), факультета психологии (1966), кафедры социальной психологии (1968) в Ленинградском государственном университете (ныне СПбГУ). В этот период были защищены кандидатская (1966) и докторская диссертации (1980). Второй этап (1980–2000) характеризуется развитием социально-психологического подхода к управлению и проведением исследований в производственной сфере. Третий этап (2000–2024) связан с изучением социального капитала организации, личности и просоциального поведения. В статье представлены результаты фундаментальных исследований Анатолия Леонидовича Свенцицкого, оказавшие влияние на формирование российского направления психологии управления: анализ механизмов мотивации, управленческих особенностей, принципов организации труда, роли организационной культуры, удовлетворенность работой, отношениями в коллективе и социально-психологического климата в коллективе. Труды Анатолия Леонидовича Свенцицкого (учебники, монографии, словари, учебные пособия и др.) стали научным образцом и эталоном профессионального подхода для многих зарубежных научных школ, а для отечественной социальной психологии — стандартом научных исследований. Созданная А. Л. Свенцицким научная школа социальной психологии управления организациями в Ленинградском/Петербургском государственном университете получила развитие в работах и научных исследованиях его учеников, коллег и последователей.

Ключевые слова: А. Л. Свенцицкий, социальная психология, социальная психология управления, методы социальной психологии, метод интервью.

[a] Автор для корреспонденции.

© С. Д. Гуриева, С. Н. Костромина, Н. В. Гришина, 2026

The scientific legacy of A. L. Sventsitsky in the context of the development of social psychology and management psychology in Russia

S. D. Gurieva[a], *S. N. Kostromina, N. V. Grishina*

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Gurieva S. D., Kostromina S. N., Grishina N. V. The scientific legacy of A. L. Sventsitsky in the context of the development of social psychology and management psychology in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 539–549.
https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.311 (In Russian)

The article is devoted to the analysis of the creative path, scientific legacy of Anatoly Leonidovich Sventsitsky, Honorary Professor at St. Petersburg State University, Head of the Department of Social Psychology (1989–2015), founder of the Russian psychological school of management. One of the scholar's main achievements is the scientific justification of a new direction — organizational management psychology. The paper systematizes A. L. Sventsitsky's contributions to the development of social psychology. Key stages are highlighted and described. The first stage (1962–1980) is connected to major milestones in the development of social psychology: the founding of the Laboratory of Social Psychology (1962), the Faculty of Psychology (1966), Department of Social Psychology (1968). During this period, he completed his Candidate dissertation (1966), Doctoral dissertation (1980). The second stage (1980–2000) is marked by the development of a socio-psychological approach to management and conducting research in the industrial sphere. The third stage (2000–2024) focuses on studying organizational social capital, prosocial behavior. The article presents the results of A. L. Sventsitsky's fundamental research, which had a significant impact on the development of the Russian school of organizational psychology: the analysis of motivation mechanisms, managerial characteristics, principles of work organization, the role of organizational culture, job satisfaction, the socio-psychological climate. A. L. Sventsitsky's scholarly works (textbooks, monographs, dictionaries) became a scientific model of professional excellence for many foreign academic schools. The scientific school of organizational social psychology has continued to develop through the works and research of his students, colleagues, and followers.

Keywords: A. L. Sventsitsky, social psychology, social psychology of management, methods of social psychology, interview method.

Введение

7 октября 1936 г. в городе Кингисеппе Ленинградской области родился Анатолий Леонидович Свенцицкий. Во время Великой Отечественной войны (1941–1945) вся семья была эвакуирована на Урал, а после ее окончания вернулась в Кингисепп, где Анатолий Леонидович окончил семилетнюю школу. В 1951 г. семья переезжает в город Сланцы, в 1954 г. Анатолий Леонидович заканчивает среднюю школу № 1. В этом же году поступил на отделение психологии философского факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, которое окончил в 1959 г. После учебы устроился на работу в редакцию районной газеты «Вперед» в качестве литературного сотрудника, а затем в течение нескольких месяцев работал в редакции газеты «Красный треугольник», печатался в газетах «Смена», «Ленинградская правда», журнале «Костер».

[a] Author for correspondence.

В 1962 г. А. Л. Свенцицкий поступил в аспирантуру на кафедру психологии Ленинградского университета, и вся его дальнейшая жизнь была связана с Ленинградским/Петербургским университетом.

В 2026 г. Анатолию Леонидовичу Свенцицкому (1936–2024) исполнилось бы 90 лет. За свой жизненный путь им было получено много почетных званий (доктор психологических наук, профессор, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (1999)), он был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2007). Многие годы он читал лекции, руководил аспирантами и студентами, однако вклад в развитие отечественной социальной психологии, методологию социальной психологии и социальную психологию управления представляется одним из самых значимых и важных в профессиональной деятельности Свенцицкого. Одним из основных достижений ученого является научное обоснование нового направления в отечественной психологии — индустриальной социальной психологии и психологии управления организациями. Именно с развитием этих направлений связаны основные этапы жизненного пути выдающегося ученого, яркой личности, невероятно скромного и безмерно любящего свою профессию А. Л. Свенцицкого, его главные открытия, достижения, работы.

Первый этап. Становление кафедры социальной психологии в Ленинградском государственном университете. Первые шаги и первые научные исследования А. Л. Свенцицкого (1962–1980)

Социальная психология в течение многих лет является и до сих пор остается одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений научной мысли.

С открытием на философском факультете Ленинградского университета (при отделении психологии) первой лаборатории социальной психологии в сентябре 1962 г. начинается институциональное оформление социально-психологического направления в Ленинградской/Петербургской психологической школе. Лаборатория была открыта благодаря научным и интеллектуальным талантам Б. Г. Ананьева и организационным и управленческим усилиям Е. С. Кузьмина. В 1965 г. стал работать в Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований (НИИКСИ) университета, сначала младшим, а вскоре старшим научным сотрудником лаборатории социальной психологии (Гуриева, Свенцицкий, 2022).

На историю формирования социальной психологии в Санкт-Петербургском университете оказало несомненное влияние близкое сотрудничество и совместная работа с НИИКСИ, а также активно развивавшаяся в городе практика социального планирования. Первые поколения социальных психологов работали на крупнейших предприятиях города, выполняя по их заказам исследования самой разной тематики, направленные на психологическую оптимизацию деятельности коллективов. Практика работы стала для многих начинающих психологов замечательной школой постановки исследовательских задач, проведения исследований, разработки практических рекомендаций. Основным руководителем этой работы был А. Л. Свенцицкий.

Следующий этап институционализации социальной психологии был связан с открытием в 1966 г. факультета психологии. Началась подготовка специалистов по трем направлениям: общая психология, инженерная психология и социальная психология.

Через два года, 28 августа 1968 г., вышел приказ министра высшего и среднего специального образования РСФСР об открытии кафедры социальной психологии на факультете психологии ЛГУ. Начинается период формирования и развития Ленинградской/Петербургской психологической школы. Кафедру социальной психологии — первую в стране — возглавил Евгений Сергеевич Кузьмин. На ней и делал свои первые шаги в науке Анатолий Леонидович Свенцицкий начиная с должности младшего лаборанта, затем старшего научного сотрудника, аспиранта, преподавателя кафедры и т. д. (Свенцицкий, 2022).

С первых лет становления кафедры социальной психологии основное внимание А. Л. Свенцицкого было сконцентрировано на методологии социальной психологии, в частности на интервью как методе социально-психологического исследования. Е. С. Кузьмин, зная, что после окончания университета А. Л. Свенцицкий увлекался журналистикой, предложил ему разработать метод интервью, сформулировав тему для кандидатской диссертации «Интервью как метод выявления коллективных настроений». Справедливо можно отметить, что А. Л. Свенцицкий первым в отечественной социальной психологии был основателем разработки и изучения метода интервью.

Результатом успешного решения поставленной задачи стала защита кандидатской диссертации, под названием «Интервью как метод социальной психологии» (1966). При этом интервью рассматривается Свенцицким именно как психологический метод, в котором основное внимание уделяется диалогу, установлению и последующему укреплению контакта между интервьюером и опрашиваемым. А. Л. Свенцицкий подчеркивал, что «интервьюер должен стремиться к созданию ситуации, в которой опрашиваемый побуждался бы к искренним ответам. Главное условие успешного интервьюирования — создание дружеской атмосферы» (Свенцицкий, 2004, с. 57). Задача теоретической разработки и эмпирической проверки методов социальной психологии была поставлена в качестве важнейшей перед кафедрой социальной психологии. Уже в 1977 г. под редакцией Е. С. Кузьмина вышла коллективная монография «Методы социальной психологии», в которую вошли материалы исследований по методам социальной психологии. По мнению А. Л. Свенцицкого, это издание стало «научным бестселлером» в области социальной психологии.

Обобщая итоги первого этапа жизненного пути и профессиональных достижений А. Л. Свенцицкого, можно отметить ключевые моменты. Он первым в отечественной социальной психологии стал заниматься научной разработкой метода интервью, определив специфику и социально-психологический контекст его применения и предложив способы повышения его эффективности. Результаты его прикладных исследований успешно применялись при совершенствовании системы управления на многих предприятиях Ленинграда. Им были разработаны социально-психологические методы оптимизации управления социальными организациями с учетом принципа дифференцированного подхода к разным категориям персонала (Журавлев и др., 2023).

А. Л. Свенцицкий является одним из инициаторов развития в отечественной психологии направления индустриальной социальной психологии. В 1970-е гг. он обосновал выделение нового научного направления — социальной психологии управления, сформулировал ряд положений социально-психологической теории управления производственными организациями, выявил некоторые закономерности при осуществлении управленческих воздействий на трех уровнях: личность, первичная рабочая группа, организация в целом. Им была выделена система факторов макро- и микросред, влияющих на социально-психологический климат первичной рабочей группы, определена специфика социальной регуляции деятельности личности как субъекта и объекта управления.

Эта проблематика — изучение социально-психологических проблем управления трудовыми коллективами — стала ключевой в научных трудах А. Л. Свенцицкого.

Второй этап. Социально-психологический подход к проблеме управления. Исследования на производственных предприятиях (1980–2000)

Начиная с конца 1970-х и до начала 1980-х гг. под руководством А. Л. Свенцицкого активно развивались исследования социально-психологических проблем управления производственными коллективами в рамках выполнения хозяйственных договоров с ведущими промышленными предприятиями Ленинграда. Ученый начинает активно заниматься исследованиями эффективности и оптимизации трудовой деятельности. Первой комплексной работой, в которой А. Л. Свенцицкий наряду с другими сотрудниками лаборатории социальной психологии принял активное участие, было исследование эффективности управления Ленинградским государственным университетом. Итоги этих исследований были представлены в его монографии «Социально-психологические проблемы управления», изданной в 1975 г. (Свенцицкий, 1975). Вскоре, в 1977 г., последовала публикация этой книги в Японии. В работах рассматривались организационные факторы, воздействующие на сознание и поведение работника и трудовой группы как объектов управления, влияние вертикальных официальных коммуникаций на эффективность производственного коллектива, особенности стиля коммуникативной деятельности руководителя, его социальных потребностей. Полученные в этих исследованиях данные послужили основой докторской диссертации А. Л. Свенцицкого, защищенной в 1980 г. под названием «Социальная психология управления производственным коллективом».

Методические разработки А. Л. Свенцицкого по совершенствованию социально-психологических аспектов управления экспонировались на ВДНХ СССР в Москве в 1969 и 1970 гг. Одним из практических итогов проведенных исследований явилось создание факультета обучения руководителей на базе объединения «Ижорский завод» в 1980-е гг. (Свенцицкий и др., 1982). В разработанных программах использовались интерактивные методы обучения.

В конце 1980-х гг. кафедра социальной психологии представляла собой сформировавшийся и сплоченный коллектив. В 1989 г. А. Л. Свенцицкий становится заведующим кафедры социальной психологии. Основные научные труды Анатолия

Леонидовича второго этапа были посвящены проблемам психологии управления, психологии лидерства и командной работы. А. Л. Свенцицкий подготовил ряд научных изданий: «Промышленная социальная психология» (коллективная монография, 1982), «Социальная психология управления» (1986), «Личность в группе» (1998), «Психология управления организациями» (1999), «Социальная психология в трудах отечественных психологов» (2000) и многие другие (Свенцицкий и др., 1982; Свенцицкий, 1986; Свенцицкий, 1995; Свенцицкий, 1998; Свенцицкий, 1999; Свенцицкий, 2000; Свенцицкий и др., 2009). На протяжении многих лет А. Л. Свенцицкий не только возглавлял кафедру социальной психологии, но и существенно развивал и обогащал научную школу социальной психологии в Ленинградском/Петербургском государственном университете.

Третий этап. Научные исследования и проектная работа по изучению социального капитала организации (2000–2024). Обобщение накопленных знаний и опыта

В этот период все бóльшую научную актуальность и востребованность приобретает проблема изучения социального капитала («социального богатства»). Различные аспекты социального капитала сравнительно давно были исследованы в западной социологии тремя социологами: французом П. Бурдьё (P. Bourdieu) и американцами Д. Коулманом (D. Coleman) и Р. Патнамом (R. Putnam), чьи работы, опубликованные в 1980-х — начале 1990-х гг., служат источниками теоретических и эмпирических изысканий и по сей день (Свенцицкий и др., 2009; Почебут и др., 2014; Свенцицкий, Гуриева, 2019). Проблема социального капитала, несомненно, является междисциплинарной, и к ее анализу подключились социальные психологи, расширяя научное поле исследования, включая в него такие проблемы, как социальный капитал организации, социальный капитал личности, различные стороны просоциального поведения. Начиная с 2000-х гг. основным источником развития организационной социальной психологии являются работы, которые получили поддержку научных фондов.

В 2008 г. под научным руководством А. Л. Свенцицкого началась разработка данной тематики в рамках гранта СПбГУ (члены научной группы: Л. Г. Почебут, И. В. Кузнецова, Л. В. Марарица, Т. В. Казанцева и др.) (Свенцицкий и др., 2020). Научная новизна данного проекта была обусловлена почти полным отсутствием отечественных исследований, рассматривающих социально-психологическую природу социального капитала, его отдельные компоненты и их взаимосвязь, стратегии и тактики накопления, а также их практическое применение. Проведенный анализ научной литературы позволил исследовательской группе сформулировать основные методологические принципы изучения социального капитала с учетом того, что этот феномен дает возможность исследователям по-новому взглянуть на различные аспекты межличностных отношений. В результате было отмечено, что социальный капитал следует рассматривать как определенную систему доверительных отношений между членами этой или иной общности. На индивидуальном уровне социальный капитал понимается как совокупность межличностных связей личности, предоставляющих ей и ее партнерам взаимный доступ к различным видам ресурсов друг друга. Подробный анализ, проведенный исследовательской

группой под руководством А. Л. Свенцицкого, позволил выявить перечень основных социально-психологических характеристик социального капитала личности. Приводим этот перечень из отчета научной группы:

1) количество социальных контактов;

2) ресурсы партнеров;

3) диапазон контактов личности;

4) качество контактов;

5) осознанные собственные стратегии использования социального капитала для достижения целей (Гуриева, Свенцицкий, 2023, с. 18).

Изучение конкретных тактик и эффектов накопления социального капитала личности стало отдельной задачей эмпирической части исследования, которое в дальнейшем было продолжено при поддержке нескольких грантов РФФИ.

По результатам реализации проекта была разработана методика, нацеленная на определение уровня доверия другим людям со стороны опрашиваемого индивида (персональное доверие) и доверия окружающих эту личность людей друг другу (социальное доверие) (Гуриева, Свенцицкий, 2023).

Рассматривая перспективы последующей исследовательской работы, А. Л. Свенцицкий обращается к проблеме изучения доверия личности к различным группам, организациям, социальным институтам и государству в целом. В пределах ориентации на преумножение социального капитала выделена стратегия альтруистического инвестирования («разумного альтруизма»). Индивид с преобладанием этой стратегии стремится инвестировать собственные ресурсы в улучшение ситуации для всех окружающих его в социальной сети. Инвестиции такого рода направлены на общее благо и могут быть основой для создания авторитета данного индивида в соответствующей социальной сети. Другая стратегия в пределах указанной ориентации называется «ресурсным монополизмом». Это также эгоцентрическая стратегия с расчетом на преумножение собственного социального капитала в некотором будущем. При такой стратегии социальный капитал приобретается посредством направления своих усилий на получение какого-либо редкого ресурса, особого статуса (как формального, так и неформального), сопряженного с социальной силой. Порой это и большое повышение уровня компетентности. Заметный вклад в исследовательскую работу внесла М. А. Недошивина (последний аспирант А. Л. Свенцицкого), защитившая кандидатскую диссертацию «Личностные и ситуационные детерминанты альтруизма» (2020) и разработавшая интернет-версию опросника для выявления детерминант альтруистического поведения в процессе формирования социального капитала личности.

А. Л. Свенцицкий является автором более 200 научных работ (включая 18 работ, опубликованных за рубежом), в том числе восьми монографий, учебников (1975, 1999, 2004, 2017, 2019), словарей (Краткий психологический словарь, 1999, 2023, 2025), хрестоматии (2000), пособия и т. д. (Свенцицкий, 1975; Свенцицкий, 1999; Свенцицкий, 2000; Свенцицкий, 2004; Свенцицкий, 2017; Свенцицкий, 2019; Свенцицкий, 2025). Две его монографии опубликованы в Японии (1977) и Чехословакии (1985). Его отдельные статьи переведены на английский, немецкий, польский и чешский языки. Он успешно выступал с докладами по психологии управления на факультете психологии Калифорнийского университета (США), международном семинаре в Бразилии и других международных конференциях.

Созданная А. Л. Свенцицким научная школа социальной психологии управления организациями в Ленинградском/Петербургском университете нашла свое развитие в научных исследованиях его учеников и последователей. Под его руководством защищено 50 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Его бывшие аспиранты в настоящее время работают не только в России, но также в научно-исследовательских организациях Болгарии, Беларуси, Египта, Израиля, Сирии, Узбекистана и т. д. Шестеро из них, уже будучи докторами психологических наук, также продолжают свою исследовательскую деятельность в сфере социальной психологии управления. Получаемые учениками А. Л. Свенцицкого данные позволяют разрабатывать социально-психологические методы оптимизации управления социальными организациями с учетом принципа дифференцированного подхода к разным категориям персонала.

Заключение

Таким образом, результаты исследований А. Л. Свенцицкого заложили важные теоретические и методологические основания российского направления психологии управления. Их значение определяется не только анализом управленческих особенностей, механизмов мотивации сотрудников, организационной культуры и социально-психологического климата, но и раскрытием специфики социальной регуляции деятельности личности, выступающей одновременно субъектом и объектом управления. Это позволяет рассматривать вклад А. Л. Свенцицкого как существенный этап в развитии отечественной психологии управления и формировании ее целостного научного аппарата.

К сожалению, в рамках одной статьи нам не удалось полностью охватить и осветить научное наследие замечательного человека, чуткого и внимательного преподавателя с уникальным чувством такта и юмора. В возрасте 75 лет он написал серьезную по форме, но курьезную по содержанию книгу. На вопрос, как и почему он, серьезный ученый, взялся за столь несерьезный труд, А. Л. Свенцицкий, улыбнувшись, ответил: «Если бы этот вопрос был в милицейском протоколе, то мой ответ был бы “Из хулиганских побуждений”…» (Психологи шутят, 2012). Таким он и был в жизни — ярким, остроумным, внимательным, душевным и добрым человеком. Эти образы и впечатления сохраняются в памяти навсегда. И время над ними не властно…

Из последнего интервью:

О чем вы сожалеете?

«Я никогда не сожалею о том, что я никогда ни о чем не сожалею, так как это не имеет смысла. Но если можно было что-то изменить, то я бы был храбрее. *Больше всего я хотел бы умереть без мучений…*» (Журавлев, Дробышева, 2018, с. 119). Это произошло в 2024 г., 4 марта.

Литература

Гуриева С. Д., Свенцицкий А. Л. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 4. С. 200–208. https://doi.org/10.17759/sps.2022130412

Гуриева С. Д., Свенцицкий А. Л. Социальная психология без границ: пятьдесят пять лет развития и достижений // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 5. С. 16–24. https://doi.org/10.31857/S020595920027721-9

Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. История и опыт социально-психологической школы факультета психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с А. Л. Свенцицким) / Ин-т психологии РАО // Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 1 (9). С. 119–126.

Журавлев А. Л., Почебут Л. Г., Чикер В. А азвитие организационной социальной психологии в Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете // Психологический журнал. 2023. Т. 44. С. 5–14.

Методы социальной психологии: монография / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л., Мараруца Л. В., Казанцева Т. В., Кузнецова И. В. Социальный капитал личности. М.: ИНФРА-М, 2014.

Психологи шутят / вспомнил, пересказал с англ., кое-что написал сам и сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Сад искусств, 2012.

Свенцицкий А. Л. Социально-психологические проблемы управления. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Свенцицкий А. Л. Социальная психология управления. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

Свенцицкий А. Л. Исследование стресса в производственной организации (социально-психологический подход) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 1995. № 24. С. 252–256.

Свенцицкий А. Л. Личность в группе // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 1998. С. 301–310.

Свенцицкий А. Л. Психология управления организациями. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

Свенцицкий А. Л. Социальная психология в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. (Сер. «Хрестоматия по психологии»).

Свенцицкий А. Л. Социальная психология: учебник. М.: Велби, 2004.

Свенцицкий А. Л. Социальная психология: учебник. М.: Юрайт, 2017.

Свенцицкий А. Л. Организационная психология: учебник для вузов. 1-е изд. М.: Юрайт, 2019.

Свенцицкий А. Л. Возрождение отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 5. С. 81–86. https://doi.org/10.31857/S020595920022786-0

Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2025.

Свенцицкий А. Л., Богданов В. А., Волков И. П., Гришина Н. В., Емельянов Ю. Н., Ершов В. А., Михеева С. М., Панферов В. Н., Почебут Л. Г., Русалинова А. А., Обозов Н. Н., Семенов В. Е., Степкин Ю. П., Хрящева Н. Ю., Чикер В. А., Чугунова Э. С. Промышленная социальная психология: коллективная монография. Л.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 1982.

Свенцицкий А. Л., Гуриева С. Д. Дорога длиною в полвека: первой отечественной кафедре социальной психологии — пятьдесят лет // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 1. С. 84–93. https://doi.org/10.31857/S020595920000842-2

Свенцицкий А. Л., Почебут Л. Г., Килошенко М. И., Кузнецова И. В., Мараруца Л. В., Казанцева Т. В. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3-2. С. 140–149.

Свенцицкий А. Л., Почебут Л. Г., Мараруца Л. В., Казанцева Т. В. Социальная психология социального капитала // Социальная психология. Традиции и современность. СПб.: Скифия-Принт, 2020. С. 200–210.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2025 г.;
рекомендована к печати 12 ноября 2025 г.

Контактная информация:

Гуриева Светлана Дзахотовна — д-р психол. наук, проф.;
https://orcid.org/0000-0002-4305-432X, s.gurieva@spbu.ru
Костромина Светлана Николаевна — д-р психол. наук, проф.;
https://orcid.org/0000-0001-9508-2587, s.kostromina@spbu.ru
Гришина Наталия Владимировна — д-р психол. наук, проф.;
https://orcid.org/0000-0001-6763-7389, n.v.grishina@spbu.ru

References

Bogdanov, V. A., Bojko, V. V., Vasil'ev, N. A., Volkov, I. P., Ershov, A. A., Kuz'min, E. S., Obozov, N. N., Panferov, V. N., Svencickij, A. L., Semenov, V. E., Trusov, V. P., Chugunova, E. S. (1977). *Methods of social psychology: monography*. Leningrad, Leningrad University Press. (In Russian)

Gurieva, S. D., Svencickij, A. L. (2022). 60 years of social psychology at Saint Petersburg State University: From its origins to new achievements. *Sotsial'naia psikhologiia i obschestvo*, 13 (4), 200–208. https://doi.org/10.17759/sps.2022130412 (In Russian)

Gurieva, S. D., Svencickij, A. L. (2023). Social psychology without borders: 50 years of development and achievements. *Psikhologicheskii zhurnal*, 44 (5), 16–24. https://doi.org/10.31857/S020595920027721-9 (In Russian)

Pochebut, L. G., Svencickij, A. L., Mararica, L. V., Kazanceva, T. V., Kuznecova, I. V. (2014). *Social capital of the person*. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian)

Psychologist are joking (2012). Comp. by A. L. Svencickij. St. Petersburg. (In Russian)

Svencickij, A. L. (1975). *Social-psychological problems of management*. Leningrad, Leningrad University Press. (In Russian)

Svencickij, A. L. (1986). *Social psychology of management*. Leningrad, Leningrad University Press. (In Russian)

Svencickij, A. L. (1995). Research of stress in the industrial organization (social-psychological approach). *Obozrenie psikhiatrii i medicinskoi psikhologii imeni V. M. Bekhtereva*, 24, 252–256. (In Russian)

Svencickij, A. L. (1998). The person in the group. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 301–310. (In Russian)

Svencickij, A. L. (1999). Psychology of organization management. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)

Svencickij, A. L. (2000). *Social psychology in native psychologists' works*. St. Petersburg, Piter Publ. (Series "Psychology Anthology"). (In Russian)

Svencickij, A. L. (2004). *Social psychology: textbook*. Moscow, Velbi Publ. (In Russian)

Svencickij, A. L. (2017). *Social psychology: textbook*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)

Svencickij, A. L. (2019). *Organisational psychology: textbook for higher education*. 1st ed. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)

Svencickij, A. L. (2022). Renaissance of the native social psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 43 (5), 81–86. https://doi.org/10.31857/S020595920022786-0 (In Russian)

Svencickij, A. L. (2025). *Brief dictionary of psychology*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)

Svencickij, A. L., Bogdanov, V. A., Volkov, I. P., Grishina, N. V., Emel'yanov, Yu. N., Ershov, V. A., Miheeva, S. M., Panferov, V. N., Pochebut, L. G., Rusalinova, A. A., Obozov, N. N., Semenov, V. E., Stepkin, Yu. P., Hryashcheva, N. Yu., Chiker, V. A., Chugunova, E. S. (1982). *Industrial social psychology: collective monography*. Leningrad, Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsena Press. (In Russian)

Svencickij, A. L., Gurieva, S. D. (2019). The way longing for half of the century: The first native department of social psychology is fifty years old. *Psikhologicheskii zhurnal*, 40 (1), 84–93. https://doi.org/10.31857/S020595920000842-2 (In Russian)

Svencickij, A. L., Pochebut, L. G., Kiloshenko, M. I., Kuznecova, I. V., Mararica, L. V., Kazanceva, T. V. (2009). Social capital and its development: social-psychology approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 3-2, 140–149. (In Russian)

Svencickij, A. L., Pochebut, L. G., Mararica, L. V., Kazanceva, T. V. (2020). Social psychology of social capital. In: *Sotsial'naia psikhologiia. Traditsii i sovremennost'* (pp. 200–210). St. Petersburg, Skifiia-Print. (In Russian)

Zhuravlev, A. L., Drobysheva, T. V. (2018). History and experience of social-psychological school of the Sociological faculty of St. Petersburg (Leningrad) State University (interview with A. L. Svencickij). Institute of Psychology of the RAS. *Sotsial'naia i ekonomicheskaia psikhologiia*, 3 (1), 119–126. (In Russian)

Zhuravlev, A. L., Pochebut, L. G., Chiker, V. A. (2023). Development of organizational social psychology in St. Petersburg (Leningrad) State University. *Psikhologicheskii zhurnal*, 44, 5–14. (In Russian)

Received: September 4, 2025
Accepted: November 12, 2025

Authors' information:

Svetlana D. Gurieva — Dr. Sci. in Psychology, Professor; https://orcid.org/0000-0002-4305-432X, s.gurieva@spbu.ru
Svetlana N. Kostromina — Dr. Sci. in Psychology, Professor; https://orcid.org/0000-0001-9508-2587, s.kostromina@spbu.ru
Natalia V. Grishina — Dr. Sci. in Psychology, Professor; https://orcid.org/0000-0001-6763-7389, n.v.grishina@spbu.ru